ISSN 2411-6122

СИБИРСКИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Научный журнал

2017

Выпуск 4 (18)

Учредитель и издатель
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»

Адрес редакции и издателя:
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

ISSN 2411-6122

SIBERIAN CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTIC READINGS

Scientific journal

2017

Issue 4 (18)

Founder and Publisher
State educational establishment of higher education «Baikal State University»

Editorial board's address:
11 Lenin St., Irkutsk, 664003, Russia

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ли Гоцян – профессор, института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.

Ван Чжи Хуа – Председатель института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.

В.А. Азаров – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация.

Е.П. Ищенко – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация.

Н.П. Кириллова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Г.А. Василевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Юридического факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

О.И. Андреева – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности юридического института, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Е.В. Смахтин – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Протасевич – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (***гл. ред.***)

И.В. Смолькова – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (***науч. ред.***)

И.Г. Смирнова – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Юридического института, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (***отв. ред.***)

Д.А. Степаненко – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, г. Иркутск, Российская Федерация

В.Н. Китаева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

М.С. Дунаева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Н.Ю. Литвинцева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Р.В. Мазюк – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

О.А. Егерева – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

THE EDITORIAL COUNCIL

Li Gotsyan – Professor, Institute of Comparative Jurisprudence, Chinese Political and Legal University, Beijing, China.

Wang Zhi Hua – Chairman of Institute of Comparative Law, Chinese Political and Legal University, Beijing, China.

Vladimir A. Azarov – dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Head of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.

Evgenii P. Ishchenko – dr Sc (law), Professor, the Head of Chair of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation.

Natalia P. Kirillova – dr Sc (law), Professor, the Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

Grigirii A. Vasilevich – dr Sc (law), Professor, the Head of Chair of a Constitutional Law of Law Department, the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

Olga I. Andreyeva – dr Sc (law), the Associate Professor, the Head of Chair of Criminal Procedure, Public Prosecutor's Supervision and Law-Enforcement Activity of Law institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Evgenii V. Smakhtin – dr Sc (law), the Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of State and law, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

THE EDITORIAL BOARD

Aleksander A. Protasyevich – dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, the Head of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation (***Editor-in-chief***)

Iraida V. Smolkova – dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Irina G. Smirnova – dr Sc (law), Associate Professor, Deputy Director of Law Institute for Science, the Head of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Diana A. Stepanenko – dr Sc (law), Professor, Deputy Director for Science, Russian University of Justice, Moscow, Russian Federation, Russian University of Justice (East Siberian branch), Irkutsk, Russian Federation

Valentina N. Kitayeva – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Marina S. Dunayeva – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Nanalija Yu. Litvintseva – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Roman. V. Mazyuk – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Olesya A. Egereva – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Загорский Г.И. Уголовно-процессуальные средства предупреждения экологических преступлений 9

Смирнова И.Г., Шаблинская Д.В. К вопросу о современной уголовно-процессуальной политике и ее значении..... 16

Смолькова И.В. О стратегии современного российского уголовного судопроизводства..... 37

Козявин А.А. Уголовно-процессуальная деятельность суда и его телеологическая основа 44

Климова Я.А. Реализация прокурором правообеспечительной функции на завершающих этапах досудебного производства 52

Корнакова С.В., Щербаков В.А. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: гарантии справедливости постановления приговора.... 58

Литвинцева Н.Ю. Актуальные проблемы процессуального статуса законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого..... 66

Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства 76

Ратьков А.Н. Выверенность процессуальных конструкций как основа эффективной уголовно-процессуальной политики 85

Реховский А.Ф. Трансакция в российском уголовном процессе 94

Митюкова М.А. Проблемы возбуждения и расследования уголовных дел в сокращенной форме дознания 100

Попова И.П. Актуальные проблемы постановления обвинительного приговора без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве..... 107

КРИМИНАЛИСТИКА

Степаненко Д.А., Липунова Е.А. О практике выявления и расследования преступлений об оказании услуг по перевозке пассажиров воздушным транспортом, не отвечающих требованиям безопасности 115

Петрухина О.А., Шурухнов Н.Г. Данные о свойствах личности субъектов противоправной деятельности, мотивах, корреляциях для установления обстоятельств совершения экологических преступлений 128

Егерев И.М., Егерева О.А. Повышение объективности процесса межличностного познания в деятельности следователя..... 137

Куемжиева С.А. О целеопределении в расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних 146

Фойгель Е.И. О комплексном подходе к изучению человека и человеческой деятельности в криминалистике 152

Шишкина Е.В. Потребности практики и методики расследования отдельных видов и групп преступлений..... 158

Балко В.И. Приемы техники традиционного дактилоскопирования подошв ног при ее окрашивании 165

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Сергеева О.С. Становление фигуры специалиста в российском уголовном судопроизводстве..... 171

Козырев В.И. Критерии определения и факторы, влияющие на разумность срока досудебного уголовного производства..... 180

Митрофанова А.А. К вопросу об определении понятия «криминалистическое обеспечение» 188

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ..... 196

CONTENT

CRIMINAL PROCESS

Zagorsky G.I. Criminal-procedural means warnings of environmental crimes 9

Smirnova I.G., Shablinskaya D.V. To a question of modern criminal procedure policy and its value 16

Smolkova I.V. Strategy of the modern russian criminal proceedings 37

Kozyavin A.A. Criminal-procedural activity of the court and its teleological basis 44

Klimova Ya.A. The prosecution of the provider of the legal protective function at the final stages of pre-industrial production 52

Kornakova S.V., Shcherbakov V.A. A special procedure of judicial proceedings with the consent of the accused with the accusation: the guarantee of justice of sentencing 58

Litvintseva N.Yu. Actual problems of procedural status of legal representatives of minor-term suspended and the accused 66

Maziuk R.V. Procedural interests ofcriminal proceedings participants 76

Ratkov A.N. Accuracy of procedural constructions as a base of effective criminal procedural policy 85

Rekhovskiy A.F. Transaction in russian criminal procedure 94

Mitukova M.A. The issues of initiation and investigation of criminal cases through inquiry in abbreviated form 100

Popova I.P. Actual problems of a guilty verdict without assignment of punishment in the russion criminal proceedings 107

CRIMINALISTICS

Stepanenko D.A., Lipunova E.A. On the practice of identifying and investigating crimes on the provision of passenger transportation services by air that do not meet the safety requirements 115

Petrukhina O.A., Shurukhnov N.G. Data on the properties of the personality of subjects of opposite activity, motives, correlations for the setting of the circumstances of performing ecological crimes..... 128

Egerev I.M., Egereva O.A. Improvement of objectivity of the process of inter-current knowledge in the activity of the follower..... 137

Kuemzhieva S.A. About definition in investigation of crimes against family and minors..... 146

Foygel E.I. About integrated approach to research of human being and human activity in criminalistics 152

Shishkina E.V. The needs of the practice and methods of investigation of separate kinds and groups of crimes..... 158

Balko V.I. Techniques of traditional fingerprinting soles of the feet with painting 165

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

Sergeeva O.S. The formation of the figure of specialist in Russian criminal proceedings 171

Kozyrev V.I. Criteria and factors for a reasonable term of pre-trial criminal proceedings..... 180

Mitrofanova A.A. To the question of the definition of the concept «forensic support» 188

INVITATION TO PUBLICATIONS..... 196

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

Г.И. Загорский

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются уголовно-процессуальные средства предупреждения экологических преступлений. При этом обращается внимание на то, что уголовно-процессуальный закон в предмет доказывания по любому уголовному делу, включает также обстоятельства, способствующие совершению преступления. Автор анализирует нормы действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющие полномочия участников уголовного судопроизводства по выявлению причин и условий, способствовавших совершению экономических преступлений и процессуальные полномочия по их устранению.

Ключевые слова: экология, преступление, причины, условия, размер ущерба, суд, следователь, дознаватель, процессуальные меры, возмещение вреда, частное определение.

G.I. Zagorsky

CRIMINAL-PROCEDURAL MEANS WARNINGS OF ENVIRONMENTAL CRIMES

The article deals with criminal-procedural means of preventing environmental crimes. At the same time, attention is drawn to the fact that the criminal procedure law for the subject of proof in any criminal case includes also the circumstances that contribute to the commission of the crime. The author analyzes the norms of the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation defining the powers of participants in criminal proceedings to identify the causes and conditions that contributed to the commission of economic crimes and the procedural powers to eliminate them.

Keywords: ecology, crime, causes, conditions, amount of damage, court, investigator, investigator, procedural measures, compensation for harm, private definition.

Объявленный годом экологии 2017 г. ознаменовался принятием Стратегии экологической безопасности, в которой четко обозначена главная ее цель: «обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики»[1]. Достижение этой цели возможно путем реализации различных мер социально-экономического, политического, организационного и правового характера. Существенную роль в борьбе с экономическими правонарушениями играют правовые нормы, предусматривающие применение к лицам, нарушающим экологические предписания, мер дисциплинарного, административного, гражданско-правового и уголовного воздействия [1]. Однако не менее важной задачей в реализации мероприятий по обеспечению экологической безопасности является предупреждение этих правонарушений.

Не важность этой задачи обращалось внимание в докладе «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г.»: «в 2016 г. поступило 1732 жалобы граждан на нарушения, связанные с обеспечением благоприятной окружающей среды, пользованием природными ресурсами, из них 255 жалоб были коллективными»[2].

Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство призваны обеспечить борьбу с преступлениями, в том числе и с экологическими.

Отметим, прежде всего, что предупреждение преступлений, в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, рассматривается в качестве одной из основных задач. Глава 26 Уголовного кодекса Российской Федерации «Экологические преступления» предусматривает уголовную ответственность за нарушение различных правил, установленных действующим экологическим законодательством [2]: правила охраны окружающей среды при производстве работ, обращение с экологически опасными веществами и отходами, загрязнение вод, атмосферы, морской среды, земель, незаконное использование недр, биологических ресурсов и т. п. – всего 18 составов преступлений.

Следует подчеркнуть, что установление уголовной ответственности за наиболее опасные экологические правонарушения уже носит

[1] Закон природы // Российская газета. 2017. 21 апр. С. 6.

[2] Доклад «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г.» // Российская газета. 2017. 17 мая. С. 21.

предупредительный характер. Немаловажное значение приобретает и положение, предусмотренное в части второй ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, о том, что обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, входят в предмет доказывания по уголовному делу. На это положение закона обращал внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений» [3, с. 11–16] указав, что работа по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений, имеет важное профилактическое значение, воспитывая граждан и должностных лиц в духе неуклонного исполнения законов.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в этом постановлении рекомендовал судам при рассмотрении уголовных дел проверять выявлены ли в ходе предварительного расследования причины преступления и условия, способствовавшие их совершению, приняты ли меры к их устранению. Если в материалах уголовного дела имеется представление органа дознания, следователя или прокурора об устранении указанных причин и условий, суд должен установить, приняты ли руководителями соответствующих предприятий, учреждений или организаций необходимые меры по представлению. В том случае, если по каким-либо причинам эти меры не были приняты судам рекомендовано указать об этом в частном определении, а при наличии к тому оснований, поставить перед вышестоящим органом вопрос об ответственности должностного лица, на котором лежала обязанность их принятия.

Эти полномочия суда прямо закреплены в части четвертой ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой, если в судебном разбирательстве по уголовному делу выявлены обстоятельства, способствующие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства.

Причины и условия, способствовавшие совершению конкретного преступления должны быть установлены в ходе судебного разбирательства по правилам, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством в частности в ходе допроса подсудимого, потер-

певшего, свидетелей. Для установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, могут быть использованы специальные познания экспертов, заключения которых должны быть тщательно исследованы в ходе судебного следствия. В случае сомнений и неясностей, возникши при оглашении судом заключения эксперта о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, закон предусматривает возможность допроса эксперта по поводу данного им заключения в целях разъяснения или уточнения его выводов (ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Эти положения закона в равной мере применимы и при исследовании в судебном разбирательстве заключения специалиста – представленного в письменном виде суждения по причинам и условиям, способствовавшим совершению преступления.

Для установления причин и условий, способствовавших совершению экологических преступлений, важное значение приобретает исследование в ходе судебного разбирательства различных нормативно-правовых актов, изданных в развитие экологического законодательства и определяющих должностные полномочия по обеспечению экологической безопасности лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности.

К числу наиболее распространенных нормативных актов и документов относятся справки, копии приказов и распоряжений, должностные инструкции, различные акты о проверке исполнения требований экологического законодательства при осуществлении хозяйственной деятельности и т. п.

Частное определение выносится судом в совещательной комнате одновременно с постановлением приговора. Оно может быть по решению суда оглашено в зале судебного заседания после провозглашения приговора, однако в любом случае суд обязан объявить о том, что по рассмотренному уголовному делу вынесено частное определение, о чем делается запись в протоколе судебного заседания.

К содержанию и форме частного определения суда о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, предъявляются общие требования, как и к любому процессуальному акту по уголовному делу [4; 5].

Прежде всего частное определение суда о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, должно быть законным, обоснованным и мотивированным (часть четвертая ст. 7 Уго-

ловно-процессуального кодекса Российской Федерации). Из этих положений закона следуют важные практические выводы.

Законность частного определения означает, что оно должно быть вынесено судом в соответствии с процедурой, предусмотренной уголовно-процессуальным законом, и основано на правильном применении норм материального права, подлежавших учету при рассмотрении конкретного уголовного дела. Применительно к уголовным делам об экологических преступлениях прежде всего должны быть правильно применены не только нормы уголовного закона, определяющие понятие преступления, условия наступления уголовной ответственности, установление формы вины и т. п. обстоятельства, но и многочисленные нормы экологического права.

Обращая внимание судов на важность обеспечения правильного, единообразного и эффективного применения законодательства об ответственности за экологические преступления, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» указал судам, что при рассмотрении уголовных дел, связанных с нарушениями экологического законодательства, особое значение приобретает установление причинной связи между совершенными деяниями и наступившими вредными последствиями или возникновением угрозы причинения существенного вреда окружающей природной среде и здоровью людей с учетом норм экологического законодательства и нормативно-правовых актов, изданных в их развитие. Одновременно в этом же постановлении особо подчеркнуто, что судам надлежит полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства каждого уголовного дела и реагировать путем вынесения частных определений на установленные судом факты нарушения закона, причины и условия, способствовавшие совершению преступления и требующие принятия соответствующих мер, направленных на их предотвращение [3, с. 113–123].

Обоснованность частного определения суда о причинах и условиях, способствовавших совершению экологического преступления, означает, что выводы суда соответствуют действительности и убедительно подтверждаются исследованными в судебном разбирательстве доказательствами, которые установлены в предусмотренном уголовно-процессуальном законе порядке и достаточны для принятия правильного решения об этих обстоятельствах.

Мотивированность частного определения суда о причинах и условиях, способствовавших совершению экологического преступления, выражается в приведении конкретных доказательств, на которых суд основывает свои выводы, в раскрытии их содержания, в их анализе, а также в аргументации позиции суда о необходимости принятия соответствующих мер по устранению негативных явлений, выявленных в ходе производства по уголовному делу [6, с. 8–26].

Кроме указанных требований законности, обоснованности и мотивированности закон определяет также требования к структуре и содержанию частного определения суда (часть вторая ст. 227, части вторая и третья ст. 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Как и любой процессуальный акт по уголовному делу частное определение должно состоять из трех взаимосвязанных частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной [7].

Вводная часть частного определения суда о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, призвана индивидуализировать его как акт правосудия, т. е. дать представление о том, когда, где, каким составом суда и в связи с рассмотрением какого уголовного дела оно вынесено.

Описательно-мотивировочная часть частного определения должна раскрыть какие конкретно причины и условия, способствовавшие совершению экологического преступления, установлены судом, показать на каких конкретных доказательствах, исследованных в ходе судебного разбирательства при рассмотрении этого дела, основаны эти выводы суда, обоснование необходимости принятия конкретных мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Резолютивная часть частного определения должна быть краткой, четкой и предельно ясной, чтобы не возникало никаких сомнений и неясности при его исполнении.

Как правило, в этой части частного определения указывается о необходимости должностных лиц, в адрес которых направляется частное определение, сообщить суду о принятых ими мерах по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Своевременное исполнение частного определения суда о причинах и условиях, способствовавших совершению экологического преступления, действенный контроль суда за фактическим их устранение является

важным средством предупреждения правонарушений в экологической сфере и положительно влияет на укрепление законности в стране.

Список использованной литературы

1. Тер-Акопов А.А. Проблемы юридического обеспечения экологической безопасности / А.А. Тер-Акопов. – М., 2001.

2. Краснова И.О. Политика экологического развития в контексте правовой охраны окружающей среды / И.О. Краснова // Российское правосудие. – 2017. – № 8. – С. 98–107.

3. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под ред. В.М. Лебедева. – 2-е изд. – М., 2008.

4. Кудрявцева Е.П. Составление процессуальных документов при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции / Е.П. Кудрявцева. – М., 2014.

5. Егорова О.А. Настольная книга судьи. Методика написания судебных постановлений : учеб.-практ. пособие / О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов, О.Н. Киянова. – М., 2013.

6. Тузов Н.А. Мотивированность и преюдиция судебных актов / Н.А. Тузов. – М., 2006.

7. Загорский Г.И., Качалов В.И. Процессуальные (судебные) акты по уголовным делам / Г.И. Загорский, В.И. Качалов. – М., 2015.

Информация об авторе

Загорский Геннадий Ильич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной, Российский государственный университет правосудия, 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69-А, e-mail: 9976842@mail.ru.

Information about the author

Zagorsky, Gennady I. – Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the RSFSR, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedural Law N.V. Radutnoy, Russian State University of Justice, 69-A, Novocheremushkinskaya St., 117418, Moscow, Russian Federation, e-mail: 9976842@mail.ru.

УДК 343.1

И.Г. Смирнова, Д.В. Шаблинская

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ

Статья посвящена исследованию уголовной политики как направления деятельности государства по борьбе с преступностью. Уголовная политика рассматривается в комплексе, виды уголовной политики и ее уровни систематизированы в единый объект научного познания. Обосновывается необходимость оптимизации всех подсистем уголовной политики, приведение ее основополагающих линий в соответствие со сложившимися социально-экономическими условиями.

Ключевые слова: уголовный процесс, правовая политика, права личности, Конституционный Суд.

I.G. Smirnova, D.V. Shablinskaya

TO A QUESTION OF MODERN CRIMINAL PROCEDURE POLICY AND ITS VALUE

Article is devoted to research of criminal policy as activities of the state on fight against crime. The criminal policy is considered in a complex, types of criminal policy and its levels are systematized in uniform object of scientific knowledge. Need of optimization of all subsystems of criminal policy, reduction of its fundamental lines in compliance with the developed social and economic conditions locates.

Keywords: criminal trial, legal policy, rights of the personality, Constitutional Court.

Социальная политика – движущая сила совершенствования общества, важнейшая перспектива его развития. Внешне она выражается в совокупности принятых государством решений и предполагает разработку и реализацию определенных правовых, организационно-управленческих и других мер, которые направлены на достижение социально полезных целей. Как отмечает Э.А. Саркисова, «правовая система общества, формы ее реализации, используемые средства противодействия негативным явлениям не могут существовать вне поли-

тических устремлений государства, в отрыве от общих социально-политических мероприятий, проводимых государством в целях удовлетворения жизненных потребностей человека и общества в целом» [1, с. 540].

Одной из функций современного государства является охрана общественных отношений от опасных посягательств, обеспечение национальной безопасности. Соответственно, можно выделить особое направление социальной политики – специальную систему направляющего воздействия на общество в целях предупреждения и пресечения общественно опасного поведения [2, с. 7]. Данный вид социальной политики именуется политикой в области борьбы с преступностью или уголовной политикой.

Вопрос о политике не нов для современной науки [3, с. 595–600]. Так, в своей работе «Проблема уголовной политики» профессор А. Маклецов справедливо указывал, что из славянских государств уголовная политика теоретически больше всего разрабатывалась в России, где благодаря М.П. Чубинскому курс уголовной политики был введен в учебный план университетов [4, с. 359].

Под политикой (от греч. politiká – государственные или общественные дела) в целом следует понимать науку о задачах и целях государства и тех средствах, которые имеются в распоряжении или бывают необходимы для выполнения этих целей [5, с. 352]; область взаимодействия между классами, партиями, нациями, народами, государствами, социальными группами, властью и населением, гражданами и их объединениями [6, с. 121].

«Политика» является одним из самых распространенных и многозначных терминов. Существующие научные определения политики подлежат систематизации и классификации на три основные группы: социологические, субстанциональные и научно сконструированные [7, с. 7–14]. Однако ввиду того, что право выступает одним из социальных образований, мы будем придерживаться социологического подхода к определению политики (то есть путем выявления ее сущностных черт через иные социальные категории).

Итак, в науке обосновываются различные позиции в части определения понятия и содержания уголовной политики. На первоначальном этапе уголовная политика понималась достаточно широко: в ее содержание включались и меры социального характера. Например А.А. Герцензон, которому принадлежит авторство на пер-

вое в советской литературе понятие уголовной политики, рассматривал ее как сочетание не только юридических, но и социальных мер [8, с. 179]. В последующем, как отмечает Э.А. Саркисова, грани уголовной политики стали ограничиваться только юридической направленностью [1, с. 540].

Проблемы уголовной политики достаточно часто выступали предметом исследования советских, российских и белорусских ученых. Вопросам понятия, содержания, тенденциям и направлениям уголовной политики посвящены работы Н.С. Алексеева, Н.А. Барановского, А.В. Баркова, Н.А. Беляева, В.Г. Даева, А.А. Герцензона, О.В. Гревцова, А.Э. Жалинского, Н.И. Загородникова, А.И. Исмаилова, В.А. Казаковой, А.И. Коробеева, Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, О.А. Малышевой, В.В. Марчука, Г.М. Миньковского, П.Н. Панченко, О.Г. Перминова, Т.Р. Сабитова, А.Л. Савенка, Э.А. Саркисовой, А.В. Федорова, В.Б. Шабанова, В.М. Хомича, В.Ф. Цепелева и многих других ученых.

Несмотря на серьезную проработку проблем уголовной политики, в нынешних условиях потребность в конкретизации ее сущности, содержания, целей и задач, оптимизации стратегии и тактики возрастает. Особого внимания заслуживает рассмотрение конкретных уровней (подсистем) уголовной политики, их соотношение. Данные положения могут быть исследованы сквозь призму обоснования самостоятельности обозначенного направления социальной политики, имеющего свои закономерности, противоречия и особенности, что позволит представить и обосновать современную уголовную политику как самостоятельный объект научного познания.

Следует заметить, что первоначально уголовная политика рассматривалась как организация уголовного законодательства в соответствии с началами естественного права, с особенностями национальной культуры; деятельность государства в борьбе с преступностью [4, с. 359]. В этой связи следует отметить, что по-прежнему вопрос о сущности уголовной политики не потерял своей дискуссионности.

Анализ специальной литературы, посвященной политике, позволяет утверждать, что наиболее обсуждаемыми являются вопросы уголовной политики, ее понятия, соотношения с иными смежными категориями, видов, предмета, методов, форм реализации, субъектов, наделенных соответствующими полномочиями.

Рассматривая сущность исследуемой категории, отметим, что уголовная политика в основном определяется целями и содержанием общей социальной политики, воспроизводит ее основные черты [9, с. 17]. Поэтому разработка стратегии и тактики борьбы с преступностью, прогрессивные преобразования средств и методов уголовной политики не могут происходить без учета информации, поступающей «сверху», из сферы социальной политики, а не только «снизу», из сферы практики специальных мер борьбы с преступностью. Только зная общие принципы социальной политики, другие ее базовые положения, можно сформулировать и обосновать общую концепцию уголовной политики в нашем обществе, писал А.И. Исмаилов [9, с. 17–19]. Г.М. Миньковский указывает на планомерный и научно обоснованный характер уголовной политики, которая опирается на возможность познания социальных потребностей и потенциалов общества и государства на каждом этапе его развития в сфере борьбы с преступностью [10, с. 380]. Вместе с тем уголовная политика также имеет влияние на социальную политику: как верно отмечает О.В. Гревцов, в силу специфики своего объекта социального управления, то есть преступности, уголовная политика оказывает прямое и мощное воздействие на политику государства в целом, вплоть до изменения сущности последней [11, с. 4].

В рамках данной публикации нами поставлена задача обосновать самостоятельность уголовной политики, наличие у данного направления социальной политики характерных именно для него системных свойств и взаимосвязей. Так, А.И. Исмаилов выделяет следующие свойства уголовной политики: сложность, т. е. наличие нескольких составных частей (подсистем) и элементов; структурность, то есть существование устойчивого набора составных частей; упорядоченность (организованность), то есть наличие связей и зависимостей между уголовной политикой как целостностью и ее составными частями; замкнутость, то есть определенная обособленность уголовной политики от других видов социальной политики [9, с. 17–18].

Изложенное указывает на необходимость анализа уголовной политики с точки зрения системного подхода, что предполагает выделение и уяснение ее подсистем либо уровней. «Научная теория – политическая концепция – правовое регулирование – правоприменение на основе научных же рекомендаций и с обратной связью с предшествующими «ступенями» – таким видится место политиче-

ских и правовых наук в управлении делами общества», – писал А.И. Исмаилов [9, с. 5].

Учеными правовая политика в зависимости от сферы воздействия обычно подразделяется на: 1) законодательную (правотворческую, правоустановительную); 2) правоприменительную; 3) юридическую (политику в области юридической науки) [12, с. 98].

Ю.А. Воронин рассматривает уровень общей уголовной политики (где разрабатываются и реализуются ее теоретические, прогностические, стратегические основы) и уровень конкретной (практической) уголовной политики, где принимаются детализирующие решения, обеспечивающие функционирование отдельных звеньев системы воздействия на преступность в нужном для буржуазных государств направлении [13, с. 3].

В.Ф. Цепелев выделяет пять уровней политики и отмечает, что если на доктринальном, директивном и отчасти законодательном уровнях уголовная политика разрабатывается и закрепляется, то на законодательном (частично), управленческом и правоприменительном она реализуется [14, с. 294].

Обобщив изложенные в научной литературе подходы, предлагаем собственное видение элементов (сторон, уровней) уголовной политики.

1. Концептуальный уровень – общая линия (идея, концепция). Данный уровень определяет основные принципы, на которых базируются все меры борьбы с преступностью, определение целей и задач борьбы с преступностью, путей и средств этой борьбы, ее конкретной направленности (на определенном этапе развития общества в конкретных социально-экономических условиях). На этом уровне могут приниматься программные документы в области борьбы с преступностью.

2. Уровень практической политики. Общая линия на данном уровне «перетекает» в законодательный подуровень: уголовный закон, иные нормативные правовые акты (в первую очередь кодифицированные) в области борьбы с преступностью, создавая регулятивные правоотношения, и правоприменительный подуровень – применение норм права в контексте конкретных конфликтных охранительных отношений.

3. Доктринальный уровень. Это научное осмысление как общей линии, так и практической политики в области борьбы с преступно-

стью, а также историко-правовой, сравнительно-правовой анализ и выработка рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовой борьбы с преступностью.

Основу уголовной политики (концептуальный уровень) формирует идейно-теоретическая база – множество основополагающих идей, которые вырабатываются самой уголовной политикой. Эти идеи синтезируются из конкретных направлений борьбы с преступностью и соответствующих выявленных закономерностей и тенденций общественного развития. Здесь объясняется и сама потребность в борьбе с преступностью, пределы и содержание этой борьбы, цели, задачи, механизм и проч. Изучению данного уровня особое внимание уделил П.Н. Панченко. Ученый отмечает, что сюда включаются проблемы, с позиций которых изучаются соответствующие закономерности и возможности, а именно: понятие, тенденции развития уголовной политики и ее научных основ, система, источники, формы выражения, принципы, функции, субъекты, направления, средства, управленческие аспекты, эффективность, пути дальнейшего совершенствования данной политики и др. [15, с. 8].

Реализуется концептуальный уровень уголовной политики в Основном законе государства, программных документах, целевых директивах, посланиях и др. Особый компонент данной подсистемы – принципы уголовной политики. И.А. Исмаилов указывает, что принципы уголовной политики, являясь «сквозными» ориентирами организации, функционирования, развития системы борьбы с преступностью, концентрированным выражением ее сущности распространяются на все подсистемы [9, с. 22].

Процесс перехода концептуального уровня политики в практический видится весьма сложным и неоднозначным. А.В. Федоров заключает, что «право и политика как явления человеческой цивилизации имеют множество взаимосвязей, часть из которых в своей совокупности позволяет констатировать, что политика формирует право, которое становится инструментом реализации политики. Право производно от политики, выражает политику и служит средством ее реализации при определяющей роли государства, которое реализует соответствующую правовую политику» [12, с. 97].

В современных условиях создать стабильное и универсальное законодательство практически невозможно. Как верно отмечает А.В. Барков, в условиях динамичности поправки неизбежны, однако

они должны быть необходимыми и основываться на опыте предшествующего правоприменения, влечь повышение эффективности правового регулирования [16, с. 431–432]. Любые изменения уголовного закона требуют тщательного осмысления и обоснования, дабы они не вступали в противоречие с социальными реалиями.

О.Г. Перминов указывает, что совершенствование законодательства является одним из основных, но не единственным направлением изменения уголовной политики. Другим важным направлением следует считать создание необходимых условий (организационных, финансовых, кадровых) для реализации принятого уголовного законодательства [17].

Именно правоприменение позволяет определить компромисс между желаемым и объективно возможным результатом уголовной политики. Реализация уголовной политики правоприменителем – отдельная тема научного исследования. Для уяснения взаимосвязей отметим лишь то, что именно в результате правоприменительной деятельности выявляются положительные и негативные стороны уголовной политики. Именно по результатам правоприменительной практики возможно и дальнейшее совершенствование уголовного закона, и развитие уголовной политики.

В рамках данного исследования представляется целесообразным уделить внимание доктринальному уровню уголовной политики. Борьба с преступностью однозначно должна иметь под собой научную основу. Невозможно создание ни руководящих идей, ни текста уголовного закона без должной научной проработки. Только всесторонняя, научно обоснованная концепция воздействия на преступность способна сделать уголовную политику эффективной. Полагаем, для Российской Федерации и Республики Беларусь фундаментальные научные исследования, обеспечивающие уголовную политику, являются весьма целесообразными и актуальными.

Доктрина играет существенную роль в первую очередь в процессе конструирования новых правовых положений. В качестве примера можно привести историю создания УК Республики Беларусь 1999 г. Сложнейшие процессы, сопутствующие становлению действующего уголовного закона Беларуси, влияние на его конструирование известных белорусских правоведов отражены в публикациях А.В. Баркова [18; 19]. Следует отметить колоссальную работу бело-

русской правовой мысли и тот существенный вклад, который внесли ученые в уголовное законотворчество Беларуси.

Рассматривая уголовную политику на основе системного и комплексного подхода, следует констатировать взаимосвязь и взаимообусловленность уровней уголовной политики, сформулировав задачу нахождения четкого баланса между указанными подсистемами. Так, современные и совершенные научные концепции не будут реализованы в том случае, если они не развиты до уровня идеи либо если на уровне их реализации идет отторжение (у законодателя и правоприменителя). С другой стороны, абсолютно недопустимо ведомственное уголовное законотворчество, основанное на сиюминутных потребностях правоприменения и не согласованное с научными подходами и тем более – основной линией уголовной политики. Без научной опоры вполне возможно найти простые и скорые решения, но жизнь показывает, что такой подход далеко не оптимален. Н.А. Лопашенко делает весьма неутешительный вывод о том, что влияние доктрины уголовного права на уголовную политику невелико [20, с. 55]. Действительно, в настоящее время процесс совершенствования законодательства зачастую и вовсе происходит без участия представителей науки. А ведь теоретико-правовой подход к исследованию проблем уголовно-правового нормотворчества обусловлен нарастающей потребностью обеспечить прогрессивные преобразования действующего уголовного законодательства, необходимостью правильной постановки целей и задач таких преобразований. Иначе реформирование закона утрачивает самое главное – понимание сущности и системности происходящих преобразований. И разумеется, не стоит забывать об идеолого-правовой основе, общей линии уголовной политики. Только качественное взаимодействие указанных уровней уголовной политики способно предотвратить либо блокировать деструктивные последствия реформ, которые вполне могут превысить их позитивные результаты.

В этой связи Н.И. Загородников отмечал: «Уголовная политика является единой линией, выработанной государством, отражающей объективную картину существования преступности и мер, необходимых для ее преодоления. Эта линия закреплена в нормах закона, конкретна и безусловно обязательна для всех» [2, с. 12]. Рассматривая уголовную политику как системообразующий комплекс, необходимо выделять ее виды (векторы, составные части, элементы). Внутри сво-

его содержания единая линия политики в области борьбы с преступностью переходит в систему относительно самостоятельных векторов: вектор уголовно-правовых средств борьбы с преступностью, вектор оперативно-розыскных и судебных (уголовно-процессуальных [3]) мер борьбы с преступностью, вектор исправительно-трудовых средств борьбы с преступностью и др. [2, с. 13]. Э.А. Саркисова относит к видам уголовной политики уголовно-правовую, уголовно-исполнительную, уголовно-процессуальную и криминологическую [1, с. 540].

Таким образом, уголовная политика интегрирует в единое целое относительно самостоятельные направления борьбы с преступностью. В качестве одного из системообразующих видов единой политики в области борьбы с преступностью выступает уголовная политика в узком смысле этого слова (в данном контексте в научных трудах чаще употребляется категория «уголовно-правовая политика»), которая реализуется и закрепляется средствами уголовного права. Понятие «уголовно-правовая политика» используется в уголовном праве для обозначении «политики в области противодействия преступности методами уголовного закона» [21, с. 264], которая «вырабатывает основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействии на преступность, а также средства их достижения» и «выражается в директивных документах, нормах уголовного права, актах толкования норм и практике их применения» [22, с. 59]. Как отмечает Э.А. Саркисова, «уголовно-правовая политика, имея своим основным источником уголовное право, нацелена на определение и использование уголовно-правовых средств воздействия на преступность, борьбы с ней. …Что касается проявления (реализации) уголовно-правовой политики, то ее зеркалом является уголовный закон, во-первых, и практика его применения, во-вторых. Индикатором же развития уголовной политики и в то же время ее предметом является преступность как явление, динамика и структура которой предопределяет систему противодействующих ей мероприятий» [1, с. 541].

Уголовная политика имеет единый объект воздействия – преступность. Но именно уголовно-правовая политика располагает своими особыми приемами, средствами, возможностями, закрепленными в уголовном законе на основе общих принципов единой политики борьбы с преступностью или уголовной политики в широком смысле слова [2, с. 13].

Связь уголовной политики и уголовного права, их взаимное влияние видятся наиболее определенными, ведь преступность является в первую очередь уголовно-правовой категорией. Н.Ф. Кузнецова заключает о связи преступности с уголовным правом: круг составляющих ее преступлений определяет уголовное законодательство. Ученый доказывает, что изменение уголовного закона сразу влияет на правовую сторону преступности [23, с. 174]. Более того, необходимо учитывать, что уголовная политика действует в более широких законодательных рамках, чем уголовное правосудие. Набор средств воздействия на объект для уголовной политики не ограничен только законодательными технологиями [24, с. 37].

Н.И. Загородников отмечает, что именно через уголовное право уголовная политика оказывает определяющее воздействие на другие отрасли права, имеющие отношение к борьбе с преступностью, правовые институты и учреждения [2, с. 10–14]. Приоритет уголовно-правовой политики, ее доминирующее положение среди иных направлений уголовной политики обосновывают Э.А. Саркисова [25], Н.А. Лопашенко [21], А.И. Коробеев [22] и другие ученые.

Содержательная сторона уголовно-правовой политики представляет собой определение принципов уголовно-правового воздействия на преступность, определение круга преступного и наказуемого, определение круга мер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, и целый ряд иных элементов, заложенных в уголовном законе. Необходимо отметить, что в последнее время в нее включаются и относительно новые элементы – ресоциализация и социальная адаптация лиц, совершивших общественно опасные деяния. Сколь бы насущным ни было определение государственного принуждения в уголовно-правовой сфере, не менее целесообразным представляется обоснование включения в содержание уголовно-правового воздействия мер убеждения. Вместе с тем вся структура уголовной политики выстроена исходя из одного объекта – преступности. Мы предлагаем взглянуть на объект уголовной политики более широко – как на совокупность общественно опасных деяний (совершаемых юридическими лицами; невменяемыми; лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности).

При выборе наиболее оптимального подхода к решению вопроса о природе уголовной политики следует учитывать, что политика – это не только совокупность процессов в государстве, связанных с влия-

нием установок на содержание и выполнение преследуемых целей, но и управление ими.

Конечно, речь в первую очередь идет о разрешении уголовно-правовых вопросов, связанных с криминализацией – декриминализацией, пенализацией – депенализацией и др. Вместе с тем нельзя забывать о служебной роли уголовно-процессуальных отношений применительно к отношениям уголовно-правовым. Следовательно, реализация уголовно-правовой политики немыслима без политики уголовно-процессуальной, и наоборот.

Так, не случайно все большее распространение приобретает прогнозирование, в том числе и политическое. Действительно, юридическая наука характеризуется отсутствием общенаучной методологии прогнозирования последствий принимаемых решений, что неизбежно приводит к дефектности этих решений. Классическая, но естественная по указанной причине погрешность законодателя – разработка идеальных законов, которые должны хорошо работать в идеальном обществе. Прогнозирование ситуаций, в которых будет действовать закон, выявит: общество не идеально, граждане – далеко не законопослушны, отдельные правоприменители будут блокировать прогрессивную составляющую закона и др.

В этой связи В.В. Лунеев отмечает, что в настоящее время отсутствует знание и понимание социальных последствий преступности: «Мы не знаем реального объема преступности; мы не знаем ее полных социальных последствий; мы не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью; мы не знаем, во что она, в целом, обходится человеческому сообществу; мы не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в мире. Более того, мы глубинно не изучаем эти проблемы. Мы привыкли ко всему этому «незнанию», как к стихии» [26, с. 38].

Следует признать, что и в рамках уголовного судопроизводства приходится сталкиваться с последствиями преступлений. Более того, существование самого уголовного судопроизводства также является следствием преступности.

В связи с упомянутым выше политическим прогнозированием необходимо учитывать, каким образом принятие того или иного решения может сказаться на других сферах государственной политики. Так, например, некоторые ученые отрицательно оценивают помило-

вания и амнистии, которые в общественном сознании зачастую нивелируют результаты деятельности органов уголовного преследования и суда.

Таким образом, следует согласиться с теми учеными, которые рассматривают уголовную политику в качестве совокупности составляющих ее элементов, среди которых выделяется и политика уголовно-процессуальная [27, с. 74; 28, с. 14; 29, с. 25; 30, с. 29 и др.]. Следовательно, государственная уголовная политика по определению не может быть реализована исключительно нормами уголовного права в отличие, кстати, от политики уголовно-правовой.

Нельзя не отметить присутствие некоей «ретроградности» в реализации уголовно-процессуальной политики. Так, например, концепция Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РФ в первоначальной редакции заключалась в провозглашении и процессуальной защите основных постулатов:

– принцип недопустимости поворота к худшему на всех стадиях уголовного судопроизводства;

– невозможность для суда выйти за пределы предъявленного обвинения и применить закон о более тяжком преступлении;

– ограничение полномочий суда в части возвращения уголовных дел в досудебное производство.

Однако правовые позиции Конституционного Суда РФ в последующем нивелируют эти фундаментальные начала уголовно-процессуальной политики, обеспечив ее ретроградное движение.

Так, согласно первоначальной редакции ст. 405 УПК РФ («Недопустимость поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора»), пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, не допускались. Анализ правоприменительной практики показал, что со ссылкой на ст. 405 УПК РФ было отказано в удовлетворении надзорных жалоб заявителям, признанным потерпевшими по соответствующим уголовным делам, о пересмотре приговоров и кассационных определений в связи с неправильной переквалификацией совершенных подсудимыми дей-

ствий как подпадающих под признаки менее тяжкого преступления и мягкостью назначенного им наказания. Однако судебная ошибка, устранение которой сопряжено с ухудшением положения осужденного (оправданного), как следовало из УПК РФ, не могла служить ни основанием пересмотра судебного решения в порядке надзора, поскольку ст. 405 УПК РФ прямо запрещала поворот к худшему, ни основанием возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, поскольку, согласно ст. 413 УПК РФ, вновь открывшимися обстоятельствами могут признаваться только преступные действия участников уголовного судопроизводства, установленные вступившим в законную силу приговором суда, а новыми обстоятельствами – лишь такие обстоятельства, не известные суду на момент вынесения судебного решения, которые устраняют преступность и наказуемость деяния. Таким образом, исправление судебной ошибки, если это ведет к ухудшению положения осужденного, в действовавшей системе уголовно-процессуального регулирования невозможно ни при пересмотре судебного решения в порядке надзора, ни в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Обеспечивая потерпевшему возможность отстаивать в уголовном судопроизводстве свои права и охраняемые законом интересы, а прокурору – реализовывать предоставленные ему полномочия, законодатель наделил их правом наравне со стороной защиты – обвиняемым, осужденным, оправданным, их защитниками и законными представителями – оспаривать вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда, инициируя тем самым их пересмотр. Между тем из содержания ч. 1 ст. 402, ст. 405 УПК РФ следует, что право потерпевшего и его представителя, а также прокурора ходатайствовать о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления по основаниям, ухудшающим положение осужденного (оправданного), сводится лишь к формальной возможности обратиться в суд надзорной инстанции с соответствующим ходатайством и заведомо не предполагает его удовлетворение.

Осужденный (оправданный), напротив, не ограничен в возможности ходатайствовать о пересмотре судебного решения по основаниям, улучшающим его положение, и такое ходатайство является обязательным для рассмотрения и разрешения по существу приведенных в нем доводов судом надзорной инстанции. Тем самым сторона защиты

ставится в преимущественное положение по отношению к стороне обвинения – потерпевшему, его представителю и прокурору, что не согласуется с конституционными предписаниями об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, ведет к нарушению баланса конституционно защищаемых ценностей.

Таким образом, Постановлением от 11 мая 2005 г. № 5-П Конституционный Суд РФ норму ст. 405 УПК РФ признал не соответствующей Конституции РФ[1].

Как уже было отмечено, с принятием УПК РФ и его вступлением в законную силу упразднен институт возвращения судом уголовных дел для производства дополнительного расследования. Однако ст. 237 УПК РФ предусматривала возможность возвращения судом уголовного дела прокурору при наличии одного из указанных в законе оснований. В ч. 4 ст. 237 УПК РФ при этом подчеркивалось, что производство каких-либо следственных или иных процессуальных действий по уголовному делу, возвращенному прокурору, не допускалось. По данному вопросу Конституционный Суд РФ пояснил: в соответствии с установленным в РФ порядком уголовного судопроизводства предшествующее рассмотрению дела в суде досудебное производство призвано служить целям полного и объективного судебного разбирательства по делу. В результате проводимых в ходе предварительного расследования следственных действий устанавливается и исследуется большинство доказательств по делу, причем отдельные следственные действия могут проводиться только в этой процессуальной стадии. Именно в досудебном производстве происходит формирование обвинения, которое впоследствии становится предметом судебного разбирательства и определяет его пределы. С учетом содержания и значимости досудебного производства уголовно-процессуальный закон гарантирует обвиняемому на стадии предварительного расследования право знать, в чем он обвиняется, пользоваться помощью защитника и переводчика бесплатно, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться по окончании дознания или предвари-

[1] По делу о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ, 11 мая 2005 г., № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

тельного следствия со всеми материалами уголовного дела и ряд других прав; потерпевший, в свою очередь, вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении, иметь своего представителя, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с материалами уголовного дела и др. Нарушение процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого на стадии предварительного расследования может лишить их эффективной судебной защиты.

В качестве гарантии процессуальных прав участников уголовного судопроизводства конституционные принципы правосудия предполагают неукоснительное соблюдение процедур уголовного преследования. Поэтому в случае выявления допущенных органами дознания или предварительного следствия процессуальных нарушений суд вправе, самостоятельно и независимо осуществляя правосудие, принимать в соответствии с уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу.

Таким образом, суд общей юрисдикции при осуществлении производства по уголовному делу может по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, когда в досудебном производстве допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, неустранимые в судебном производстве, если возвращение дела прокурору не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия; при этом устранение допущенных нарушений предполагает осуществление необходимых для этого следственных и иных процессуальных действий. В противном случае участники уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы были нарушены в ходе досудебного производства, по существу, были бы лишены судебной защиты[1].

Наконец, Конституционный Суд РФ расширил полномочия суда при рассмотрении уголовных дел по существу путем признания по-

[1] По делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ, 8 декабря 2003 г., № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

ложения ч. 2 ст. 237 УПК РФ противоречащими Конституции РФ как исключающего в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, что, по мнению Конституционного Суда РФ, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления[1].

Таким образом, Конституционный Суд РФ, не являясь законодательным органом власти, существенно корректирует уголовно-процессуальную политику, а возможно, даже и формирует ее.

Реализация изложенных и многих других подходов невозможна без доктринального обоснования и формирования новой идеи, концепции воздействия на общественно опасные деяния. Причем видится правильным общий, объединенный подход к рассмотрению уголовной политики как целостной системы, а ее элементов – в их взаимосвязях и взаимозависимостях. Для этого полагаем целесообразным развивать представления об уголовной политике как единой области научного знания. Подчеркнем, что еще советскими учеными (И.А. Исмаиловым, П.Н. Панченко и др.) обосновывалась необходимость рассмотрения уголовной политики как предмета научного познания в целях эффективности реализации соответствующих направлений практической уголовной политики.

Интересна позиция П.Н. Панченко, который обосновывал необходимость организационного оформления в самостоятельную научную область обществознания уголовной политологии как науки, призванной изучать свойства, связи и отношения уголовной политики как единой сложной системы и поставлять соответствующим органам информацию, могущую служить основой принятия решений

[1] По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ, 2 июля 2013 г., № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

об организации, оптимальном режиме функционирования и совершенствования системы воздействия на преступность на определенные периоды времени и на перспективу [15]. Ученый писал: «Определенность в предмете и системе научных основ уголовной политики (основ общей теории борьбы с преступностью) открывает перспективы для дальнейшего ее развития как вузовской учебной дисциплины, подготовки по ней программы, совершенствования программ других уголовно-правовых учебных дисциплин» [15, с. 3].

Таким образом, уголовная политика как направление деятельности государства по борьбе с преступностью – самостоятельное, целостное, системообразующее явление. Об уголовной политике следует говорить в комплексе, содержательно объединяя исследования видов уголовной политики в единый объект научного познания. Речь идет не только о системном рассмотрении уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и других видов уголовной политики, но и о тесной взаимосвязи различных ее уровней (концептуального, доктринального, практического). Причем нами обосновывается необходимость оптимизации всех подсистем уголовной политики, приведение ее основополагающих линий в соответствие со сложившимися социально-экономическими условиями.

В самой структуре уголовной политики имеется достаточно мощный, вполне наполненный доктринальный блок. Дальнейшее преобразование методологических основ и практики борьбы с преступностью требует развития теоретического знания. За научными разработками видится будущее эффективной борьбы с преступностью и оптимального уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния. Невозможно создание ни руководящих идей, ни текста нормативного правового акта без должной научной проработки. Только всесторонняя научно обоснованная концепция воздействия на преступность способна сделать уголовную политику эффективной.

Полагаем, фундаментальные научные исследования, обеспечивающие уголовную политику, являются весьма целесообразными и актуальными, причем уголовная политика должна выступать в таких исследованиях в качестве самостоятельного объекта научного познания.

Список использованной литературы

1. Саркисова Э.А. Современная уголовно-правовая политика Республики Беларусь: содержание, тенденции, перспективы / Э.А.Саркисова // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. − Минск : Бизнесофсет, 2011. – Вып. 6. – С. 539–547.

2. Загородников Н.И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел / Н.И. Загородников. – М., 1979.

3. Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. – М., 1997.

4. Маклецов А. Проблема уголовной политики / А. Маклецов // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 1. – С. 359–366.

5. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М., 1998.

6. Политология для юристов : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1999.

7. Пугачев В.П. Введение в политологию : учеб. пособие для вузов / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. – М., 1995.

8. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики / А.А. Герцензон. – М., 1970.

9. Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / И.А. Исмаилов. – Л., 1990.

10. Миньковский Г.М. Уголовная политика : юридический энциклопедический словарь / Г.М. Миньковский ; под ред. А.Я. Сухарева. – М., 1984.

11. Гревцов О.В. Уголовная политика современной России и предупреждение преступности : автореф. дис. … канд. юрид. наук / О.В. Гревцов. – СПб., 2000.

12. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики в эпоху финансово-экономических перемен / А.В. Федоров // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы IX Рос. конгр. уголовного права, Москва, 30–31 мая 2014 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М., 2014. – С. 97–103.

13. Воронин Ю.А. Тенденции современной буржуазной уголовной политики: уголовно-правовые и криминологопрофилактические аспекты : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Ю.А. Воронин. – Свердловск, 1983.

14. Цепелев В.Ф. Уголовная политика: теория и реальность / В.Ф. Цепелев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 292–296.

15. Панченко П.Н. Предмет и система научных основ советской уголовной политики: проблемы формирования и реализации теоретической концепции уголовно-правовой борьбы с преступностью в СССР : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / П.Н. Панченко. – М., 1990.

16. Барков А.В. Уроки законотворчества в уголовном праве / А.В. Барков // Генетические закономерности права : сб. науч. тр., посв. 90-летию проф. С.Г. Дробязко / редкол. : С.А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – С. 431–436.

17. Перинов О.Г. Современные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики / О.Г. Перминов // Следователь. – 2012. – № 6 (170). – С. 6–22.

18. Барков А.В. Реформа уголовного права в Беларуси (1989–1999 гг.) / А.В. Барков // Право и демократия : межвуз. сб. науч. тр. / редкол. : В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск. – Вып. 26. – С. 247–264.

19. Барков А.В. Десять лет Уголовному кодексу Республики Беларусь: история разработки и принятия / А.В. Барков // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол. : А.В. Барков [и др.]. – Минск, 2010. – С. 26–42.

20. Лопашенко Н.А. Уголовное право: теория и практика изменения или ожидаемые перемены и неожиданные результаты / Н.А. Лопашенко // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы IX Рос. конгр. уголовного права, Москва, 30–31 мая 2014 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. – М., 2014. – С. 54–70.

21. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – СПб., 2004.

22. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – Т. 1 : Преступление и наказание. – СПб., 2008.

23. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. – М., 1969.

24. Белослудцев В.И. Правоведение. Формирование концепции эффективного противодействия преступности / В.И. Белослудцев, А.Ю. Слони // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 12. – С. 35–37.

25. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э.А. Саркисова. – Минск, 2014.

26. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 36–56.

27. Газетдинов Н.И. Современная уголовная политика и отечественная доктрина о принципах уголовного судопроизводства / Н.И. Газетдинов // Журнал российского права. – 2007. – № 7. – С. 72–77.

28. Коробеев А.И. Российская уголовно-правовая политика: понятие и содержание / А.И. Коробеев // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр.– Красноярск, 1999. – Вып. 2. – С. 14–22.

29. Малышева О.А. Уголовная политика и уголовно-процессуальный закон / О.А. Малышева // Мировой судья. – 2004. – № 2. – С. 25–28.

30. Малышева О.А. Уголовно-процессуальная политика – элемент единой уголовной политики / О.А. Малышева // Российский следователь. – 2005. – № 8. – С. 19–21.

Информация об авторах

Смирнова Ирина Георгиевна – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Шаблинская Диана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований, Национальный центр законодательства и правовых ис-

следований, 220050, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Берсона, 1а, e-mail: center@pmrb.gov.by.

Information about the authors

Smirnova, Irina G. – Doctor of Laws, Associate Professor, Deputy Director of Law Institute for Science, the Head of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law institute, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Shablinskaya, Diana V. – PhD in Law, Associate Professor, the Head of Research in the field of Law-enforcement Activity and Implementation of Justice of Institute of Legal Researches, National Center of the Legislation and Legal Researches, 1a Bersona Street, 220050, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: center@pmrb.gov.by.

УДК 343.1

И.В. Смолькова

О СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена одной из острых дискуссионных проблем современного российского уголовного судопроизводства – проблеме определения перспектив развития уголовно-процессуального законодательства. Автор останавливается на характеристике понятий «доктрина», «парадигма», «концепция», «целеполагание», используемых в науке уголовного процесса в качестве определяющих направление развития уголовно-процессуального законодательства и приходит к выводу, что термин «стратегия» более точно определяет вектор движения последнего, поскольку связан с долгосрочной перспективой, включает прежде всего ценностное ориентирование, в котором внешне отражаются господствующие в обществе представления о справедливости или устоявшиеся традиционные ценности.

Ключевые слова: стратегия (стратегии) уголовного судопроизводства, доктрина, концепция, парадигма, целеполагание.

I.V. Smolkova

STRATEGY OF THE MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to one of the topical problems of modern Russian criminal procedure – the problem of determining the prospects of development of criminal procedure legislation. The author dwells on the characteristics of the concepts of «doctrine», «paradigm», «vision», «goal-setting» as used in the science of criminal process, in defining the direction of development of criminal-procedural law and concludes that the term «strategy» more accurately defines the motion vector of the last because it is associated with a long-term perspective, the foremost value orientation in which the externally reflected dominant ideas about justice or well-established traditional values.

Keywords: strategy (strategies) criminal justice, doctrine, concept, paradigm, goal setting.

Для обоснования содержания уголовного судопроизводства и направленности его дальнейшего развития в науке уголовно-процессуального права используется различная терминология: «доктрина», «концепция», «парадигма», «стратегия», целеполагание.

Под доктриной (лат.) понимается «учение, научная теория, руководящий теоретический принцип» [1, с. 211], под концепцией (лат.) – «1) система взглядов, то или иное понимание явлений, процессов; 2) единый, определяющий замысел, ведущая мысль» [1, с. 308] и под парадигмой (греч.) – «пример, образец, теория, модель, тип постановки проблемы, принятая в качестве образца решения исследования задач» [1, с. 441].

В.Т. Томин и А.П. Попов предложили в указанных целях использовать термин «целеполагание», под которым они понимают «процесс осмысления, формирования и обоснования субъектами, к нему причастными, проблемной ситуации в сфере уголовного процесса, перевод ее в проблему, и предполагающий на выходе создание согласованной системы целей, задач и функций уголовного процесса, а также средств их реализации, в правотворчестве и правоприменении указанных норм в сфере уголовного процесса, предназначенной и пригодной для разрешения той проблемной ситуации, которая и послужила началом для мыслительной деятельности» [2, с. 180].

С точки зрения А.П. Попова, применение целеполагания и его элементов в качестве инструментария исследования позволяет определиться в стратегии и тактике законодательной и уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 19–20].

В последнее время многие авторы стали употреблять в рассматриваемом контексте термины «стратегия», «стратегии».

Смысловое ядро понятия «стратегия» было заложено в теории военного искусства Древней Греции. Термины «стратегия», «стратегический», «стратег» в своем первоначальном, достаточно давнем и самом распространенном смысле были связаны с войной и военными действиями. Термин «стратегия» (буквально в переводе с греч. «войско+веду») означал составную часть военного искусства, представляющую ее высшую область, охватывал вопросы теории и практики подготовки вооруженных сил к войне и ее ведения [1, с. 582]. В современном использовании «стратегия» понимается и как «искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко

идущих прогнозах, на осознании цели, задач и последствий осуществляемой деятельности» [1, с. 582–583].

В октябре 2007 г. в Санкт-Петербурге была проведена научная конференция с участием достаточно известных процессуалистов, посвященная памяти профессора И.Я. Фойницкого, под названием «Стратегии уголовного судопроизводства», однако единой позиции относительно того, какой должна быть стратегия современного уголовного судопроизводства участники конференции не достигли [4].

Учитывая относительно недавнее употребление терминологии, связанной со стратегией, применительно к уголовному судопроизводству, В.Т. Томин предупреждает об осторожности ее использования, отмечая при этом, что «необходимо просто посмотреть, какие дополнительные возможности в исследовании отечественного уголовного судопроизводства предоставит нам использование в качестве инструментария понятий «стратегия (стратегии) уголовного судопроизводства» [2, с. 177].

По мнению А.С. Александрова, в настоящее время стратегия уголовного судопроизводства вообще отсутствует. Обосновывает эту позицию он следующим образом: «Стратегия развития и преобразования чего-либо предполагает, как минимум двух вещей: субъекта, который проводит стратегию, и понимания этим субъектом конечной цели проводимых им преобразований. Создается впечатление, что в области уголовно-правового строительства не было ни того, ни другого». Причины этой ситуации автор видит в отсутствии культуры, слабом знании или отсутствии знания классического правового наследия творцами нововведений, т. е. в непрофессионализме [5, с. 14–15].

Есть и другие взгляды по данной проблеме. Многие авторы разделяют позицию о правомерности использования терминов «стратегия», «стратегии» применительно к уголовному судопроизводству. Так, с точки зрения Н.Г. Стойко, содержание уголовной политики, которая формирует уголовный процесс, складывается из ряда стратегий, к числу которых он относит: 1) защиты прав и свобод обвиняемого; 2) уголовного преследования; 3) социальной поддержки потерпевшего; 4) рациональность и эффективность уголовного судопроизводства; 5) примирения. Выделенные стратегии являются результатом авторской интерпретации различных моделей уголовного процесса. Автор полагает, что уголовный процесс может рассматриваться как социаль-

но-интегративный, в котором стратегии дополняют друг друга и обеспечивают удовлетворение общественных потребностей в сдерживании преступности, возмещении убытков от нее и борьбы с ней, а также предупреждения новых преступлений. Именно с помощью уголовного процесса государство получает возможность воздействовать на преступность, определяя последовательность использования соответствующих стратегий, регулируя интенсивность их реализации, сферу применения [6, с. 12, 14]. Представляется, однако, что в этом случае речь идет не о стратегии уголовного судопроизводства, а об уголовной политике.

По существу стратегия уголовного судопроизводства была заложена в Концепции судебной реформы в Российской Федерации одобренной 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР[1], однако многие ее положения, к сожалению, не были реализованы.

На основе стратегии должно строиться законодательство, она должна пронизывать весь уголовно-процессуальный закон. Где должна быть отражена стратегия уголовного судопроизводства? Разумеется, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, в ч. 1 ст. 1 которого указывается, что «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации.

Однако Уголовно-процессуальный кодекс в настоящее время подвергается не просто жесткой, но и нелицеприятной критике, иногда и в недопустимых формах. Вот несколько таких примеров. Л.В. Березина и В.М. Быков оценивают УПК РФ как «ущербный плод торопливости и непрофессиональности его создателей» [7, с. 5], Е. Яненко замечает, если заглянуть внутрь УПК РФ, там – «огромная «фига» улыбающейся во весь рот преступности» [8, с. 66]. В.П. Лавров называет УПК РФ «латанным-перелатанным» [9, с. 56], О.В. Химичева – «лоскутным», а содержащиеся в нем нормы – «разномастными, не всегда согласующимися друг с другом предписания» [10, с. 36].

Критика УПК РФ доводится до того утверждения, что он вообще не годится и должен быть заменен на новый, что судебная рефор-

[1] Концепция судебной реформы в Российской Федерации // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

ма в России не состоялась, а проведенные изменения ничего положительного не принесли.

В.А. Михайлов, объясняет отрицательное, на его взгляд, состояние современного уголовного судопроизводства, следующими причинами: «во многом оно явилось следствием проводимой либеральной политики «выдавливания» из уголовного процесса подлинно демократических, гуманистических начал объективности, честности, справедливости за счет дискреционного принятия и дискреционного применения ведомственных административных регламентов и иных подзаконных нормативных актов, регулирующих так называемые «инновационные», «модернизационные», «демократические» «услуги», ничего общего не имеющими с устоявшимися уголовно-процессуальными формами и с правовыми гарантиями прав участников уголовного процесса, установленных Конституцией РФ и УПК РФ [11, с. 77].

С точки зрения некоторых авторов, Конституционный Суд РФ, укрепляя вертикаль власти, внес свою лепту в восстановление «антисостязательных, автократических порядков в сфере уголовного правосудия», в своих решениях фактически отошел «от основных ценностей состязательного процесса в пользу сильного государства (суда) и инквизиционного процесса» [12, с. 8].

Многие авторы ставят вопрос о принятии нового УПК [13, с. 86]. А.Ф. Волынский полагает, что в основе нового УПК должна быть менее забюрократизированная и затратная, более мобильная и эффективная концепция производства [14, с. 50, 54].

По мнению А.Г. Кучерены, вообще необходимо провести полную инвентаризацию всего того, что сделано за последние годы. «Надо все проверить, оценить и, может быть, начать с чистого листа… Для этого собрать группу экспертов из специалистов высочайшей юридической квалификации и определить, где мы перемудрили, какие ошибки были допущены, что нас тащит назад»[1].

Применительно к предмету данной статьи уместно привести слова одного из дореволюционных юристов – А.А. Левенстима, написанные им по поводу различных непродуманных реформ законодательства: «еще один систематический пересмотр действующих зако-

[1] Правосудие и никаких сделок // Российская газета. 2015. 20 янв.

нов – и эти статьи и положения исчезнут, как сухие листья, которые подхватил осенний ветер» [15, с. 45].

Представляется, что термин «стратегия» является довольно удачным для характеристики направленности развития уголовно-процессуального судопроизводства, поскольку включает прежде всего ценностное ориентирование, в котором внешне отражаются господствующие в обществе представления о справедливости или устоявшиеся ценности. Стратегию можно определить как генеральную программу действий на достаточно продолжительный период времени, определяющей долгосрочный вектор развития уголовно-процессуального законодательства.

Список использованной литературы

1. Современный словарь иностранных слов. – СПб., 1994.
2. Томин В.Т. Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментарий исследования / В.Т. Томин // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого, г. Санкт-Петербург, 11–12 окт. 2007 г. – М., 2008. – С. 174–185.
3. Попов А.П. Целеполагание в отечественном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А.П. Попов – Н. Новгород, 2006.
4. Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого, г. Санкт-Петербург, 11–12 окт. 2007 г. – М., 2008.
5. Александров А.С. Забыть Фойницкого? / А.С. Александров // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. мат-лов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого, г. Санкт-Петербург, 11–12 окт. 2007 г. – М., 2008. – С. 14–25.
6. Стойко Н.Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость / Н.Г. Стойко // Российский следователь. – 2006. – № 4. – С. 12–15.
7. Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ / Л.В. Березина, В.М. Быков. – Казань, 2006.
8. Яненко Е. Размышления у парадного фасада УПК / Е. Яненко // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С. 66–67.

9. Лавров В.П. Пробелы в УПК РФ / В.П. Лавров // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 59–62.

10. Химичева О.В. УПК РФ: реформа продолжается / О.В. Химичева // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 34–36.

11. Михайлов В.А. Общие условия предварительного расследования как фактор обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства / В.А. Михайлов // Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства / под ред. Н.С. Мановой. – М., 2016. – С. 76–93.

12. Александров А.С. Суд на осуд, а не на россуд / А.С. Александров, М.В. Лапатников // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 4. – С. 6–12.

13. Смирнов А.В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. – 2014. – № 9. – С. 74–86.

14. Волынский А.В. УПК РФ: этот исправлять или новый разрабатывать? / А.В. Волынский // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 50–54.

15. Левенстим А.А. Следы прошлого в Своде законов / А.А. Левенстим // Вестник права. – 1900. – Т. XXX. – Кн. 2. – С. 41–56.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: smolkovaiv@mail.ru.

Information about the author

Smolkova, Iraida V. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Baikal State University, 11, Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: smolkovaiv@mail.ru.

УДК 343.1

А.А. Козявин

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА И ЕГО ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА

В настоящей статье анализу подвергнута проблема идентификации целей процессуальной деятельности суда в современном российском уголовном процессе в контексте таких категорий, как истина, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела, защита прав личности, разрешение социального конфликта. Проведено обобщение и классификация научных подходов к ее решению, выявлены и сформулированы положительные и отрицательные для практики производства по уголовным делам черты соперничающих научных позиций. Отстаивается точка зрения, что единственным средством разрешения проблемы целей и средств их достижения в суде может быть лишь качественное комплексное нравственно-правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности суда посредством совершенствования его деонтологических норм, придание ей магистрального направления в контексте актуальной уголовно-процессуальной политики в условиях свободы оценки доказательств и диспозитивности принятия уголовно-процессуальных решений в целом.

Ключевые слова: назначение уголовного процесса, правосудие, цель уголовно-процессуальной деятельности, суд, полномочия суда в уголовном процессе

A.A. Kozyavin

CRIMINAL-PROCEDURAL ACTIVITY OF THE COURT AND ITS TELEOLOGICAL BASIS

In this article we analyzed the problem of identification of the purposes of the procedural activities of the court in modern Russian criminal proceedings in the context of such categories as truth, comprehensiveness, completeness and objectivity of investigation of the case, the protection of individual rights, the resolution of social conflict. The generalization and classification of scientific approaches to its solution

were identified and positive and negative for the practice of criminal proceedings features of rival scientific positions were formulated. It had been advocated the view that the only solution to the problem of goals and means of achieving them in court can only be a complex of moral-legal regulation of the criminal procedural activities of the court by improving its ethical standards and emphasize the main areas in the context of contemporary criminal-procedural policy, in terms of freedom of evaluation of evidence of optionality and making criminal procedure decisions as a whole.

Keywords: purpose of the criminal proceedings, justice, purpose of the criminal-procedural activity, court, court's powers in criminal proceedings.

В юридической науке и практике взгляд на цель процессуальной деятельности суда долгое время опирался на общность задач органов государства по борьбе с преступностью, предполагавшую активность суда в собирании доказательств и его ответственность за полноту процессуального познания.

Принятие в 1993 г. Конституции РФ, закрепление в ее ст. 10 идеи разделения властей и независимости судебной власти дало основание ученым и практикам считать, что судебная власть – это особая прерогатива суда разрешать социальные конфликты, возникающие в сфере права. Осуществление этой функции требует от суда полной беспристрастности по отношению к конфликтующим сторонам и, в частности, полного отказа от действий, которые могут быть истолкованы как обвинительные.

Таким образом, к моменту принятия нового УПК РФ в противоборство вступили консервативная позиция и либеральная. Первая исходила из того, что суд независимо от сторон должен активно собирать доказательства как обвинительного, так и оправдательного характера, ибо в этом – смысл справедливого правосудия и гарантия установления истины. Суд должен быть ответственен за всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств уголовного дела через соответствующее основание отмены приговора. Освобождение же суда от активности в процессе доказывания ставит эффективность системы в зависимость от квалификации сторон, которые далеко не всегда готовы к истинному состязанию, и фактического равенства их доказательственных возможностей,

что нереализуемо на современном этапе развития российского уголовно-процессуального права, ибо доказательства в российском уголовном процессе поступают в суд уже легализованными дознавателем, следователем и прокурором на досудебных стадиях процесса. При высоком же уровне «перестраховывающих» гарантий прав обвиняемого отсутствуют правовые возможности исправить ошибку и защитить права потерпевшего [1, с. 63–69; 2, с. 132–149; 3, с. 139–140; 4, с. 65].

С либеральной позиции, начиная с Концепции судебной реформы 1991 года, обращается внимание на то, что советская практика показала, что суд использует свои полномочия в обвинительных целях, подменяя прокурора, ибо на стороне защиты – действие процессуальных гарантий и правил презумпции невиновности, «преодоление» которых и составляет суть судоговорения, развивается обвинительный уклон. Такое мнение убедительно обосновывают в ряде своих работ П.А. Лупинская и И.Б. Михайловская [5, с. 96; 6, с. 18]. На подобное «искушение» судьи в условиях розыскного процесса в свое время указывал известный дореволюционный юрист П.И. Люблинский [7, с. 47]. Соответствующую психологию специально изучил социологическим методом А.Ю. Панасюк [8, с. 79].

Потому суд в условиях демократического состязательного процесса, нацеленного на обеспечение прав личности, должен лишь разрешать спор двух равноправных сторон, активно собирающих и представляющих доказательства, не имея право самостоятельно восполнить пробел в доказательственной базе, не отвечая за всесторонность, полноту и объективность [9, с. 132–133; 10, с. 243; 11, с. 32–34]. Руководствуясь данной идеей, Конституционный Суд РФ активно модифицировал советский УПК, привнося в него демократический дух.

Давая оценку современному УПК РФ, укажем, что в основном его нормы (в особенности, ст. 15, 243, ч. 7 ст. 246) избавили суд как участника уголовного судопроизводства от несвойственных ему обвинительных функций, указав на отправление правосудия как основную цель его деятельности (ст. 6 и 29 УПК РФ). В то же время, опираясь на противоречия проекта УПК РФ 1997 г. (разработчик – Министерство Юстиции РФ), суд имеет право наряду со сторонами активно собирать доказательства как обвинительного, так и оправдательного характера (ст. 282, 283, 285–290 УПК РФ). Право на актив-

ность в этих случаях подтверждено и Конституционным судом РФ[1]. С одной стороны, суд не ответственен за всесторонность, полноту и объективность из-за отсутствия одноименного основания к отмене приговора (ст. 389.15 УПК РФ), с другой стороны, вывод суда, изложенный в приговоре, вне всяких сомнений должен быть обоснован и мотивирован (ст. 7, 297 УПК РФ), что требует приведения в нем всех доказательств, а также исчерпывающих мотивов (ст. 305, 307 УПК РФ).

Указанное противоречие есть, полагаем, общая юридическая тенденция, являясь отражением проблемы достижения корректного соотношения частного и публичного интересов, правозащитного и правоограничительного начал в уголовном судопроизводстве [12]. Так, в США, где принципы состязательного процесса воспринимаются культорологически, согласно рекомендациям Американской ассоциации юристов для судей, «единственная цель уголовного процесса заключается в определении того, насколько обвинение установило вину обвиняемого в соответствии с требованиями закона…». Однако выше указано, что «в ходе уголовного судопроизводства судья … обязан соблюдать как права обвиняемого, так и общественные интересы», наконец, «состязательный характер процесса не освобождает судью от обязанности поднимать по собственной инициативе вопросы…, которые могут значительно способствовать правильному решению суда» [13, с. 449].

О высокой степени инициативы суда в англо-саксонской системе уголовного судопроизводства повествуют знаменитое положение 102 Федеральных правил о доказательствах США[2], параграф 109 Ак-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Будаева Цогта Нацагдоржевича на нарушение его конституционных прав частью второй ст. 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://www.ksrf.ru/doc/opred/o204_04.htm (дата обращения: 20.08.2017); Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2003 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://www.ksrf.ru/doc/opred/o451_03.htm (дата обращения: 20.08.2017).

[2] Federal Rules of Evidence (2004) (incorporating the revisions that took effect Dec. 1, 2003). URL: http:// www.law.cornell.edu/rules/fre/rules.htm#Rule102 (дата обращения: 20.08.2017).

та об уголовном правосудии Великобритании 2003 г.[1] и норма 3.2 Правил уголовного процесса Великобритании от 4 марта 2005 г.[2].

Обобщенно проблему можно представить в виде таблицы:

Позиция консервативная	Позиция либеральная	Позиция УПК РФ
Суд независимо от сторон должен активно собирать доказательства как обвинительного, так и оправдательного характера; суд ответственен за всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств уголовного дела через соответствующее основание отмены приговора	Суд разрешает спор двух равноправных сторон, активно собирающих и представляющих доказательства, не имеет право самостоятельно восполнить пробел в доказательственной базе какой-либо стороны, не ответственен за всесторонность, полноту и объективность из-за отсутствия соответствующего основания отмены приговора	Суд имеет право наряду со сторонами активно собирать доказательства как обвинительного, так и оправдательного характера, но не ответственен за всесторонность, полноту и объективность из-за отсутствия соответствующего основания отмены приговора
Проблемы		
Практика показала, что суд использует свои полномочия в обвинительных целях, подменяя прокурора, ибо на стороне защиты – действие процессуальных гарантий и правил презумпции невиновности, «преодоление» которых и составляет суть судоговорения, развивается обвинительный уклон	Эффективность системы зависит исключительно от квалификации сторон и фактического равенства их доказательственных возможностей, что нереализуемо на современном этапе развития права; при высоком уровне «перестраховывающих» гарантий прав обвиняемого отсутствуют правовые возможности исправить ошибку и защитить права потерпевшего, установление истины проблематично, развивается оправдательный уклон	Система имеет реальные возможности и для проявления проблем как консервативной, так и либеральной моделей, и для их нивелирования, что зависит от нравственной и идеологической сущности мировоззрения и правового сознания конкретного практикующего в системе судьи

Таким образом, и за рубежом, и в России система правосудия по уголовным делам, определяя телеологическую основу процессуальной деятельности суда, имеет все возможности как для отражения проблем либерально-состязательной, а равно консервативной пара-

[1] Criminal Justice Act 2003. Chapter 44**.** URL: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts2003/30044--l.htm#109 (дата обращения: 20.08.2017).

[2] Criminal Procedure Rules 2005 / Statutory Instrument 2005. № 384 (L. 4). URL: http:// www.opsi.gov.uk./si/si2005/20050384.htm (дата обращения: 20.08.2017).

дигм, так и для минования их. Результат в такой ситуации зависит всецело от морально-ценностного содержания воспитания и правового сознания каждого применяющего право судьи, правильно ориентирующегося в системе конституционных целей уголовного судопроизводства. Этим, в том числе, обусловлено принятие судебным сообществом собственных этических правил поведения судьи и их постоянное совершенствование дополнительно к непрекращающемуся процессу толкования норм уголовно-процессуального законодательства, осуществляемому Конституционным и Верховным судами России, в условиях развивающейся, порой весьма непоследовательно и противоречиво, уголовно-процессуальной политики [14]. В пользу разумной активности суда, обеспечивающей в конечном итоге полицелевой характер всего уголовного процесса, высказываются и ученые [15, с. 12; 16, с. 128; 17, с. 57; 18; 11; 19, с. 17–18].

Список использованной литературы

1. Бойков А.Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью / А.Д. Бойков // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 63–69.
2. Моисеева Т.В. Объективность и беспристрастность суда первой инстанции / Т.В. Моисеева. – М., 2006.
3. Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М., 2005.
4. Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе / С.А. Шейфер // Государство и право. – 1996. – № 9. – С. 60–67.
5. Лупинская А.П. Решения в уголовном судопроизводстве: теория законодательства и практика / П.А. Лупинская. – М., 2006.
6. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И.Б. Михайловская. – М., 2006.
7. Люблинский П.И. Суд и права личности / П.И. Люблинский // Суд и права личности :сборник статей ; под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. – М.: Статут, РАП, 2005. – Кн. 4. – С. 32–70.
8. Панасюк А.Ю. «Презумпция виновности» в системе профессиональных установок судей / А.Ю. Панасюк // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 70–79.

9. Петрухин И.Л. Состязательность и правосудие / И.Л. Петрухин // Государство и право. – 1994. – № 10. – С. 128–173.

10. Розин В.М. Новая ситуация в юриспруденции: формы осознания / В.М. Розин // Состязательное правосудие. Труды научно-практических лабораторий. Вып. 1, ч. 2. – М., 1996. – С. 227–248.

11. Рябинина Т.К. Полномочия суда в стадии назначения судебного заседания как средства реализации судебной власти: монография / Т.К. Рябинина. – М., 2017.

12. Смирнова И.Г. Интерес понятие уголовно-процессуальное / И.Г. Смирнова // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 14–18.

13. Халдеев Л. С. Судья в уголовном процессе : практ. пособие / Л.С. Халдеев. – М., 2000.

14. Козявин А.А. Новейшие тенденции уголовно-процессуальной политики в России / А.А. Козявин, А.В. Миленина // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 1. – С. 65–74.

15. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Н.П. Кириллова. – СПб., 2008.

16. Козявин А.А. Истина в телеологической системе отправления правосудия по уголовным делам // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 4 (43). – Ч. 1. – С. 126–129.

17. Рябинина Т.К. Особенности отправления правосудия на различных стадиях уголовного судопроизводства / Т.К. Рябинина // Известия ЮЗГУ. Серия История и право. – 2012. – № 1. – Ч. 1. – С. 53–59.

18. Рябинина Т.К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания: прошлое и настоящее / Т.К. Рябинина. – М., 2016.

19. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.] ; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко, А.Г. Тузова. – Ростов н/Д, 2015.

20. Смирнов В.П. История состязательности в науке российского уголовно–процессуального права / В.П. Смирнов // История государства и права. – 2001. – № 4. – С. 31–38.

Информация об авторе

Козявин Андрей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, 305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: koziavin@mail.ru.

Information about the author

Kozyavin, Andrey A. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Southwest State University, 94, 50 let Okyabrya Str., 305040, Kursk, Russian Federation, e-mail: koziavin@mail.ru.

УДК 343.1

Я.А. Климова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОКУРОРОМ ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ НА ЗАВЕРШАЮЩИХ ЭТАПАХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье автор делает акцент на особой роли прокурора в обеспечении прав и законных интересов человека и гражданина, указывая на приоритетность этого направления в деятельности прокуратуры. Анализируя мнения ученых-процессуалистов и нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие функции прокурора на завершающих этапах досудебного производства, автор обращает внимание на имеющиеся пробелы законодательного регулирования. Для решения этой проблемы необходимо законодательно закрепить принцип дискреционного уголовного преследования в качестве полномочия прокурора при решении вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела, что обуславливается необходимостью расширения полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: полномочия прокурора; правообеспечительная функция; завершающие этапы; досудебное производство.

Ya.A. Klimova

THE PROSECUTION OF THE PROVIDER OF THE LEGAL PROTECTIVE FUNCTION AT THE FINAL STAGES OF PRE-INDUSTRIAL PRODUCTION

The authors of the paper focuses on the special role of the prosecutor in ensuring the rights and legitimate interests of a person and citizen, indicating the priority of this direction in the activity of the prosecutor's office. Analyzing the opinions of procedural scientists and the norms of the criminal procedural legislation regulating the functions of the prosecutor at the final stages of pre-trial proceedings, the author draws attention to the existing gaps in legislative regulation. To solve this problem, it is necessary to legislatively fix the principle of discretionary criminal prosecution as the power of the prosecutor when deciding whether to refuse to open a criminal case, which is caused by the need to expand the powers of the prosecutor at the stage of initiating a criminal case.

Keywords: powers of the prosecutor; legal support function; final stages; pre-trial production.

В современных условиях развития политической и социально-экономической жизни общества все большую актуальность приобретают проблемы защиты прав человека. В сфере уголовного судопроизводства особая роль в обеспечении прав и законных интересов человека и гражданина, отводится органам прокуратуры.

Вопрос о функциях, которые выполняет прокуратура в досудебных стадиях уголовного судопроизводства является дискуссионным. Мы придерживаемся концепции полифункциональной системы деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, считая, что она более точно отражает многоплановость и многозадачность действий и решений прокурора на завершающих этапах досудебного производства. Исходя из этого, в деятельности прокурора на завершающих этапах среди прочих мы выделяем правозащитную (или правообеспечительную) функцию. По нашему мнению, осуществление правозащитной функции является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры.

В этой связи считаем справедливым точку зрения Е.Б. Мизулиной, считающей, что прокурор при осуществлении функции надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования выступает гарантом обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, а также иных лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений [1].

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П правозащитная функция прокурора находится в неразрывном единстве с функциями уголовного преследования и надзора. Д.А. Сычев считает, что каждое из полномочий прокурора, которыми он обладает в досудебном производстве, содержит в себе элемент правозащиты [2, с. 73]. Считаем правильным присоединиться к этой точке зрения, так как на наш взгляд правозащитная функция является «сквозной» функцией, осуществляемой прокурором на протяжении всего уголовного судопроизводства, в том числе и на завершающих этапах досудебного производства уголовного процесса [3, с. 90]. Однако, имеющихся у прокурора полномочий недо-

статочно для эффективного обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ назначению уголовного судопроизводства в равной степени отвечает, как уголовное преследование виновного, так и отказ от уголовного преследования невиновных. Из этого следует, что приоритетной задачей должностных лиц на досудебных стадиях является защита личности, которая должна быть ограждена от необоснованного вовлечения в уголовное судопроизводство. В этой связи справедливо привести высказывание И.Б. Михайловской о том, что именно такая трактовка нормы статьи способствует пониманию правозащитной сущности уголовного процесса [4, с. 2]. При проверке законности на стадии возбуждения уголовного дела прокурору принадлежит значительная роль в режиме обеспечения прав человека. Ведь основная цель надзора на этой стадии заключается в обеспечении возможности пресечения нарушения в самом зародыше [5, с. 29].

Однако в результате непоследовательного реформирования законодательства полномочия прокурора оказались существенно урезанными. Необходимо расширение полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела, а именно:

1) вернуть полномочие по возбуждению уголовного дела;

2) законодательно закрепить принцип дискреционного уголовного преследования в качестве полномочия прокурора при решении вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела.

Это позволит избежать преждевременного, недостаточно обоснованного начала предварительного расследования, напрасной траты времени и сил соответствующих органов государства; предотвратить неоправданное вовлечение в производство по уголовному делу участников процесса, что будет способствовать реализации правозащитной функции прокурора.

Правообеспечительная функция при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и при прекращении уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием выражается в даче согласия прокурора на прекращение. Считаем правильным присоединиться к точке зрения С.А. Шейфера, согласно которой прекращение производства по делу также выступает в качестве правоустанавливающего факта, который порождает право заинтересованных лиц на обжалование постановления о его прекращении, и процессуальной гарантией

гражданина против необоснованного привлечения к уголовной ответственности [6, с. 37–39]. Действительно, прекращение уголовного дела как юридический факт влечет за собой не только прекращение правоотношений, возникших в связи с осуществлением уголовного преследования, но и возникновение целого комплекса новых правоотношений, связанных со снятием различных ограничений в отношении подозреваемого, реализацию им права на реабилитацию, если дело прекращено по реабилитирующим основаниям, а также права на обжалование решения всеми участниками процесса. Также считаем целесообразным вернуть прокурору полномочие по самостоятельному прекращению уголовного дела в независимости от формы расследования. Этот обусловлено тем, что полномочия прокурора при прекращении уголовного преследования, как и при отказе от возбуждения уголовного дела, при обеспечении прав лиц являются важным элементом ликвидации негативных последствий уголовно-процессуального конфликта.

На завещающем этапе, оканчивающимся составлением итогового процессуального документа и направлением уголовного дела в суд, надзорная функция органично сочетается с правообеспечительной функцией прокурора. По мнению Ю.В. Бурова на данном этапе у прокурора должно сформироваться внутреннее убеждение о том, что назначение уголовного судопроизводства достигнуто. Выполнены как задачи, связанные с уголовным преследованием, так и задачи по защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [7, с. 141].

Правообеспечительная функция прокурора на данном этапе направлена на создание режима защищенности прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства (например, это явствует из полномочий, установленных ч. 2 и 2.1 ст. 221 УПК РФ). Также она проявляется в полномочиях вернуть уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. Особое внимание на данном этапе к правам таких участников, как потерпевший и гражданский истец, также актуализирует правообеспечительное направление деятельности прокурора.

При прекращении уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия или при передаче уголовного дела в суд для применения принудительных мер меди-

цинского характера наряду с надзорной функцией реализуется «сквозная» правозащитная функция прокурора. В частности, по нашему мнению, она проявляет себя при реализации прокурором полномочия прекращать уголовное дело, поступившее от следователя с постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера (п. 3 ч. 5 ст. 439 УПК РФ). Существенным пробелом в законодательстве является то, что аналогичного полномочия по прекращению уголовного дела, поступившего для утверждения обвинительного заключения прокурор лишен. Также вызывает вопросы норма, закрепляющая положение о том, что для прекращения уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия следователю даже согласия прокурора не требуется. Руководитель следственного органа, дав согласие следователю на вынесение этого постановления, самостоятельно направляет его вместе с уголовным делом в суд (ч. 1 ст. 427 УПК РФ). В законе даже ничего не говорится про необходимость направления копии этого решения прокурору. Здесь мы наблюдаем явную коллизию норм, регламентирующих полномочия прокурора на завершающих этапах. На этом завершающем этапе, прокурор наоборот должен обладать наиболее широким спектром полномочий, так как затрагиваются интересы наименее защищенной категории лиц – несовершеннолетних, а по сути прокурор уполномочен в отношении следователя на данном этапе осуществлять только текущий надзор и реагировать на выявленные нарушения федерального законодательства в общем порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 37 УПК РФ. В этой связи, на наш взгляд, было бы логично поставить прекращение уголовного преследования и возбуждение перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия под контроль прокурора вне зависимости от форм расследования.

Таким образом, прокурор как гарант обеспечения прав и законных интересов, учитывая, что прокурорский надзор носит постоянный характер, является ключевой фигурой рассматриваемых завершающих этапов, обладающей наиболее обширной компетенцией и самым значительным объемом полномочий. В этой связи эффективное выполнение правозащитной деятельности прокурора мы видим в необходимости совершенствования механизма правового регулиро-

вания деятельности прокурора на завершающих этапах досудебного производства, путем расширения его полномочий.

Список использованной литературы

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Е.Б. Мизулиной. – М., 2004.

2. Сычев Д.А. Соотношение функций уголовного преследования и надзора с другими направлениями деятельности прокурора на досудебных стадиях производства / Д.А. Сычев // Социология и право. – 2014. – № 4 (26) . – С. 68–76.

3. Климова Я.А. Полномочия прокурора на завершающих этапах досудебного производства: понятие и классификация / Я.А. Климова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – Вып. 3 (34). – С. 88–95.

4. Михайловская И.Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / И.Б. Михайловская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 2–4.

5. Багаутдинов Ф. Возбуждение уголовного дела по УПК РФ / Ф. Багаутдинов // Законность. – 2002. – № 7. – С. 27–29.

6. Шейфер С.А. Прекращение уголовного дела в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Шейфер. – Куйбышев, 1963.

7. Буров Ю.В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения : дис. … канд. юрид. наук / Ю.В. Буров. – Воронеж, 2011.

Информация об авторе

Климова Яна Александровна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка, Волгоградская академия МВД России, 400089, Российская Федерация, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130, e-mail: musisss@rambler.ru.

Information about the author

Klimova, Yana A. – PhD in Law, lecturer, Chair of Administrative Activity and Public Order Protection, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 13, Historical st., 400089, Volgograd, Russian Federation, e-mail: musisss@rambler.ru.

УДК 343.14

С.В. Корнакова, В.А. Щербаков

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ: ГАРАНТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРИГОВОРА

Практика применения особого порядка производства по уголовным делам при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением не всегда однозначна и стабильна, но в то же время свидетельствует о бесспорной востребованности данного института. В статье указывается на необходимость создания условий для обеспечения гарантий правосудности приговора суда при особом порядке судебного разбирательства, анализируются факторы, негативно влияющие на законность и справедливость принимаемых судом решений. Делается вывод об особом значении стадии подготовки к судебному заседанию, где основной задачей суда является судебный контроль за качеством предварительного расследования. Проведение подготовки к судебному заседанию в строгом соответствии с требованиями закона в значительной степени определяет справедливость результата судебного разбирательства при особом порядке производства по уголовным делам.

Ключевые слова: согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, особый порядок производства, справедливость приговора.

S.V. Kornakova, V.A. Shcherbakov

A SPECIAL PROCEDURE OF JUDICIAL PROCEEDINGS WITH THE CONSENT OF THE ACCUSED WITH THE ACCUSATION: THE GUARANTEE OF JUSTICE OF SENTENCING

The practice of application of special procedure of proceedings on criminal cases with the consent of the accused with the accusation is not always unambiguous and stable, but at the same time, evidence of the indisputable relevance of this institution. The article points to the need to ensure the justness of the verdict of the court in special judicial proceedings, analyzes the factors that negatively affect the legitimacy and fairness of the court decisions. The conclusion about the importance of preparation for court hearing,

where the main task of the court is judicial control over the quality of preliminary investigation. Training for court hearing in strict accordance with the requirements of law substantially determines the validity of the results of the trial at the special order of manufacture on criminal cases.

Keywords: consent of the accused with the accusation, a special procedure of production, the fairness of the verdict.

Оценка учеными особого порядка судебного разбирательства до сих пор является далеко не однозначной. В частности, к достоинствам данной процедуры разбирательства уголовных дел относятся такие факторы, как способствование реализации ряда принципов уголовного судопроизводства: разумного срока уголовного судопроизводства и неотвратимости наказания, а также ее соответствия современным тенденциям в области гуманизации уголовного законодательства, поскольку допускается возможность назначения более мягкого наказания [1, с. 14].

Основным аргументом противников рассматриваемого института является отсутствие процесса доказывания в ходе судебного разбирательства. Подобное положение, по мнению многих авторов, не только несовместимо принципами презумпции невиновности и состязательности, но и ставит под сомнение возможность реализации принципа законности и принципа осуществления правосудия только судом. Как следствие, при упрощенной процедуре судебного разбирательства речь не может идти о справедливости судебного решения [2, с. 32; 3, с. 142; 4, с. 171].

В связи с этим основной проблемой, требующей разрешения, на наш взгляд, является проблема выяснения гарантий вынесения судом при процедуре судебного разбирательства, предусмотренной гл. 40 УПК РФ, законного, обоснованного и справедливого приговора.

Как указывал И.Я. Фойницкий, предметом судебного разбирательства всегда является какой-либо спор, и в случае бесспорности обстоятельства, доказывать его нет необходимости [5, с. 249]. Поэтому, если обвиняемый при отсутствии принуждения, добровольно признает себя виновным в совершении инкриминируемого ему преступления, то отсутствуют основания для правового спора между обвинением и защитой, государством и личностью. Развернутое судебное следствие становится излишним, но лишь при условии, что существуют достаточно надежные гарантии проверки действительности проявления

свободы воли, добровольности сделанного обвиняемым выбора согласия с предъявленным обвинением.

Одной из таких гарантий является недопущение применения ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ. В ходе судебного разбирательства в особом порядке присутствие обвиняемого и его защитника является обязательным. Суд, проверяя соблюдение условий, при которых возможно производство в данной форме, обязан выяснить у подсудимого, понятно ли ему обвинение, полностью ли он согласен с обвинением и гражданским иском, если таковой заявлен, а также поддерживает ли он свое ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства; заявлено ли это ходатайство добровольно и после консультаций с защитником; осознает ли он последствия постановления приговора без проведения судебного разбирательства (ч. 4 ст. 316 УПК РФ).

Следующей гарантией справедливости судебного разбирательства в особом порядке и принятого по результатам разрешения уголовного дела итогового решения является и то, что уголовно-процессуальным законом предусмотрен «тройной фильтр» проверки материалов уголовного дела по окончании расследования на предмет законности и обоснованности всех действий и решений следователя. Обязанность по их изучению возложена на руководителя следственного органа, прокурора и судью. В случае выявления допущенных органами предварительного расследования существенных нарушений законодательства руководитель следственного органа и прокурор не могут направить уголовное дело в суд, а судья – допустить до судебного разбирательства. При этом, как подчеркивает А.А. Брестер, «ответственность должна быть повышенной, и согласие на особый порядок со стороны прокурора и суда может быть дано только после того, как они сделали все для того, чтобы убедиться в обоснованности предъявленного обвинения» [2, с. 143].

Учеными отмечается, что при рассматриваемой процедуре уголовного судопроизводства настораживают некоторые тенденции, заставляющие сомневаться в абсолютной законности и прозрачности выносимых решений. К таким негативным факторам, по мнению А.Н. Халикова, относятся следующие: 1) на особый порядок соглашаются часто социально незащищенные лица, которые опасаются реальных наказаний, связанных с лишением свободы, тем более, если ранее они были судимы; 2) при особом порядке судебного разбирательства

защитники часто работают не на договорной основе, а по назначению их органами расследования и суда. Роль защиты в этих случаях является формальной, т.к. адвокат зачастую настроен только на быстрейшее завершение расследования и рассмотрения уголовного дела в суде и, желательно, без подачи жалоб в вышестоящие судебные инстанции; 3) судья самоустраняется от исследования доказательств при рассмотрении дела в особом порядке [6, с. 107–108].

Как известно, знание факторов риска позволяет минимизировать их последствия. По поводу первого из указанных выше негативных факторов заметим, что должно быть само собой разумеющимся то, что субъекты доказывания по уголовному делу способны обнаружить ложь в показаниях обвиняемого, прибегающего к самооговору. В то же время важно предпринять меры для исключения ложных, вынужденных признаний, которые могут быть обусловлены нарушением законности на досудебных стадиях процесса.

В отношении роли защитника фактор риска, действительно, может иметь место и нельзя исключить возможности формального отношения защитников к своим обязанностям. В этой связи представляют интерес рассуждения А.А. Брестера, отмечающего важность работы защитника при выборе подзащитным особой процедуры судебного разбирательства. По мнению указанного автора, защитник не должен относиться нейтрально к желанию своего доверителя не участвовать в полноценном судебном заседании и уж тем более не должен склонять его к этому, только лишь разъясняя положительные и отрицательные моменты такого решения применительно к конкретному делу. Только защитник может знать истинные мотивы обвиняемого, он должен убедиться, что подзащитный крайне рационален в своем выборе. В случае же убежденности в самооговоре своего клиента Кодекс профессиональной этики позволяет защитнику отказаться от поддержания ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке. При этом доводы адвоката должны быть услышаны судом и прокурором, а при их обоснованности рассмотрение в особом порядке должно быть прекращено и назначено полноценное судебное разбирательство [2, с. 143–144].

Представляется, что в обязанность суда должна входить оценка должного обеспечения обвиняемому права на защиту, а отсутствие такового необходимо рассматривать как препятствие к рассмотрению уголовного дела в особом порядке.

И, наконец, поверхностной представляется оценка роли суда при особом порядке судебного разбирательства, как утратившего главенствующую роль и самоустраняющегося от исследования доказательств. Некоторые ученые даже считают, что позиция суда полностью зависит от позиции обвиняемого, государственного обвинителя и потерпевшего, поэтому при возникновении сомнений в виновности обвиняемого, суд не может отказать в применении особого порядка судебного разбирательства, если на нем настаивают стороны [7, с. 38].

Подобные утверждениями вряд ли можно признать обоснованными, поскольку роль суда, по определению, является руководящей и заключается в исследовании и определении наличия либо отсутствия оснований, допускающих проведение судебного процесса по сокращенной процедуре вынесения приговора. Во-первых, в ч. 2 ст. 314 УПК РФ закреплено право, а не обязанность суда постановить приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке, т. е. суд, действуя по собственному усмотрению, принимает решение на основании внутреннего убеждения. Во-вторых, об этом свидетельствуют и положения ч. 6 ст. 316 УПК РФ, согласно которым судья может вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке не только при возражении подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного разбирательства, но и по собственной инициативе.

Кроме этого, несмотря на то, что данная процедура судебного разбирательства не предусматривает исследование и оценку доказательств, это не означает, что судья освобожден от обязанности принимать решения на основании внутреннего убеждения, основанного на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств (ч. 1 ст. 17 УПК РФ). В этой связи А.С. Новиков правильно указывает, что для недопущения несправедливых судебных решений необходимо наличие у суда убежденности в том, что согласие обвиняемого с предъявленным обвинением объективно подтверждено собранной по уголовному делу совокупностью доказательств, и не является голословным [8, с. 156].

Недопустимо, на наш взгляд, полагать, что судья не вникает в суть подлежащего рассмотрению по правилам гл. 40 УПК РФ уголовного дела, а его полномочия ограничены лишь проверкой соблюдения

установленных законом формальностей при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и условий заявления им ходатайства об особом порядке судебного разбирательства. Поэтому применение особого порядка судебного разбирательства, не предусматривающего процессуального исследования доказательств, представленных стороной обвинения, отнюдь не означает отказа суда от их оценки или запрета на ознакомление с ними.

При назначении особого порядка судебного разбирательства судья должен выполнить предписания ст. 297 и ч. 7 ст. 316 УПК РФ. Более того, вывод суда не может быть основан на предположениях. Поэтому для принятия решения суд должен разобраться в деле, исследовать доказательства, подтверждающие предъявленное лицу обвинение, дать им оценку [9, с. 127]. Это возможно лишь после тщательного изучения материалов уголовного дела, в которых должна быть отражена обоснованность обвинения.

Учеными правомерно указывается на наличие специфики в исследования доказательств при особом порядке судебного разбирательства, связанной с ограничением принципа непосредственности исследования доказательств. Приговор суда основывается исключительно на тех доказательствах, которые содержатся в материалах уголовного дела, их самостоятельное исследование судом с необходимостью предполагает проверку как допустимости и достоверности доказательства, так и их достаточности для признания вины подсудимого. Суд, исследуя материалы уголовного дела использует единственно допустимую для рассматриваемой судебной процедуры форму – логический способ исследования доказательств [9, с. 125; 10, с. 16]. В частности, в силу презумпции большей компетентности, изучая материалы уголовного дела, суд может с достаточной полнотой судить о том, каким образом осуществлялась проверка и оценка следователем каждого из имеющихся в деле доказательств. Анализ последовательности процессуальных действий и содержания протокольных материалов позволяет суду оценить допустимость и достоверность полученных в ходе расследования уголовного дела доказательств [11, с. 72]. При этом основные характеристики стандарта доказанности – непротиворечивость доказательств и их достаточность для вынесения обвинительного приговора – доступны суду и должны иметь место при анализе совокупности представленных стороной обвинения и имеющихся в уголовном деле доказательств при постановлении приговора в особом порядке.

Таким образом, оценка судом доказательств на основании изучения материалов поступившего в суд уголовного дела должна быть обязательной и производиться при подготовке и назначению судебного заседания. В этой связи представляется очевидным, что при особом порядке судебного разбирательства значение стадии подготовки к судебному заседанию возрастает, а ее проведение в соответствии с требованиями закона, в значительной степени определяет справедливость результата судебного разбирательства. Главными задачами суда являются судебный контроль качества предварительного расследования и обеспечение беспрепятственного, правильного разрешения уголовного дела в особом порядке. При этом для достижения задач правосудия и охраны прав личности в уголовном процессе необходимо исключить случаи поверхностного и формального подхода к решению вопроса о назначении судебного заседания в особом порядке.

Список использованной литературы

1. Арефинкина Е.Г. Реализация принципов уголовного процесса в приговорах, постановленных в особом порядке судебного разбирательства / Е.Г. Арефинкина, А.Н. Ратьков // Вестник СИМБиП. – 2016. – № 1. – С. 2–19.

2. Брестер А.А. Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности / А.А. Брестер // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 140–145.

3. Татьянина Л. Особый порядок принятия судебного решения // Л. Татьянина // Законность. – 2003. – № 12. – С. 30–33.

4. Ревенко Н.И. Возможности проявления формальной истины в уголовном судопроизводстве России / Н.И. Ревенко // Вестник Омского университета. – 2005. – № 2 (3). – С. 169–173.

5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1996. – Т. 2.

6. Халиков А.Н. Возможности достижения истины или установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в судебном производстве / А.Н. Халиков // Бюллетень МАСП. – 2015. – № 1. – С. 106–110.

7. Татьянина Л. Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в

особом порядке судебного разбирательства / Л.Г. Татьянина // Вестник ОГУ. – 2004. – № 3. – С. 38–40.

8. Новиков А.С. «Я виновен!»: Доказательственное значение собственного признания вины в современном уголовном процессе России / А.С. Новиков // Известия вузов. Правоведение. – 2009. – № 1. – С. 141–157.

9. Булыгин А.В. Специфика доказывания при особом порядке судебного разбирательства / А.В. Булыгин // Современное право. – 2012. – № 1. – С. 124–127.

10. Макаров Ю.Я. Особый порядок рассмотрения уголовных дел : практ. пособие / Ю.Я. Макаров. – М., 2010.

11. Корнакова С.В. Принятие судебного решения – процесс, подчиненный законам логики / С.В. Корнакова // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 3 (26). – С. 70–75.

Информация об авторах

Корнакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Svetlanakornakova@yandex.ru.

Щербаков Владимир Александрович – заместитель прокурора, прокуратура г. Новоалтайска Алтайского края, 658080, Российская Федерация, г. Новоалтайск, ул. Красногвардейская, 8, e-mail: law-ira@mail.ru.

Information about the authors

Kornakova, Svetlana V. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law Institute, Baikal State University, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Shcherbakov, Vladimir A. – Deputy Prosecutor, Prosecutor's office in the city of Novoaltaysk, Altai Krai, 8, Krasnogvardeyskaya St., 658080, Novoaltaisk, Russian Federation, e-mail: law-ira@mail.ru.

УДК 343.121.5

Н.Ю. Литвинцева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО

В статье рассматриваются актуальные проблемы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. Анализируются гарантии прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. Исследуется процессуальный статус законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. Аргументируется необходимость привлечения в качестве законного представителя близкого родственника, родственника или лица, которое фактически принимает участие в воспитании и заботе о несовершеннолетнем подозреваемом, обвиняемом. Отстаивается позиция об обязательности участия в производстве следственных действий законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. Приводятся аргументы о необходимости включения в перечень прав законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого права не свидетельствовать против представляемого лица. Обосновывается необходимость внесения изменений в нормы УПК РФ, регулирующие правовое положение законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; участники уголовного судопроизводства; несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые; законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

N.Yu. Litvintseva

ACTUAL PROBLEMS OF PROCEDURAL STATUS OF LEGAL REPRESENTATIVES OF MINOR-TERM SUSPENDED AND THE ACCUSED

In the article actual problems of protection of rights and legitimate interests of juvenile suspects, accused are considered. Guarantees of the

rights of juvenile suspects, accused persons are analyzed. The procedural status of legal representatives of juvenile suspects, accused is investigated. It is argued that it is necessary to attract a close relative, relative or person who, in fact, takes part in the upbringing and care of a minor suspect, accused as a legal representative. The position on the compulsory participation in the production of investigative actions of legal representatives of underage suspects, accused is upheld. Arguments are given on the need to include in the list of rights of a legal representative of a minor suspect, an accused right not to testify against the represented person. The necessity of introducing changes in the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the legal status of legal representatives of a minor suspect or accused is substantiated.

Keywords: criminal justice; participants in criminal proceedings; minor suspects, accused; legal representatives of a minor suspect, accused.

Российское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает участие специального субъекта – законного представителя, призванного способствовать защите прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых.

Согласно п. 12 ст. 5 УПК РФ законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства. Перечень указанных лиц является исчерпывающим.

В юридической литературе предлагается расширить круг законных представителей. Так, А.А. Баев, справедливо полагая, что понятие законных представителей несовершеннолетних нуждается в уточнении, предлагает включить в перечень законных представителей близких родственников, родственников и близких лиц [1, с. 8–9, 21].

Солидаризируясь с ним, А.Г. Назарчук полагает, что близкие родственники, вовлеченные в уголовное судопроизводство в качестве законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, могли бы оказать следователю действенную помощь в установлении психологического контакта, в выяснении комплекса вопросов, касающихся личности несовершеннолетнего, условий его

жизни и воспитания, обстоятельств и причин совершения им преступления [2, с. 203].

Е.В. Марковичева считает целесообразным перечень законных представителей дополнить приемными родителями несовершеннолетних [3, с. 24].

Несмотря на то, что в п. 12 ст. 5 УПК РФ не указаны близкие родственники, родственники и близкие лица несовершеннолетнего, на практике они признаются законными представителями. В этой связи, Р.В. Мазюк замечает, примерно в 80 % уголовных дел в отношении несовершеннолетних законными представителями выступают родители подозреваемого, обвиняемого, на первый взгляд, это является логичным и закономерным, вместе с тем, верно подчеркивает указанный автор, если фактическим воспитанием несовершеннолетнего занимается его бабушка или тетя, не имеющие статуса опекуна, то очевидно, что они в наибольшей степени могут защитить права и законные интересы несовершеннолетнего, чем его неблагополучные родители [4, с. 126, 128].

Следует заметить, что УПК РФ, касательно категории дел о применении принудительных мер медицинского характера, содержит нормы, предполагающие возможность наделения близкого родственника процессуальным статусом законного представителя, в частности, в ч. 1 ст. 437 предусмотрено, что: «При отсутствии близкого родственника законным представителем может быть признан орган опеки и попечительства».

К числу законных представителей УПК РФ относит представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства (п. 12 ст. 5).

На практике возникает вопрос об эффективности привлечения представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, а также органов опеки и попечительства в качестве законных представителей, вызывает сомнение их заинтересованность представлять интересы несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Справедливой в этой связи представляется позиция авторов, утверждающих, что участие незаинтересованных лиц в качестве законных представителей не может обеспечить должным образом защиту прав несовершеннолетних и поэтому носит формальный характер [5, с. 116]. Следует под-

держать позицию Е.В. Марковичевой о том, что привлечение в качестве законного представителя работника органа опеки и попечительства должно проводиться только в исключительных случаях [6, с. 281].

Думается, что привлечение в качестве законного представителя близкого родственника, родственника или лица, которое фактически принимает участие в воспитании и заботе о несовершеннолетнем подозреваемом, обвиняемом, более целесообразно.

На основании вышеизложенного, представляется необходимым внести изменения в п. 12 ст. 5 УПК РФ, дополнив перечень законных представителей близкими родственниками, родственниками и близкими лицами, принимающими непосредственное участие в уходе за несовершеннолетним и в его воспитании.

По уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители (ст. 48 УПК РФ), процессуальный статус которых закреплен в ст. 426 и 428 УПК РФ.

Согласно УПК РФ, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления следователя либо суда (ч. 1 ст. 426). В этой связи следует отметить, что отстранить законного представителя от участия в уголовном судопроизводстве возможно также только на основании постановления.

Необходимо заметить, что существуют случаи, когда участие законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого признается нецелесообразным. Законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого отстраняется от участия в уголовном деле, если его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетних. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель (ч. 4 ст. 426, ч. 2 ст. 428 УПК РФ). Представляется, что формулировка: «действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего» нуждается в уточнении, поскольку не охватывает всех возможных случаев, нарушающих интересы несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Действия, наносящие ущерб интересам выражены в активном негативном поведении законного представителя несовершеннолетнего. Бездействие может проявляться в неявке законного представителя по вызову следователя, суда, что также нарушает ин-

тересы несовершеннолетнего. Также требует дополнения основание отстранения законного представителя, действия (бездействие) которые не только «наносят ущерб интересам», но и «противоречат интересам» несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Резюмируя, ч. 4 ст. 426 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Законный представитель отстраняется от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия (бездействие) наносят ущерб и (или) противоречат интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого». Аналогичные изменения следует внести и в ч. 2 ст. 428 УПК РФ.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 разъясняется, что к действиям, наносящим ущерб интересам несовершеннолетнего, следует относить невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего, либо уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, а равно злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела. Недопустимо привлечение к участию в деле в качестве законных представителей лиц, которые совершили преступление совместно с несовершеннолетним, а также лиц, в отношении которых несовершеннолетний совершил преступление[1].

В этой связи необходимо поддержать позицию Е.В. Марковичевой о том, что выбор другого законного представителя несовершеннолетнего должен осуществляться с учетом мнения самого несовершеннолетнего [6, с. 282]. Думается, что и первоначально, привлекая законного представителя к участию в допросе несовершеннолетнего, разумно выяснить мнение самого несовершеннолетнего о выборе его законного представителя. Также вызывают интерес суждения А.Б. Шлипкиной, которая предлагает для определения наилучшего претендента в законные представители (кого из двух родителей допу-

[1] О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4. С. 4.

стить в качестве законного представителя; кого из представителей организации, на попечении которой находится несовершеннолетний выбрать; кого допустить в качестве законного представителя, если несовершеннолетний возражает против участия выбранного законного представителя) составлять «карту законного представителя» отражающую сведения о характеристике личности претендентов в законные представители; о мнении несовершеннолетнего относительно участия каждого из претендентов в качестве его законного представителя; о возможности привлечения нескольких лиц в качестве законных представителей и т. д. [7, с. 115].

Процессуальный статус законного представителя, его права и обязанности вытекают из процессуального статуса лица, чьи интересы он представляет.

Вместе с тем, процессуальный статус законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в УПК РФ отражен весьма поверхностно.

В ст. 426 и 428 УПК РФ, регулирующих участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в перечне прав законного представителя отсутствует право не свидетельствовать против представляемого лица. Необходимо заметить, что законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого вправе давать показания и при его согласии может быть допрошен в качестве свидетеля, при этом ему разъясняются права, указанные в ч. 4 ст. 56 УПК РФ, в том числе, и право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников.

Как правило, законный представитель располагает информацией, имеющей важное значение для установления таких элементов предмета доказывания по делам несовершеннолетних, как: возраст (число, месяц и год рождения); условия жизни и воспитания; уровень психического развития и иные особенности личности; влияние на него старших по возрасту лиц (ч. 1 ст. 421 УПК РФ).

Думается, что законный представитель должен быть наделен диспозитивным свидетельским иммунитетом. Предмет его показаний должны составлять только те обстоятельства, которые относятся к событиям, имевшим место до получения им процессуального статуса законного представителя по конкретному уголовному делу, а обстоятельства, ставшие ему известными в связи с его участием в данном

уголовном деле, не должны включаться в предмет показаний, поскольку сведения о них получены в связи с исполнением функции защиты несовершеннолетнего.

На практике чаще всего законными представителями выступают родители, которым следователь и суд обязаны разъяснить положения ст. 51 Конституции РФ, т. е. право на свидетельский иммунитет. Вместе с тем, в качестве законных представителей несовершеннолетнего могут выступать лица, которые не являются его родителями или иными близкими родственниками (например, опекуны и попечители), у которых нет права на свидетельский иммунитет. В этой связи следует поддержать позицию ряда авторов о включении в ст. 56 УПК РФ положения о наделении законного представителя подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, диспозитивным свидетельским иммунитетом относительно обстоятельств, которые стали им известны в связи с оказанием помощи несовершеннолетнему при производстве по уголовному делу. Так, И. Дикарев логично аргументирует данное предложение тем, что «свидетельский иммунитет законных представителей в своей основе имеет стремление защитить семейные связи, оградить гражданина от тяжкого, непосильного бремени свидетельствовать против своего ребенка» [8, с. 79]. Кроме того, к этому следует добавить, что законный представитель обладает конфиденциальной информацией, доверенной ему несовершеннолетним в силу родственных или иных отношений. Поскольку законный представитель осуществляет защиту несовершеннолетнего, он должен быть обеспечен гарантиями сохранения в тайне тех сведений, которые ему доверил несовершеннолетний на условиях конфиденциальности.

И.В. Смолькова справедливо отмечает, что «свидетельский иммунитет должен стать неотъемлемым элементом права процессуального статуса законного представителя», и предлагает дополнить ч. 3 ст. 56 УПК РФ п. 7 в следующей редакции: «законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с участием в производстве по уголовному делу и осуществлением помощи и защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего» [9, с. 155].

Думается, что для многих несовершеннолетних, находящихся под опекой и попечительством, их опекуны и попечители заменяют по сути родителей. Между ними возникают близкие, доверительные отношения. Следовательно, необходимо наделить относительным свиде-

тельским иммунитетом опекунов, попечителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. С учетом изложенного ч. 2 ст. 426 и ч. 1 ст. 428 УПК РФ следует дополнить пунктами следующего содержания: «Законные представители вправе отказаться свидетельствовать против представляемого лица».

Вызывают интерес положения УПК РФ, предусматривающие с одной стороны, обязательное привлечение законного представителя несовершеннолетнего к участию по уголовному делу (ст. 48), а с другой, оставляющие право выбора законным представителям на участие в производстве следственных действий (п. 3 ч. 2 ст. 426). Представляется, что законный представитель призван оказывать несовершеннолетнему помощь в отстаивании его законных интересов, оказывать моральную и психологическую поддержку, действовать в его интересах. Отказ законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого от участия в следственных и иных процессуальных действиях свидетельствует о нарушении (ущемлении) интересов несовершеннолетнего, что должно повлечь его отстранение от уголовного дела и привлечение в качестве законного представителя другого лица.

Обращает на себя внимание и сама формулировка п. 3 ч. 2 ст. 426 УПК РФ, закрепляющая право законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого участвовать в его допросе, а также с разрешения следователя – в иных следственных действиях, производимых с его участием. Из буквального толкования данной нормы следует, что законный представитель вправе участвовать в следственных действиях только с разрешения следователя. Думается, что данное указание существенно ограничивает право законного представителя надлежащим образом осуществлять защиту прав несовершеннолетних в ходе следственных действий, производимых с их участием. В связи с этим, целесообразно исключить положение, предусматривающее усмотрение следователя об участии законного представителя несовершеннолетнего в следственных действиях, и изложить п. 3 ч. 2 ст. 426 УПК РФ в следующей редакции: «участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с его участием».

Следует отметить, что положение ч. 3 ст. 428 УПК РФ, допускающей рассмотрение уголовного дела в отсутствии законного представителя несовершеннолетнего подсудимого, вступает в противоре-

чие со ст. 48 УПК РФ, согласно которой его участие в уголовном деле обязательно. Справедливо подчеркивает Т.В. Исакова обязательность участия в уголовном судопроизводстве законных представителей несовершеннолетнего подсудимого предопределена требованием закона [10, с. 76]. Принятие судом решения о рассмотрении уголовного дела в отсутствие законного представителя способно привести к нарушению прав несовершеннолетних. Считаю необходимым ч. 3 ст. 428 УПК РФ исключить.

Повышенная защита несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в системе уголовного судопроизводства реализуется через участие его законного представителя, которое не должно быть формальным.

Список использованной литературы

1. Баев А.А. Представитель как субъект реализации конституционной гарантии на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.А. Баев. – Краснодар, 2016.

2. Назарчук А.Г. Роль и участие законных представителей несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в уголовном процессе / А.Г. Назарчук // Общество и право. – 2009. – № 2 (24). – С. 201–205.

3. Марковичева Е.В. Проблемы назначения и замены законного представителя несовершеннолетнего в российском уголовном процессе / Е.В. Марковичева // Судья. – 2015. – № 7 (55). – С. 24–26.

4. Мазюк Р.В. Процессуальная функция законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк // Ювенальные технологии как основа системной помощи семье и детям : материалы 1-й регион. науч.-практ. конф., г. Усть-Илимск, 24 апр. 2014 г. – Иркутск, 2015. – С. 125–130.

5. Гуськова А.П. Уголовно-процессуальные вопросы организации ювенального судопроизводства в современной России / А.П. Гуськова, В.А. Емельянов, Л.В. Юрченко. – Оренбург, 2009.

6. Марковичева Е.В. Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних: проблемы теории и практики / Е.В. Марковичева. – Орел, 2011.

7. Шлипкина А.Б. Совершенствование процедуры выбора законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обви-

няемого, подсудимого / А.Б. Шлипкина // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 11 (27). – С. 114–116.

8. Дикарев И. Свидетельский иммунитет законных представителей несовершеннолетних / И. Дикарев // Уголовное право. – 2009. – № 1. – С. 76–80.

9. Смолькова И.В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова. – М., 2014.

10. Исакова Т.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Т.В. Исакова. – М., 2011.

Информация об авторе

Литвинцева Наталья Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

Information about the author

Litvintseva, Natalia Yu. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law Institute, Baikal State University, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

УДК 343.12

Р.В. Мазюк

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются такие категории уголовного судопроизводства, как «интерес» и «законный интерес», – автор полагает, что в тексте уголовно-процессуального закона они используются как синонимы. Наряду с ними в науке уголовно-процессуального права предлагается выделять понятие «процессуальный интерес» отдельных участников уголовного процесса. В статье анализируется содержание данного термина на примере системы процессуальных интересов обвиняемого. В результате автор приходит к выводу о наличии в УПК РФ определенного механизма обеспечения процессуальных интересов участников уголовного судопроизводства, который, однако, имеет фрагментарный характер, он представлен в виде отдельных процессуальных гарантий. Дальнейшая уголовно-процессуальная политика в части законодательной регламентации правового положения участников уголовного судопроизводства должна основываться на развитии механизма защиты их процессуальных интересов.

Ключевые слова: интерес; процессуальный интерес; законный интерес; обвиняемый; базовый интерес; субинтерес.

R.V. Maziuk

PROCEDURAL INTERESTS OFCRIMINAL PROCEEDINGS PARTICIPANTS

The article deals with such category of criminal proceedings as «interest» and «legitimate interest», and the author believes that the text of the criminal procedure law, they are used as synonyms. Along with them the science of criminal procedural law proposed the concept of «procedural interest» of the individual participants in the criminal process. The article analyzes the contents of the term from the example of procedural interests of the accused. As a result, the author comes to the conclusion about the presence in the code is some mechanism to ensure that due process interests of participants in criminal proceedings, which, however, is highly

fragmentary, it is presented in the form of a separate procedural safeguards. Further the criminal procedure policy in the part of legislative regulation of legal status of participants of criminal proceedings should be based on the development of a mechanism of protecting their procedural interests.

Keywords: interest; procedural interest; legal interest; the defendant; the main interest; additional interest.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) в ряде статей, регламентирующих процессуальное положение участников уголовного судопроизводства, используются такие категории, как «интересы» и «законные интересы» обвиняемого. Так, ч. 3 ст. 47 УПК РФ устанавливает, что обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы средствами и способами, не запрещенными законом, а ч. 1 ст. 49 УПК РФ предусматривает, что защитником является лицо, осуществляющее защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых. Понятия «интересы» и «законные интересы» употребляются в УПК РФ применительно и к другим участникам уголовного судопроизводства, например, п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ предусматривает право потерпевшего по его ходатайству получать копии любых процессуальных документов, затрагивающих его интересы. А в соответствии с ч. 5 ст. 189 УПК по окончании допроса свидетеля, проводившегося с участием адвоката, последний вправе делать заявления о нарушениях прав и законных интересов свидетеля.

В целом, в тексте УПК РФ категория «интересы» употребляется 35 раз, а термин «законные интересы» – 17 раз. В связи с отсутствием в УПК РФ, а также в иных законодательных актах легальных дефиниций рассматриваемых понятий, представляется необходимым определить их научное и практическое содержание, а также значение для уголовно-процессуального статуса обвиняемого.

Понятие «интерес» своими корнями уходит во времена Древнего Рима. Слово «interest» буквально переводится с латинского языка как «имеет значение», «важно» [1, с. 418]. В римском частном праве данным словом обозначался ущерб, который причинен кредитору по чьей-либо вине [2, с. 317]. В русский язык слово «интерес» пришло из немецкого языка в начале XVIII в. В Петровскую эпоху и до середины XVIII в. интерес понимали как выгоду, дело, корысть. Более позд-

нее значение слова интерес – «внимание, проявляемое к кому-либо, чему-либо», «занимательность», «увлекательность», «важность», «значение», «польза» – возникло в русском языке под влиянием французского interet [3, с. 12].

Не углубляясь в дискуссию относительно современного определения термина «интерес» в различных науках, будем исходить из следующего его понимания: интерес – это «осознание потребности, обусловленное желанием получения пользы, выгоды» [4, с. 14]. На этом основании можно согласиться с высказанным в научной литературе мнением о том, что «используемый в уголовно-процессуальном законе термин «интерес», как правило, трактуется в смысле «законный интерес». И это делает возможным вывод о том, что закон признает допустимым для уголовного судопроизводства только один вид интереса, а именно – законный интерес» [5, с. 33]. На наш взгляд, в нормах УПК РФ понятия «интерес» и «законный интерес» используются законодателем как синонимы, и какого-то принципиального различия в их семантике искать не стоит. Это очередной пример непоследовательности законодателя в использовании юридической терминологии при конструировании положений УПК РФ.

Вместе с тем, в научной литературе употребляется категория «процессуальный интерес». Так, В.М. Галкин отмечал, что «процессуальный интерес представляет собой интерес в успешном осуществлении определенной процессуальной функции» [6, с. 37]. С.Д. Шестакова понимает процессуальный интерес как «выраженную в конкретном поведении участника уголовного судопроизводства его потребность к тому, чтобы итогом уголовно-процессуальной деятельности стал определенный устраивающий его результат» [7, с. 17]. По мнению Л.И. Ильницкой, «процессуальные интересы – это определяемые возбуждением, расследованием, рассмотрением и разрешением уголовного дела стремления субъектов уголовного процесса к достижению социально значимого результата, признаваемые и охраняемые уголовно-процессуальным законом» [8, с. 37].

Помимо научной литературы, термин «процессуальный интерес» используется и в решениях Конституционного Суда РФ. Например, в Постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П указывается: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало

бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»[1].

В Постановлении от 20 июля 2016 г. № 17-П[2] Конституционный Суд РФ отметил, что обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, при производстве допроса в судебном заседании по основному уголовному делу сохраняет процессуальный интерес в исходном уголовном деле, в рамках которого было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, поскольку предъявленное ему обвинение непосредственно связано с обвинением, предъявленным лицу, считающемуся его соучастником и являющемуся подсудимым по основному делу.

Процессуальный интерес в рамках науки уголовно-процессуального права, на наш взгляд, можно определить следующим образом: это нормативно допустимое, обусловленное осуществляемой функцией целеполагающее отношение участника уголовного судопроизводства к производству какого-либо процессуального действия или принятию какого-либо процессуального решения по уголовному делу.

Целеполагание в уголовном судопроизводстве свою очередь понимается как «осмысление субъектами, к нему причастными, проблемной ситуации в сфере уголовного процесса, переводе ее в ходе системного анализа в проблему, и предполагающее на выходе создание структуры целей, задач и функций, а также средств их реализации, в правотворчестве (в конституционном, уголовно-процессуальном, а также смежных отраслях законодательствования) и правоприменении указанных норм в сфере уголовного процесса, предназначенной и пригодной для разрешения той проблемной ситуации,

---

[1] По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

[2] По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой ст. 56, части второй ст. 278 и гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко // Собрание законодательства РФ. 2016. № 31. Ст. 5088.

которая и послужила началом для размышлений (для мыслительной деятельности)» [9, с. 39]. В уголовном судопроизводстве такое целеполагающее отношение участников уголовного судопроизводства, в частности, обвиняемого проявляется в форме процессуального интереса применительно к процессуальным действиям и процессуальным решениям, являющихся базовыми элементами уголовно-процессуального механизма и составляющими содержание уголовно-процессуальной деятельности.

В научной литературе, например, в качестве незаконных интересов обвиняемого приводятся следующие: «использование подложных доказательств»; «уклонение от явки к следователю или суду»; «стремление добиться оправдательного приговора, будучи виновным и полностью изобличенным»; «получение необоснованного и чрезмерно мягкого наказания за совершенное преступление»; «ложное отрицание совершенного преступления» [10, с. 18–19]; «стремление воспользоваться правосудием для клеветы, осуждения заведомо невиновного из мести за правомерные действия» [11, с. 171]; «оговор другого лица» [7, с. 19].

С позиций предлагаемого подхода к пониманию процессуального интереса в уголовном судопроизводстве так называемый «интерес избежать уголовную ответственность», который стал камнем преткновением для многих ученых-процессуалистов на протяжении нескольких десятков лет, с процессуальной точки зрения можно рассматривать как интерес обвиняемого в принятии такого процессуального решения, которым он не был бы признан виновным.

Разве незаконен интерес обвиняемого в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) или в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ)? Является ли незаконным интерес подсудимого в вынесении по уголовному делу оправдательного приговора?

Таким образом, интерес обвиняемого избежать уголовную ответственность с уголовно-процессуальной точки зрения является не чем иным, как процессуальным решением, альтернативным обвинительному приговору. Обвиняемый не может абстрактно «избежать» уголовную ответственность, по уголовному делу в отношении обвиняемого должно быть обязательно принято итоговое процессуальное решение. И главный процессуальный интерес обвиняемого выражается через его отношение к тому или иному итоговому решению по

уголовному делу, исключающему его привлечение к уголовной ответственности.

Процессуальные интересы обвиняемого образуют систему, в которой базовым процессуальным интересом является целеполагающее отношение обвиняемого к итоговому процессуальному решению по уголовному делу. И такое отношение далеко не всегда ограничивается альтернативой выбора между обвинительным и оправдательным приговором. С учетом личных представлений, собранной доказательственной базы, рекомендаций защитника и других факторов, влияющих на процесс осмысления обвиняемым процессуальной ситуации по делу, его базовый процессуальный интерес может заключаться:

1)на стадии возбуждения уголовного дела (до получения лицом процессуального статуса обвиняемого, в целях прогностической защиты от возможного уголовного преследования) – в решении об отказе в возбуждении уголовного дела;

2)на стадии предварительного расследования – в полном или частичном прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по тем или иным основаниям;

3)на стадии судебного разбирательства – в решении о применении к лицу принудительной меры медицинского характера вместо применения уголовной ответственности и назначения наказания.

Нами перечислены не все возможные варианты базового процессуального интереса обвиняемого. Приведенные примеры позволяют продемонстрировать, что базовый процессуальный интерес обвиняемого может изменяться на различных стадиях уголовного судопроизводства или даже в рамках одной стадии в зависимости от изменения процессуальной ситуации по делу и ранее указанных факторов, влияющих на целеполагание обвиняемого.

Систему процессуальных интересов обвиняемого, наряду с базовым интересом, образуют процессуальные субинтересы, которые обеспечивают реализацию базового интереса, но не всегда с ним напрямую связаны. Процессуальные субинтересы выражают целеполагающее отношение обвиняемого к осуществлению отдельных процессуальных действий, а также принятию отдельных процессуальных решений в ходе производства по уголовному делу. Данное отношение обвиняемого может формироваться как к тем процессуальным действиям, участником которых он является (например, производство очной ставки), так и к тем, участие в которых он не принимает (напри-

мер, производство судебной экспертизы). В любом случае обвиняемому должна быть обеспечена возможность обеспечить свой процессуальный интерес путем заявления ходатайств и обжалования соответствующих процессуальных действий и процессуальных решений.

Системный анализ УПК РФ позволяет говорить о наличии в нем определенного механизма обеспечения процессуальных интересов участников уголовного судопроизводства, в частности, обвиняемого. Однако данный механизм имеет фрагментарный характер, он представлен в виде отдельных процессуальных гарантий. К таким гарантиям можно отнести:

1)установленный срок 5 суток для возможности приглашения защитника по выбору обвиняемого (ч. 3 ст. 50 УПК РФ);

2)применение меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части только с согласия обвиняемого (ч. 2 ст. 104 УПК РФ);

3)ограничение общей продолжительности времени допроса 8 часами в сутки (ч. 3 ст. 187 УПК РФ);

4)возможность занять любое место среди опознаваемых лиц в ходе предъявления для опознания (ч. 4 ст. 193 УПК РФ);

5)необходимость ознакомления обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы (ч. 3 ст. 195 УПК РФ) и др.

Однако не все процессуальные интересы обвиняемого обеспечены на уровне гарантий в УПК РФ. Более того, это и невозможно, так как процессуальные интересы, как уже отмечалось, могут касаться абсолютно любого процессуального действия или решения, и если для каждого из них в тексте уголовно-процессуального закона предусматривать гарантии для отдельных участников уголовного судопроизводства, то объем кодекса увеличится в несколько раз.

В свою очередь полагаем, что процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства, и в частности, обвиняемого должны быть не абстрактной, теоретической категорией, а полноценным элементом их процессуального статуса. В этих целях предлагаем закрепить в УПК РФ дополнительные гарантии механизма защиты процессуальных интересов обвиняемого. Такие гарантии должны позволять своевременно определять и отражать процессуальные интересы обвиняемого в материалах уголовного дела. В настоящее время процессуальные интересы обвиняемого так или иначе проявляются в ходатайствах и жалобах, заявляемых обвиняемым в ходе уголовного су-

допроизводства. Полагаем, что этого недостаточно. В рамках допроса обвиняемого, кроме вопросов, относящихся к существу предъявленного обвинения, ему должны задаваться вопросы, направленные на определение его процессуальных интересов по уголовному делу: как базового процессуального интереса (например, отношение к возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон), так и процессуальных субинтересов (например, о выборе для обвиняемого меры пресечения). На практике чаще всего это происходит в непроцессуальной форме, в виде личной беседы. До тех пор, пока интересы участников уголовного судопроизводства не обретут самостоятельную процессуальную форму в материалах уголовного дела, эффективность их защиты в уголовном судопроизводстве будет вызывать сомнения.

Список использованной литературы

1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – 4-е изд. – М., 1996.
2. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. Кн. 4. Обязательственное право / Ю. Барон. – СПб., 2005.
3. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве / С.В. Михайлов. – М., 2002.
4. Смирнова И.Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное / И.Г. Смирнова // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 14–18.
5. Дилбандян С.А. Законный или любой интерес подлежит защите в уголовном судопроизводстве: сравнительно-правовое исследование уголовного процесса России и Армении / С.А. Дилбандян // Российский судья. – 2010. – № 11. – С. 31–34.
6. Галкин В.М. Принцип состязательности в советском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук / В.М. Галкин. – М., 1951.
7. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса / С.Д. Шестакова. – СПб., 2001.
8. Ильницкая Л.И. Личные интересы участников российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук / Л.И. Ильницкая. – М., 2003.
9. Попов А.П. Современный отечественный уголовный процесс: целеполагание, система целей, задач и функций, средства / А.П. Попов. – М.; Берлин, 2014.

10. Цыпкин А.Л. Очерки советского уголовного судопроизводства / А.Л. Цыпкин. – Саратов, 1975.
11. Адаменко В.Д. Охрана свобод, прав и интересов обвиняемого / В.Д. Адаменко. – Кемерово, 2004.

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: marova@mail.ru.

Information about the author

Maziuk, Roman V. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law Institute, Baikal State University, 11, Lenin str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: marova@mail.ru.

УДК 343.1

А.Н. Ратьков

ВЫВЕРЕННОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье автор присоединяется к мнению о самостоятельности категории «уголовно-процессуальная политика», которая реализуется путем формирования уголовно-процессуального законодательства и посредством практики его применения. Отмечается, что современные конструкции процессуального порядка задержания лица по подозрению в совершении преступления, возбуждения уголовного дела и производства дознания в сокращенной форме отрицательно сказываются на осуществлении уголовно-процессуальной политики. Обосновывается ошибочность мнений о возможности задержания лица по подозрению в совершении преступления до возбуждения уголовного дела и о расширении как поводов для возбуждения уголовного дела, так и перечня проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Предлагается авторское видение изменения процессуальных конструкций на затронутых этапах производства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, задержание лица, процессуальный статус, возбуждение уголовного дела, участники доследственной проверки.

A.N. Ratkov

ACCURACY OF PROCEDURAL CONSTRUCTIONS AS A BASE OF EFFECTIVE CRIMINAL PROCEDURAL POLICY

The author shares the opinion about independence of category of «criminal procedural policy», which is fulfilled by means of formation of criminal procedural legislation and practice of its enforcement. It is noted that modern concepts of proceedings of detainment on suspicion of committing a crime, initiation of criminal proceedings and conduct of inquiry in abbreviated form are negatively influence implementation of the criminal procedural policy. The author proves the fallibility of opinion about probability of detainment on suspicion of committing a crime before initia-

tion of criminal proceedings and expansion of both causes for initiation of criminal proceedings and list of verification actions at the stage of initiation of criminal proceedings. Some changes of procedural constructions of discussed stages of proceedings are proposed.

Keywords: criminal procedural policy, detention of a person, procedural status, initiation of criminal proceedings, pre-investigation participants.

Определение организаторами конференции ее темы, посвященной уголовно-процессуальной политике, свидетельствует о признании за ней права на самостоятельное существование, хотя до сих пор многие ученые по-прежнему считают уголовно-процессуальную политику элементом всеохватывающей уголовной политики. Несмотря на то, что понятие уголовно-процессуальной политики давно и достаточно прочно вошло в научный оборот [1], современные исследователи данного феномена отмечают, что «Термин «уголовно-процессуальная политика» крайне редко встречается в юридической литературе. В лучшем случае об отдельных элементах реальной уголовно-процессуальной политики говорят, рассуждая об уголовной политике государства» [2, с. 9]. Профессор А.И. Бойко, например, рассматривая бытующую в обществе нравственность как одну из принципиальных установок, определяющих уголовную политику, отмечает: «Это – та материя, которая предопределяет многое: сравнительную цену охраняемых благ, структуру уголовного закона, размеры карательного реагирования, уголовно-процессуальные конструкции и технологии, систему пенитенциарных учреждений, предубеждения обвинителей и защиты, экзальтацию или холодность общественного мнения о борьбе с преступностью» [3, с. 102–103].

Другие исследователи (Г.Ю. Лесников, Г. Колобов, Д. Корецкий и иные), рассуждая об уголовной политике и борьбе с преступностью, одним из направлений ее осуществления также называют уголовно-процессуальное законодательство и деятельность правоохранительных органов и судов.

Однако, как представляется, следует согласиться с выводом О.З. Челохсаева о том, что уголовно-процессуальная политика производна от уголовной политики и связана с ней множеством нитей, но в то же время является самостоятельной сферой правовой политики, проявляющейся в системе законодательно сформулированных основ-

ных начал (идей, принципов) уголовного процесса, реализуемых в нормах уголовно-процессуального права и в уголовно-процессуальной практике [2, с. 10, 13]. То есть, реализуется уголовно-процессуальная политика путем формирования уголовно-процессуального законодательства и посредством практики применения положений этого законодательства. Следовательно, любые изъяны в закреплении регламента уголовно-процессуальной деятельности, порождаемая некачественным законотворчеством порочная правоприменительная практика, допускаемое законом свободное (не единообразное) толкование норм УПК РФ отрицательно, если не губительно, сказываются на эффективности уголовно-процессуальной политики.

Одним из ярких тому примеров является регламент применения такой меры процессуального принуждения, как задержание. Основания, условия и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления, казалось бы, ясно прописаны в ст. 91–96 УПК РФ. Но ясность эта обманчива.

Во-первых, законом абсолютно не регулируется статус задерживаемого лица с момента его фактического захвата на месте предполагаемого правонарушения и до момента доставления его в соответствующий орган дознания или к следователю. Только «После доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю, – начинаются законодательные предписания в ч. 1 ст. 92 УПК РФ, – в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания…» [4–6].

Во-вторых, если согласно тому же УПК РФ подозреваемым лицо становится после составления протокола о его задержании (п. 2 ч. 1 ст. 46, ст. 91 и 92 УПК), то в орган дознания или к следователю доставлено лицо, которое подозреваемым еще не является. Уголовно-процессуальный закон не дает ответа на вопрос о том, каков статус такого лица в этом случае. А раз так, нет у этого лица ни прав, ни обязанностей, хотя его личная неприкосновенность существенно уже ограничена.

В-третьих, недоговоренность законодателя при определении процедуры задержания до сих пор позволяет некоторым авторам допускать возможность задержания лица до возбуждения уголовного дела. Так, В.А. Семенцов указывает, что «в УПК РФ 2001 г. нет запрета на применение фактического и процессуального задержания до возбуждения уголовного дела» [7, с. 101].

Б.М. Бургер делает вывод о том, что проведение доследственной проверки может сопровождаться и применением меры уголовно-процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого [8, с. 212].

Знакомство с подобными приведенным толкованиями норм уголовного процесса приводит начинающих юристов к мысли о том, что задержание может быть фактическим и процессуальным и в стадии возбуждения уголовного дела допустимо фактическое задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, с последующим возбуждением уголовного дела в течение 3 часов с момента доставления данного лица в орган дознания или к следователю [9, с. 350, 351].

При этом, как уважаемые маститые ученые, так и начинающие исследователи почему-то не замечают, что полное название данной меры принуждения – задержание лица по подозрению в совершении преступления (ст. 91 УПК). Каким образом на основании норм УПК РФ можно произвести задержание лица до уяснения характера совершенного этим лицом деяния? Если уголовное дело еще не возбуждено, значит еще нет правовой оценки совершенного деяния как преступления, еще нет оснований для возбуждения уголовного дела, а, следовательно, и для задержания по подозрению в совершении преступления. В противном случае получается, что вывода компетентных должностных лиц о том, что совершено преступление еще нет, но уже есть задержанный по подозрению в совершении ни какого-либо правонарушения, а именно преступления. Задержание лица до возбуждения уголовного дела «приговаривает» вынести решение о наличии состава преступления, когда фактически в совершенном деянии признаков состава нет, дабы избежать обвинения в незаконном задержании. Именно такая практика применения норм уголовно-процессуального законодательства искажает представление о добропорядочности уголовно-процессуальной политики.

Не «работают» на положительный имидж уголовно-процессуальной политики и современные конструкции возбуждения уголовного дела и производства дознания в сокращенной форме, из которых в заданном объеме статьи удается коснуться лишь стадии возбуждения уголовного дела.

О незащищенности и бесправии участников современной проверки сообщения о преступлении, допускающей теперь чрезмерно обширный набор средств получения проверочной информации, в ли-

тературе сказано немало [10–16]. Однако по-прежнему несть числа предложениям об обустройстве этой стадии. Новая волна таких предложений поднялась после очередных изменений и дополнений, внесенных в УПК РФ в марте 2013 года. Среди какофонии этих предложений есть ожидаемые и понятные, но появляются и такие, с которыми нельзя согласиться изначально, сразу же после прочтения названия статьи, в которой пытаются обосновать нововведения. Например, в журнале «Российский следователь» № 19 за 2016 г. опубликована статья Д.А. Варнавского «Индивидуализация поводов для возбуждения уголовного дела» [17]. Автор, присоединившись к мнению других процессуалистов, предлагающих ввести более дробный перечень поводов для возбуждения уголовного дела, считает, что «в настоящее время с учетом специфичности возбуждения уголовных дел по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ (невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат), имеется острая необходимость выделения в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела по ст. 145.1 УК РФ – направление материалов федеральным государственным органом по надзору за соблюдением трудового законодательства и его территориальными органами (государственной инспекцией труда)» [17, с. 8]. Создается впечатление, что при обсуждении проблем стадии возбуждения уголовного дела иногда наступает перевозбуждение у инициаторов очередных нововведений. Если пойти по предлагаемому пути, то можно будет, чуть ли ни к каждой статье УК РФ придумать свой специфический повод.

Острую необходимость автор увидел в том, что «…граждане в соответствии с установленной подследственностью обращаются с заявлением о невыплате заработной платы свыше установленного законом срока в территориальные органы Следственного комитета Российской Федерации, что создает объективные трудности при его проверке в связи с отсутствием законодательного урегулирования возможности проведения ряда следственных действий, необходимость в производстве которых возникает до возбуждения уголовного дела» [17, с. 8]. Далее Д.А. Варнавский описывает какие конкретные следственные действия хотелось бы проводить на этом этапе, но никак не обосновывает каким образом разрешить увиденную им проблему поможет именно «направление материалов государственной инспекцией труда». То есть, начинает автор с необходимости введения допол-

нительного повода для возбуждения уголовного дела, а заканчивает сетованиями на то, что вновь и в современном порядке проверки сообщения о преступлении маловато следственных действий, которые разрешено проводить до возбуждения уголовного дела. При этом автором отмечается, что внесение в ч. 1 ст. 140 УПК РФ и им предлагаемых дополнений позволит «исключить случаи необоснованного проведения проверок сообщения о преступлении» [17, с. 7].

Как ярко при этом не согласуется вывод автора с его предложениями. Случаями необоснованного проведения проверок сообщения о преступлении как раз и выступают следственные действия, проводимые до того момента, когда становится ясным содержатся ли вообще в заявленном событии признаки конкретного состава преступления. Необоснованное расширение законодателем перечня допускаемых до возбуждения уголовного дела следственных и иных, не пойми каких, действий, вовсе не должно служить основанием для превращения стадии возбуждения уголовного дела в стадию предварительного расследования.

Давно назрела необходимость переименования, как самой стадии возбуждения уголовного дела, так и ст. 144 УПК РФ, потому как на этапе производства, именуемом «стадией возбуждения уголовного дела», дело возбуждается далеко не всегда и само возбуждение дела не является самоцелью, а порядок проверки, закрепленный в ст. 144 УПК РФ, потому и существует, что поступившая информация требует уточнения на предмет того, содержится ли в сообщаемом событии признаки какого-либо преступления. Поэтому не может в такой норме речь идти о проверке сообщения о преступлении, так как во многих случаях собранная информация о ставшем известном событии остается просто происшествием, не содержащем в себе признаков преступления. А раз это еще не преступление (приходится повторять прописные истины), то и проводить действия, вторгающиеся в охраняемые законом права и свободы граждан, недопустимо. Наиболее принудительный характер заложен в следственных действиях, почему и разрешалось на протяжении длительного времени до возбуждения дела проводить единственно возможный осмотр места происшествия. Ратовать и сегодня за дальнейшее расширение перечня возможных до возбуждения дела следственных действий, после того, как этот перечень и без того не оправдано широк, значит заботиться не об обосно-

ванности проверки сообщения о происшествии, а о вседозволенности на этом этапе производства.

Резюмируя изложенное, хотелось бы поделиться собственным видением изменения процессуальных конструкций на затронутых этапах производства. Проверку сообщения о происшествии целесообразно вывести из УПК РФ и порядок действий при этом закрепить в административном законодательстве, четко прописав основания, условия и сущность допускаемых действий, а также права и обязанности участвующих в проверке лиц.

Здесь же следует предусмотреть основания и условия, допускающие фактический захват лица на месте совершения им общественно опасного деяния; допустимые сроки его доставления в компетентный орган и порядок учета данного срока в дальнейшем производстве по делу; права и обязанности лица, приобретающего статус задержанного (еще не «подозреваемого» в совершении преступления).

Содержание предлагаемых действий представляет собой не что иное, как суть той деятельности, которая ранее в России и именовалась дознанием.

После завершения в административном порядке проверочных действий по факту происшествия, материалы должны быть направлены соответствующему следователю, деятельность которого по правовой оценке случившегося и принятию процессуального решения и следует считать стадией возбуждения уголовного дела.

Список использованной литературы

1. Ляхов Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика / Ю.А. Ляхов. – Ростов н/Д, 1992.

2. Челохсаев О. З. Современная уголовно-процессуальная политика : автореф. дис. … канд. юрид. наук / О.З. Челохсаев. – М., 2009.

3. Бойко А.И. Уголовная политика : учеб. пособие / А.И. Бойко. – Ростов н/Д, 2008.

4. Ратьков А.Н. Законы все совершенствуются, а проблемы задержания лиц остаются прежними / А.Н. Ратьков // Интеграция таможенной службы Юга России в систему международных отношений: достижения, проблемы, перспективы : материалы науч.-практ. конф., г. Ростов-на-Дону, 17 нояб. 2011 г. – Ростов н/Д, 2011. – С. 229–235.

5. Ратьков А.Н. Задержание: законодательное закрепление и проблемы применения / А.Н. Ратьков // ВЕСТНИК СИМБиП: научно-практический ежегодник (сборник статей) ; под ред. Ф.К. Мугулова. – Сочи, 2011. – С. 91–98.

6. Ратьков А.Н. Гарантии неприкосновенности личности при задержании лица по подозрению в совершении преступления (сравнительно-правовой анализ) / А.Н. Ратьков // Российское общество, государство и право: история и современность : материалы 7-й межвуз. науч.-практ. конф. и 1-го науч.-образоват. форума. – Ростов н/Д, 2013. – С. 51–55.

7. Семенцов В.А. Задержание подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела / В.А. Семенцов // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 100–102.

8. Бургер Б.М. Квалифицированная юридическая помощь в стадии возбуждения уголовного дела / Б.М. Бургер // Общество и право. – 2009. – № 4 (26). – С. 211–214.

9. Турилов Г.Г. Задержание подозреваемого до возбуждения уголовного дела / Г.Г. Турилов, Е.И. Лукин, Е.С. Кузнецова // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Всерос. науч.- практ. конф. с междунар. участием / под общ. и науч. ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. – Краснодар, 2016. – С. 349–352.

10. Александров А.С. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении / А.С. Александров, С.А. Грачев // Уголовный процесс. – 2015. – № 7. – С. 14–21.

11. Бычков В.В. Стадия возбуждения уголовного дела - нарушение конституционных прав граждан / В.В. Бычков // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1 (12). – С. 41–51.

12. Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2011. – № 11. – С. 38–40.

13. Калиновский К.Б. «Доследственный» обыск – незаконное ноу-хау / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2015. – № 1. – С. 8–11.

14. Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 44–50.

15. Наумов А.М. Проблема выполнения следственных действий до возбуждения уголовного дела / А.М. Наумов // Российский следователь. – 2016. – № 7. – С. 8–12.

16. Овсянников И. Действия и решения на начальном этапе досудебного производства должны быть тоже законными / И. Овсянников // Законность. – 2017. – № 4. – С. 45–49.

17. Варнавский Д.А. Индивидуализация поводов для возбуждения уголовного дела / Д.А. Варнавский // Российский следователь. – 2016. – № 19. – С. 6–8.

Информация об авторе

Ратьков Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и процесса, Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов (РУДН), 354348, Российская Федерация, г. Сочи, ул. Куйбышева, 32, e-mail: sochiran@mail.ru.

Information about the author

Ratkov, Alexander N. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law and Process, Sochi branch of Peoples' Friendship University, 32, Kuybisheva Str., 354348, Sochi, Russian Federation, e-mail: sochiran@mail.ru.

УДК 343.1

А.Ф. Реховский

ТРАНСАКЦИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье автор исследует понятие и механизм трансакции в сфере уголовного судопроизводства. Используется метод сравнительного правоведения при анализе законодательства европейских государств и зарубежного опыта использования трансакции. Исследуются современные теоретические подходы в области поиска альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов и реализация правовых идей в законодательстве России в этой области. Проводится отличие трансакции от медиации. В статье делается акцент на новейшие изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, а также первые результаты судебной практики. Приводится оценка использования нового процессуального института представителями судебной системы. Сравнивается роль потерпевшего при использовании трансакции и примирении сторон. В целом делается вывод о положительном опыте применения трансакции в Российской Федерации.

Ключевые слова: трансакция, уголовный процесс, альтернативные формы, уголовно-правовой конфликт, правосудие.

A.F. Rekhovskiy

TRANSACTION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

In the article, the author explores the concept and mechanism of the transaction in criminal proceedings. Comparative method in analysis of the legislation of the European States and foreign experience use transactions. Explores the modern theoretical approaches in the search for alternative forms of permission of criminal conflict and implementation of legal ideas in the legislation of Russia in this area. Contrary to transactions carried out from mediation. The article focuses on the latest developments in criminal and criminal procedure legislation, as well as the first results of judicial practice. Assessing the use of the new procedure of the Institute members of the judiciary. Compares the role of a victim when you use transactions and reconciliation. In General, concludes that the positive experience of transactions in the Russian Federation.

Keywords: transaction, the criminal process, alternative forms, criminal conflict, justice.

Анализ международного опыта отказа от уголовного преследования в связи с возмещением ущерба и уплатой штрафа применительно к российскому законодательству и правоприменительной практике позволяет выделить два наиболее перспективных механизма, которыми, на наш взгляд, являются медиация и трансакция. Они являются альтернативными формами разрешения уголовно-правового конфликта.

Как справедливо отмечает И.Г. Смирнова «…внедрение медиационных и трансакционных механизмов необходимо еще и потому, что позволит сбалансировать репрессивно-агрессивный настрой общественности в отношении виновных; упростить и ускорить процесс уголовного судопроизводства, обеспечить компенсацию причиненного вреда; наконец, дать большую степень безопасности и защищенности личности в уголовном процессе» [1, с. 65].

Трансакции (от лат. transactio, англ. transaction – соглашение, сделка), под которой понимается политическое или юридическое соглашение, сопровождаемое взаимными уступками [2].

Институт трансакции является достаточно распространенным альтернативным способом разрешения уголовно-правового конфликта в Западной Европе, суть которого заключается в том, что государственные органы отказываются от уголовного преследования виновного, если последний согласится уплатить в казну определенную денежную сумму. Практика трансакции применяется в таких странах как Бельгия, Германия, Франция, Нидерланды, Республика Сан-Марино и др. [3].

Идентифицирующими признаками трансакции являются:

1) круг участников, чьим волеизъявлением определяются условия освобождения от уголовного преследования. Это государство в лице уполномоченного должностного лица и лицо, подлежащее уголовному преследованию, в этот круг не входят суд и потерпевший;

2) ключевое и самое распространенное условие освобождения от уголовного преследования: уплата в государственную казну определенной денежной суммы. Именно это условие составляет «сердцевину» института трансакции [4].

Интересным с точки зрения сравнительного правоведения является Уголовный кодекс Голландии, в ст. 74 которого содержится пере-

чень условий, которые могут быть выдвинуты прокурором до судебного разбирательства для прекращения уголовного преследования:

– выплата суммы денег государству не меньше пяти гульденов и не больше максимальной суммы штрафа, предусмотренного законом;

– отказ от права на арестованные предметы, подлежащие конфискации или изъятию из обращения;

– отказ от предметов, подлежащих конфискации, или выплата государству их оцененной стоимости;

– полная выплата государству суммы денег или передача предметов, на которые наложен арест, чтобы лишить обвиняемого полностью или частично прибыли, полученной в результате совершения преступления, включая экономию на затратах;

– полная или частичная компенсация ущерба, вызванного уголовным преступлением.

Как видно из текста УК Голландии, прокурор может выбрать на свое усмотрение одно или несколько условий из перечня, который является исчерпывающим.

В Бельгийском уголовном законодательстве институт трансакции закреплен в несколько ином виде: прокурор на досудебной стадии уголовного процесса определяет размер денежной суммы, подлежащей уплате в казну государства, и срок уплаты, при этом определяемая сумма не должна превышать максимального размера штрафа, если он предусмотрен уголовным законом за совершенное виновным преступление. Кроме того, прокурор вправе предложить обвиняемому компенсировать судебные издержки и передать государству предметы, подлежащие конфискации.

Во Франции до принятия решения о возбуждении уголовного дела прокурор вправе предложить виновному совершить следующие действия или одно из них:

– уплатить единовременно или частями в течение года в государственную казну штраф;

– передать предметы, ставшие орудием преступления или полученные в результате преступной деятельности;

– передать секретарю трибунала свои водительские права на период до шести месяцев или охотничье удостоверение на период до четырех месяцев;

– бесплатно выполнять общественные работы;

– пройти обучение на курсах.

Если виновный согласен выполнить предложенные прокурором действия, то материалы дела передаются в суд для утверждения так называемого «соглашения». При выполнении возложенных на виновного обязанностей государство теряет право на уголовное преследование лица [5].

В ходе применения трансакции речь идет не о потерпевшем, а о государстве. В этом заключается принципиальное отличие трансакции от медиации.

Важно отметить, что трансакция относительно недавно нашла свое законодательное закрепление в УК и УПК РФ[1]. В УК РФ введена новая ст. 76.2 – «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа», а также гл. 15.2 – «Судебный штраф». В УПК РФ появилась новая ст. 25.1 – «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» и гл. 51.1 – «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности».

Следует отметить, что в юридической литературе ранее делались предложения о возможности применении трансакции к отдельным видам преступлений (экологическим, налоговым и некоторым другим) либо о том, что трансакция должна применяться по тем категориям дел, по которым в качестве наказания предусмотрен штраф, и не затрагиваются интересы потерпевшего (либо его нет) [6, с. 38]. Но законодатель пошел дальше. Трансакция применима сегодня к преступлениям небольшой и средней тяжести в целом.

Как показывает анализ 200 судебных постановлений по применению ст. 76.2 УК РФ трансакция активно применяется мировыми судьями в Москве и Санкт-Петербурге[2].

Несмотря на незначительный период времени применения данного института суды дают положительную оценку трансакции. Например, «судебный штраф – эффективная мера уголовно-правового воздействия, позволяющая государству реализовать прин-

---

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федер. закон РФ от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Российская газета. 2016. 8 июля.

[2] Судебные и правовые акты РФ [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 12.08.2017).

цип неотвратимости ответственности за совершенное преступление, обвиняемому переосмыслить свой образ жизни и исправиться, а потерпевшему (гражданскому истцу) быстро и эффективно получить возмещение причиненного преступлением вреда»[1].

Следует отметить, что при применении трансакции роль потерпевшего весьма незначительна. При выполнении обязательного условия для прекращения уголовного дела в порядке ст. 25.1 УПК РФ – возмещении ущерба или заглаживании вреда потерпевший даже не должен давать согласие на прекращение дела, а его участие в судебном разбирательстве не является обязательным. Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в п. 25.4: «В силу положений ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ судья обязан обеспечить своевременное извещение о месте, дате и времени судебного заседания подозреваемого или обвиняемого, защитника, если последний участвует в уголовном деле, потерпевшего и (или) его законного представителя, представителя, прокурора, участие которого по смыслу положений ст. 37 УПК РФ является обязательным. Неявка в судебное заседание надлежащим образом извещенных лиц не препятствует рассмотрению ходатайства». Это объясняется тем, что институт трансакции направлен, прежде всего, на защиту интересов государства, общества и юридических лиц. В тоже время, закон (ст. 25 УПК РФ) обеспечивает возможность прекращения уголовного дела в связи с примирения сторон, которое возможно исключительно по заявлению потерпевшего.

Таким образом, альтернативные формы разрешения уголовно-правового конфликта постепенно внедряются в российский уголовный процесс. Если медиация только пытается найти свое место в уголовной и уголовно-процессуальной материи, то трансакция его уже получила на законодательном уровне.

---

[1] Обобщение судебной практики прекращения уголовных дел в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) за 1 полугодие 2017 г. [Электронный ресурс] / Сайт судебного участка № 2 мирового судьи г. Абдулино и Абдулинского района Оренбургской области : офиц. сайт. URL: https://abd2.kodms.ru/press/obobshenie-sudebnoj-praktiki-prekrasheniya-ugolovn/ (дата обращения: 12.08.2017).

Список использованной литературы

1. Смирнова И.Г. Общественное мнение об уголовном судопроизводстве: о чем говорят цифры / И.Г. Смирнова // Журнал российского права. – 2011. – № 5. – С. 57–65.

2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М., 1998.

3. Головко Л.В. Новые основания освобождения от уголовной ответственности и проблемы их процессуального применения / Л.В. Головко // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 77–83.

4. Матвеева Я.М. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности / Я.М. Матвеева // Правоведение. – 2014. – № 1 (312). – С. 162–171.

5. Попаденко Е.В. Поиск альтернативных средств разрешения уголовно-правовых конфликтов как направление российской уголовной политики / Е.В. Попаденко // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 1. – С. 78–84.

6. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / И.Г. Смирнова. – Томск, 2012.

Информация об авторе

Реховский Александр Федорович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, 690965, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Суханова, 8; e-mail: rafdvgu@mail.ru.

Information about the author

Rehovskiy, Aleksandr F. – PhD in Law, Associate Professor, Professor of Chair of justice, directorate of public prosecutions and criminalistics, Law school, Far Eastern Federal University, 8, Sukhanova St., 690965, Vladivostok, Russian Federation, e-mail: rafdvgu@mail.ru.

УДК 343.123.1

М.А. Митюкова

ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

Статья посвящена вопросам дифференциации форм предварительного расследования, в частности проблемам возбуждения и расследования уголовных дел в упрощенном порядке. На основе анализа положений уголовно-процессуального закона и практики, исследуются особенности возбуждения уголовных дел, проблемы доказывания в сокращенной форме дознания. Обращается внимание на неоправданное расширение прав участников уголовного судопроизводства в сокращенной форме дознания, в связи, с чем высказаны предложения по внесению изменений в ст. 226.3 УПК РФ.

Ключевые слова: дознание; дознание в сокращенной форме; расследование уголовных дел в упрощенном порядке.

M.A. Mitukova

THE ISSUES OF INITIATION AND INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES THROUGH INQUIRY IN ABBREVIATED FORM

The paper is devoted to the issues of differentiating the forms of preliminary investigation, particularly the problems of initiating and investigating criminal cases in a simplified procedure. Based on the analysis of the provisions of the criminal procedure law and practice, the features of the initiation of criminal cases, the problem of proof in the abbreviated form of inquiry are investigated. Attention is drawn to the unjustified extension of the rights of participants in criminal proceedings in an abbreviated form of inquiry, and suggestions were made to amend Art. 226.3 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: inquiry; inquiry in abbreviated form; investigation of criminal cases in a simplified procedure.

Вопросам дифференциации форм предварительного расследования в науке уголовного процесса всегда уделяется пристальное внимание, в том числе иркутскими процессуалистами [1, с. 15].

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ввел ряд новшеств, основным из которых стало введение новой формы предварительного расследования – дознания в сокращенной форме. Новая модель досудебного разбирательства отличается установлением минимально возможных сроков расследования и упрощенным процессом доказывания. Закрепление сокращенного дознания является новым этапом развития уголовного процесса в России, направленного на экономию сил и средств органов предварительного расследования.

Вместе с тем, количество, возбужденных и расследованных уголовных дел в сокращенной форме дознания различными ведомствами, возрастает. Согласно данным Министерства Внутренних Дел РФ практика применения данной формы расследования за 2014 г. показала, что всего в сокращенной форме расследовано 32 тыс. (по сравнению с 2013 г. рост составляет в 4,2 раза) уголовных дел, из них 31,2 тыс. (рост в 4,3 раза) дел или 9,1 % от общего количества, направленно в суд с обвинительным постановлением[1].

Согласно сведениям ведомственной статистической отчетности дознавателями Федеральной службы судебных приставов за 8 месяцев 2015 г. окончено 2937 уголовных дел, по которым дознание проводилось в сокращенной форме, что на 1354, или 85,5 %, больше, чем за 8 месяцев 2014 г. (1583 уголовных дела)[2].

Характерной чертой стадии возбуждения уголовного дела в форме сокращенного дознания, является возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица. Законодатель вновь вводит признак «очевидности» преступлений для производства дознания в со-

---

[1] Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства Внутренних Дел Российской Федерации [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел РФ : офиц. сайт. URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/001/869/963/1._Tekstovaya_chast.docx (дата обращения: 12.04.2017).

[2] Информация по производству территориальными органами ФССП России дознания в сокращенной форме за период 2014 г. в сравнении с 2013 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба судебных приставов : офиц. сайт. URL: http://fssprus.ru/2133945/ (дата обращения: 12.04.2017).

кращенной форме, то есть уголовное дело должно быть возбуждено в отношении конкретного лица. В юридической литературе вполне обоснованно подвергается критике указанное положение закона. В. Кальницкий указывает на то, что основания этого решения в законе четко не определены, и выбор того, как возбудить уголовное дело (в отношении лица или только по факту совершения преступления), зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителей [2, с. 84]. Поэтому можно говорить о том, что в этой части уголовно-процессуальный закон ущемляет право подозреваемого на производство дознания в сокращенной форме, так как не всегда представляется возможным возбудить дело в отношении конкретного лица, что по существу, влечет необоснованный отказ дознавателя в удовлетворении такого ходатайства. Для преодоления таких препятствий необходимо изменить данное условие в следующем варианте: «наличие возбужденного уголовного дела по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 настоящего Кодекса».

Одним из существенных изменений в УПК РФ является расширение возможности приставов-дознавателей по собиранию доказательств на этапе проверки сообщения о преступлении. Теперь вместо ранее предусмотренных трех следственных действий, дознаватель в соответствии со ст. 144 УПК РФ вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, назначать судебную экспертизу, проводить осмотр места происшествия, документов, трупов, проводить освидетельствование, требовать производство документальных проверок, ревизий.

Еще в ранее действовавшем Уголовно-процессуальном кодексе РСФРС 1960 г в ч. 2 ст. 109 было закреплено такое проверочное действий, как получение объяснений, но с принятием нового УПК РФ его исключили, однако, необходимость в нем продолжала существовать. Это обусловлено тем, что при проверке сообщения о преступлении, в первую очередь, описать картину произошедшего события могут очевидцы, т. е. потенциальные свидетели или лица, которым причинен вред преступлением. Информация, полученная в процессе дачи объяснений, чаще всего характеризуется полнотой и достоверностью. Это следует из того факта, что лицо в момент дачи объяснений менее подвержено влиянию, оно лучше помнит произошедшее событие, а также можно судить об отсутствии искажения каких-либо деталей совершенного преступления.

Федеральный закон 2013 г. № 23-ФЗ вновь включил получение объяснений в состав проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Однако законодатель, так же, как и в ранее действовавшем кодексе не урегулировал вопрос о правовой природе процессуального действия, закрепления порядка его проведения и дальнейшее использование в качестве доказательств полученных объяснений.

Статья 144 УПК РФ в ч. 1.2. установила, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств, если соблюдены требования ст. 75 и 89 УПК РФ, то есть требования о допустимости, относимости доказательств.

Одним из условий признания доказательства допустимым является надлежащий источник, другими словами, возможность получение какого-либо доказательства должна быть прямо закреплена в законе. Отсутствие правовой регламентации процессуального действия может привести к признанию результата такого действия недопустимым. В связи с тем, что объяснения лиц, полученные в ходе доследственной проверки, в данный момент не входят в перечень источников доказательств, закрепленных в ст. 74 УПК РФ, правоприменительная практика неоднозначно решает вопрос об использовании объяснений в качестве доказательств.

Так, судебной коллегией по уголовным делам Тверского областного суда вынесено апелляционное определение по жалобе осужденного В.И. Андреева. Осужденный ходатайствовал об исключении объяснений лиц в качестве доказательств и признании их в дальнейшем недопустимыми. В частности, он указал, что суд не обратил внимания на то, что при получении объяснений должностными лицами не были разъяснены права в соответствии с требованиями п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, и даны эти объяснения в отсутствии защитника. Однако суд оставил приговор без изменений, а жалобу без удовлетворения. Суд указал, что все собранные доказательства по делу были оценены судом в соответствии с требованиями ст. 87, 88 УПК РФ с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а в своей совокупности признаны достаточными для разрешения уголовного дела по существу. Объяснения даны после разъяснения положений ст. 51 Конституции РФ, а по окончании проверочного действия был составлен протокол.

Показаниям допрошенных судом лиц, а также письменным доказательствам в приговоре дана надлежащая оценка, суд привел полное обоснование своих выводов о признании допустимыми доказательств, на основании которых был постановлен обвинительный приговор, указал мотивацию своего критического отношения к показаниям В.И. Андреева. Данная в судебном заседании оценка доказательств, по мнению судебной коллегии, является объективной, основанной на всестороннем анализе материалов уголовного дела. Каких-либо противоречий в доказательствах, которые бы ставили под сомнение доказанность вины осужденного, указывали бы на несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, не имеется[1].

Вторым условием производства дознания в сокращенной форме является признание подозреваемым своей вины, характера и размера, причиненного преступлением вреда, а также не оспаривание правовой оценки деяния, которая приведена в постановлении о возбуждении уголовного дела. Однако в УПК РФ не предусмотрена ситуация изменения квалификации совершенного преступления, так как правовая оценка деяния, закрепленная в постановлении о возбуждении уголовного дела, неокончательная и может быть подвергнута изменениям. Половина дознавателей, сотрудников прокуратуры и судей считают, что изменение в правовой квалификации деяния в рамках сокращенного дознания невозможно и потребуется перейти на обычный порядок дознания. Таким образом, соглашаясь с новой правовой оценкой подозреваемый выражает тем самым свое несогласие с квалификацией, данной в постановлении о возбуждении уголовного дела и поэтому дальнейшее производство дознания в сокращенной форме невозможно.

Законодатель в п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ закрепил в качестве обязательного условия удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме согласие потерпевшего. Вместе с тем, не предусмотрена обязанность дознавателя по уведомлению потерпевшего при поступлении такого заявления. Согласно

[1] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Тверского областного суда по жалобе осужденного В.И. Андреева [Электронный ресурс] / Судебные и правовые акты РФ : офиц. сайт. URL: http://sudact.ru/regular/doc/Rfm9gv5oxarW/ (дата обращения: 12.04.2017).

ч. 5. ст. 226.4 УПК РФ дознаватель в течение 24 часов с момента принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме обязан направить прокурору и потерпевшему уведомление, в котором разъясняются порядок производства, правовые последствия сокращенного дознания, а также право возражать против дознания в сокращенной форме. Из чего следует, что при поступлении ходатайства подозреваемого о производстве сокращенного дознания, потерпевший не имеет возможности выразить свое согласие или несогласие. Реализация данного права имеет место только после принятия решения дознавателем, что не совсем верно, поскольку несвоевременное уведомление затягивает расследование посредством последующей подачи заявления о прекращении производства дознания в сокращенной форме.

Поэтому, если рассматривать согласие потерпевшего в качестве обязательного условия сокращенного дознания, разъяснение права на возражение производства дознания в сокращенной форме должно предшествовать принятию решения путем направления уведомления.

Одной из причин недостижимости цели введения института сокращенного дознания является неоправданное расширение гарантий участников уголовного судопроизводства. Согласно ч. 3. ст. 226.3 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и (или) его представитель праве заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. При этом данному праву корреспондирует обязанность органов предварительного расследования и суда удовлетворить такое заявление. Как показала практика, данная возможность приводит к затягиванию процесса, а последующее собирание и исследование доказательств усложняется.

Как видим, внесенные изменения в уголовно-процессуальный закон, в частности, закрепление новой формы предварительного расследования, являются попыткой законодателя снизить нагрузку с правоприменителей, ускорить процесс, и тем самым уменьшить расходы на расследование и рассмотрение в судах уголовных дел. Однако присутствуют недостатки, которые могут затруднить дальнейшее расследование, затянуть его на большие сроки, чем производство в обычном порядке.

Список использованной литературы

1. Варпаховская Е.М. Деятельность органов дознания в российском уголовном судопроизводстве: методические рекомендации / Е.М. Варпаховская. – Иркутск, 2006.

2. Кальницкий В.В. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования / В.В. Кальницкий, К.В. Муравьев // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 81–85.

Информация об авторе

Митюкова Марина Александровна – заместитель директора, старший преподаватель, кафедра судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, 664082, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: marina_mitukova@mail.ru.

The information about the author

Mitukova, Marina A. – Deputy Director, Senior lecturer, Chair of judicial law, Law Institute, Irkutsk State University, 10, Ulan-Batorskaya Str., 664082, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: marina_mitukova@mail.ru.

УДК 343.15

И.П. Попова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Анализируя российское законодательство, регламентирующее порядок постановления обвинительного приговора без назначения наказания, предусмотренного в ст. 302 УПК РФ, автор приходит к выводу, что отсутствие судебной статистики не позволяет высказаться об эффективности реализации данного института уголовного процесса. Вместе с тем, данный вид обвинительного приговора предусмотрен в законодательстве ряда зарубежных стран, его существование в уголовном судопроизводстве России исторически обусловлено. В статье автор делает акцент на правовой природе и основаниях постановления обвинительного приговора без назначения наказания. При исследовании вопросов привлечения лица к уголовной ответственности в форме постановления обвинительного приговора данного вида, автор обращает внимание на пробелы уголовно-процессуального законодательства. В статье обосновывается вывод о необходимости регламентации оснований и порядка принятия данного судебного решения, которым разрешается уголовное дело по существу, реализуется назначение уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, приговор, обвинительный приговор без назначения наказания, уголовная ответственность, наказание.

I.P. Popova

ACTUAL PROBLEMS OF A GUILTY VERDICT WITHOUT ASSIGNMENT OF PUNISHMENT IN THE RUSSION CRIMINAL PROCEEDINGS

Analyzing the Russian legislation regulating the procedure without a guilty verdict sentencing, as provided in Art. 302 Code of Criminal Procedure, the author concludes that the lack of judicial statistics does not allow

to speak about the effectiveness of the implementation of the criminal procedure of the Institute. However, this type of conviction is provided in the legislation of a number of foreign countries, the existence of the criminal trial of Russia historically conditioned. The author focuses on the legal nature of the decision and the reasons for a conviction without sentencing. In the study of issues to attract a person to criminal liability in the form of a resolution of this type of conviction, the author draws attention to the gaps of criminal procedural law. The article substantiates the conclusion about the need to regulate the grounds and procedure adoption of the court decision, which allowed the criminal case on the merits, it is realized purpose of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, judgment, conviction without sentencing, criminal responsibility, punishment.

За 15 лет действия УПК РФ в теории уголовно-процессуального права и практике его применения было выявлено немало вопросов, требующих для их разрешения новых научных подходов к определению эффективности уголовного правосудия, в целом, и повышению правовой стабильности приговоров по уголовным делам, в частности. Обвинительный приговор без назначения наказания как вид обвинительного приговора предусмотрен в уголовно-процессуальном законе (ч. 5 ст. 302 УПК РФ). К сожалению, судебная статистика не дифференцирует постановление обвинительного приговора без назначения наказания и с освобождением от наказания. Приговоры без назначения наказания учитываются в общем числе судебных решений, повлекших освобождение осужденных от наказания по другим основаниям (кроме учитываемых отдельно данных о лицах, освобожденных от наказания по амнистии, и с применением мер воспитательного воздействия). Непоследовательность официальной статистической отчетности существенно снижает возможность оценивать эффективность указанного института.

Возможность постановления обвинительного приговора без назначения наказания предусмотрена в зарубежных странах. Например, в уголовно-процессуальном законодательстве Японии существует институт освобождения от наказания в судебном разбирательстве. В этом случае постановляется обвинительный приговор, подтверждающий, что образовалось преступление, и освобождающий от наказания за него [2, с. 177–178]. Обвинительный приговор без

назначения наказания может быть постановлен по УПК Азербайджана (ст. 44, 351), УПК Армении (ст. 365), Молдовы (ст. 389), Грузии (ст. 269), Кыргызстана (ст. 314), Республики Беларусь (ст. 393), других стран ближнего зарубежья.

Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве возник в XVIII в., когда Артикул воинский предусматривал в некоторых случаях не назначать наказание. Согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. существовал обвинительный приговор, освобождающий от наказаний (освобождающий от суда). Наибольшее свое развитие данный вид приговора получил в советский период, и прямо был закреплен как вид обвинительного приговора в УПК РСФСР 1960 г.

УПК РФ не закрепляет оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания. В этой связи закономерным является вопрос о правовой природе данного вида обвинительного приговора и основаниях его постановления.

Исходя из принципа неотвратимости уголовной ответственности, как вида юридической ответственности, законодатель предусматривает различные основания правомерного освобождения лиц, совершивших преступления, от предусмотренного уголовным законом наказания, обоснованно полагая, что наказание не всегда является необходимым. Так, главы 12–14 УК РФ закрепляют 10 оснований освобождения от наказания.

Г.Б. Виттенберг в этой связи справедливо подчеркивал, что институт освобождения от уголовного наказания обеспечивает возможность воздействовать на лиц, совершивших преступления небольшой общественной опасности, менее интенсивными и суровыми средствами, чем уголовное наказание, что в свою очередь, создает дополнительные возможности для дальнейшего снижения пределов применения судебной репрессии [1, с. 8].

В обвинительном приговоре без назначения наказания в той же мере реализуется принцип неотвратимости ответственности, что и в обвинительном приговоре с назначением наказания.

Сущность освобождения от уголовной ответственности в науке уголовного права рассматривается как освобождение от отрицательной оценки его поведения государством, т. е. обязанности быть осужденным со стороны государства в форме обвинительного приговора суда, а также от иных последствий, связанных с

признанием лица виновным судом, к примеру, от применения уголовного наказания [4, с. 15].

Обвинительный приговор без назначения наказания не освобождает от уголовной ответственности, так как им устанавливается виновность, и основание для уголовной ответственности – состав преступления (ст. 8 УК РФ). При постановлении данного приговора не наступает уголовная ответственность в виде наказания. Таким образом, виновное лицо привлечено к уголовной ответственности за совершение преступления, чем реализуется назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Установленные в уголовном праве цели наказания и отсутствие необходимости в их достижении посредством назначения наказания при постановлении приговора в ходе уголовного судопроизводства выступает методологическим основанием постановления обвинительного приговора без назначения наказания.

Как представляется, наказание не охватывается правовой природой уголовного преследования, в предмет которого включен лишь вопрос о виновности лица в преступлении. Предметом уголовного судопроизводства не является наказание, являющееся предметом и сферой деятельности уголовного права, которым вопросы наказания и регламентированы. Вопрос применения наказания является предметом уголовного права, и не входит в сферу регулирования уголовного судопроизводства.

Только на основе норм уголовного судопроизводства суд не сможет принять решение любого вида, так как для этого нужно материальные уголовно-правовые основания, которые имеются в уголовном праве. Главным вопросом уголовного судопроизводства, его назначением является лишь рассмотрение вопроса о признании лица виновным или невиновным в совершении преступлении.

Среди причин, вызывающих проблемы при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания можно отметить и не всегда продуманную работу законодателя. В этой связи М.К. Свиридов верно подчеркивает, что «уголовно-процессуальное законодательство должно быть эталоном качества», поскольку «наличие качественного законодательства является непременным условием создания прочного правопорядка», что приобретает особую важность в сфере уголовного судопроизводства, которым затрагиваются самые ценные для граждан права и интересы [6, с. 3].

На первый взгляд действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не содержит оснований для постановления обвинительного приговора без назначения наказания. В связи с чем некоторые авторы предлагают исключить п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ [3, с. 151]. Об исключении такого вида обвинительного приговора высказались 13 % опрошенных в ходе анкетирования судей[1]. Большинство судей полагают необходимым уточнить основания постановления такого вида приговора в УПК РФ.

Ряд авторов, признавая возможность постановления такого вида обвинительного приговора, не указывают, какие правовые основания для этого существуют [8, с. 415–417]. Р.А. Трахов [7, с. 139] указывает, что обвинительный приговор без назначения наказания суд постановляет в тех случаях, когда приходит к выводу, что цели наказания могут быть достигнуты самим фактом осуждения лица и не требуется назначать ему наказание.

Оригинальной представляется позиция Г.И. Загорского, полагающего, что суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания в тех случаях, когда виновность подсудимого доказана, но к моменту вынесенного приговора возникли обстоятельства, являющиеся по закону основаниями для освобождения от уголовной ответственности» [5, с. 874].

В отсутствие надлежащей законодательной регламентации оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания в качестве таковых в научной литературе отмечаются следующие: 1) изменение обстановки, 2) в отношении несовершеннолетнего осужденного с применением принудительных мер воспитательного воздействия; 3) истечение сроков давности уголовного преследования, 4) издание акта амнистии, 5) в связи со смертью обвиняемого (подсудимого), 6) в случае, когда с учетом правил зачета времени нахождения под стражей по данному делу, установленных ст. 72 УК РФ, поглощается назначенное судом наказание и другие.

Каждая форма индивидуализации уголовной ответственности содержит свой объем уголовно-правового принуждения. Наиболее жесткой формой является применение наказания, включающее осуждение обвинительным приговором суда и само назначенное им нака-

[1] Приводятся данные по результатам анкетирования 415 судей шести субъектов Российской Федерации, проведенного автором в 2011–2016 гг.

зание. Далее следует освобождение от наказания, включающее только осуждение обвинительным приговором. Наименее жесткой формой индивидуализации уголовной ответственности является освобождение от уголовной ответственности, которое не включает ни осуждение, ни наказание.

При выборе форм индивидуализации уголовной ответственности следует учитывать, что законодатель, как в уголовном, так и в уголовно-процессуальном праве, ориентирует правоприменителя (в досудебном производстве – лиц осуществляющих уголовное преследование и обладающих полномочиями для принятия таких решений) изначально рассматривать наличие оснований для освобождения от уголовной ответственности, и лишь в случае отсутствия оснований для применения данного института – предлагает выяснить вопрос о наличии оснований для освобождения от наказания. Так, в п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ среди других указаны обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу: те, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности, в первую очередь, и затем – освобождение от наказания

В отсутствие оснований освобождения от уголовной ответственности правоприменитель направляет уголовное дело в суд для рассмотрения по существу, поскольку наказание может быть назначено только судом, равно как и освобождение от наказания – компетенция суда. На суде лежит обязанность в соответствии с гл. 4, ст. 239, 254 УПК РФ прекратить уголовное преследование (уголовное дело) в случае установления оснований для освобождения от уголовной ответственности: например, вследствие истечения срока давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ); смерти лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего. В указанных случаях исключаются основания для назначения наказания и освобождения от наказания, поскольку имеются основания для освобождения от уголовной ответственности.

В связи с чем представляется, что по итогам продолженного производства в связи со смертью лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование, а также в связи с истечением сроков привлечения к уголовной ответственности должно быть прекращено уголовное преследование в форме постановления, независи-

мо от стадии уголовного судопроизводства и субъекта, принимающего данное решение.

Обвинительный приговор без назначения наказания может быть постановлен при наличии одного из следующих оснований: 1) освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ); 2) освобождение от наказания в связи с изданием акта амнистии, применение которой не состоит в зависимости от определенного вида и размера наказания (ст. 84 УК РФ); 3) освобождение от наказания несовершеннолетнего осужденного с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ); 4) освобождение от наказания осужденного на основании примечания к ст. 134 УК РФ.

Внесение новых оснований для постановления данного решения в УК РФ – прерогатива законодателя, но в целом указанные основания характеризуются тем, что к моменту постановления приговора лицо, или содеянное им преступление, 1) утратили общественную опасность и цели наказания достигнуты, в связи с чем нет необходимости в назначении наказания (например, изменение обстановки), или 2) с учетом исследованных обстоятельств суд пришел к убеждению, что цели наказания могут быть достигнуты без назначения уголовного наказания (например, в отношении несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия), или 3) государство приняло решение об амнистии лиц, совершивших преступления, не представляющие высокую общественную опасность для общества.

Список использованной литературы

1. Волосова Н.Ю. Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование : монография / Н.Ю. Волосова, М.В. Волосова ; под общ ред. Н.Ю. Волосовой ; пер. с англ. и с яп. М.В. Волосовой. – М., 2016.

2. Виттенберг Г.Б. Вопросы назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности и наказания : учеб. пособие / Г.Б. Витенберг. – Иркутск, 1976.

3. Звечаровский И. Освобождение от уголовной ответственности / И. Звечаровский, А. Иванов // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 13–18.

4. Свиридов М.К. О качестве уголовно-процессуального законодательства / М.К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович ; под ред. О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. – Томск, 2015. – Ч. 67. – С. 3–7.

5. Жоголева Е.В. Изменение обстановки при производстве по уголовному делу : дис. … канд. юрид. наук. / Е.В. Жоголева. – Екатеринбург, 2006.

6. Уголовный процесс : учебник / под ред. А.П. Гуськовой, Ф.К. Зиннурова. – М., 2013.

7. Трахов Р.А. Обоснованность решений суда первой инстанции в российском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. / Р.А. Трахов. – Краснодар, 2010.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г.И. Загорского. – М., 2017.

Информация об авторе

Попова Ирина Павлова – председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке, старший преподаватель, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: irinabaikal@mail.ru.

Information about the author

Popova, Irina P. – Chairman of the Ust-Ilim City Court of the Irkutsk region(in honorable resignation), Senior Lecturer, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law Institute, Baikal State University, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: irinabaikal@mail.ru.

УДК 343.98

Д.А. Степаненко, Е.А. Липунова

О ПРАКТИКЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОБ ОКАЗАНИИ УСЛУГ ПО ПЕРЕВОЗКЕ ПАССАЖИРОВ ВОЗДУШНЫМ ТРАНСПОРТОМ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье отмечается возросшее количество авиационных происшествий с гражданскими воздушными судами за последние 10 лет, нередко обусловленных нарушением правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ст. 263 УК РФ), что позволяет сделать вывод о необходимости принятия следственными органами мер, направленных на предупреждение таких происшествий. Анализируется опыт Восточно-Сибирского следственного управления на транспорте Следственного комитета РФ по выявлению и расследованию преступлений, связанных с оказанием услуг по перевозке пассажиров воздушным транспортом, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), как предупредительной меры по отношению к авиационным происшествиям.

Ключевые слова: криминалистическая профилактика, расследование преступлений, безопасность полетов, авиационные происшествия, воздушный транспорт.

D.A. Stepanenko, E.A. Lipunova

ON THE PRACTICE OF IDENTIFYING AND INVESTIGATING CRIMES ON THE PROVISION OF PASSENGER TRANSPORTATION SERVICES BY AIR THAT DO NOT MEET THE SAFETY REQUIREMENTS

The article notes an increased number of accidents with civil aircraft over the past 10 years, often caused by violation of safety rules for the movement and operation of air transport (Art. 263 of the Criminal Code of the Russian Federation), which allows us to conclude that measures should

be taken by the investigating authorities to prevent such incidents . The experience of the East Siberian Investigation Department on transport of the Investigative Committee of the Russian Federation on the detection and investigation of crimes related to the provision of services for the transport of passengers by air that do not meet security requirements (Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation) is analyzed as a precautionary measure in relation to aviation accidents.

Keywords: criminalistical prevention, crime investigation, aircraft flight safety, aviation accident, air transport.

Среди ученых-криминалистов уже достаточно давно сформировалось твердое мнение, что профилактика (превенция, предупреждение, предотвращение) преступлений является неотъемлемым элементом предмета науки криминалистики. Об этом свидетельствует определение Р.С. Белкина криминалистики как науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений [1, с. 112].

Как представляется, необходимость разработки в криминалистике эффективных способов предупреждения преступлений следует из содержания правовых предписаний уголовно-процессуального закона (ст. 6, 140–149, 150–161 и др. УПК РФ), которые обязывают правоохранительные органы защищать права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в пределах своей компетенции немедленно проверять поступившие сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении, принимать решения о возбуждении уголовных дел, осуществлять предварительное расследование и т. п. При этом законодатель специально включил в предмет доказывания по каждому уголовному делу выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ст. 73 УПК РФ), и снабдил органы предварительного расследования правовым инструментом их устранения (ст. 158 УПК РФ) [2, с. 47].

В настоящее время вопросы профилактики преступлений с помощью методов и средств криминалистики рассматриваются в рамках учения о криминалистической профилактике (или превенции, предупреждении) преступлений. Так, по мнению М.Ш. Махтаева,

криминалистическое предупреждение преступлений является учением «о закономерностях возникновения, обнаружения, собирания (фиксации), исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению и сокрытию преступлений, и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах, приемах и методах криминалистики, направленных на устранение (локализацию) указанных обстоятельств, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений» [3, с. 96; 4, с. 93]. Более широкое определение дает И.И. Иванов. По мнению автора, «криминалистическая превенция (профилактика) преступлений как одна из самостоятельных частных теорий представляет собой систему научных положений и практических рекомендаций о закономерностях разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств, тактических и методических приемов для предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременного обнаружения, быстрого, полного раскрытия и качественного расследования совершенных преступлений, пресечения конкретной преступной деятельности и ликвидации ее опасных последствий, выявления и устранения в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодоления любых форм противодействия расследованию» [5, с. 11]. Систематизация, обобщение, анализ информации о сложностях, возникающих в ходе раскрытия и расследования того или иного вида преступлений, даёт возможность не ограничиваясь оконтуриванием проблемных зон, делать выводы и выходить на уровень практических рекомендаций о необходимости совершенствования законодательной базы, разработки комплекса мер по повышению эффективности, результативности расследования, организации взаимодействия различных правоохранительных и иных органов в борьбе с преступностью.

С учетом роста объемов перевозок, обновления парка воздушных судов и смены поколения авиационных специалистов вопросы безопасности полетов и предотвращения преступных нарушений на воздушном транспорте в настоящее время являются особенно актуальными.

За последние 7 лет возросло число авиационных происшествий, по фактам которых следственными органами Следственного комитета РФ возбуждены уголовные дела о нарушениях правил безопасно-

сти движения и эксплуатации воздушного транспорта по ст. 263 УК РФ. Так, только Восточно-Сибирским следственным управлением на транспорте за прошедшие два года расследовалось 8 уголовных дел по указанной категории преступлений, в результате которых авиакомпаниям и другим юридическим лицам причинен ущерб на сумму свыше 172 млн р., пострадало 50 чел., из них 14 чел. погибло.

В целом по России за 2016 г. в гражданской авиации произошло 52 авиационных происшествия, в том числе 23 катастрофы, в которых погибли 59 чел. Динамика показателей аварийности в гражданской авиации неутешительная. Согласно отчету Межгосударственного авиационного комитета[1] количество происшествий и авиационных катастроф за 10 лет выросло почти в два раза (с 23 и 13 в 2007 г. до вышеуказанных 52 и 23 в 2016 г.).

Приведенные цифры и анализ причин авиационных происшествий позволяют сделать вывод о необходимости принятия мер, направленных на предупреждение происшествий на транспорте с тяжкими последствиями, ужесточения уголовной и административной ответственности и внесения ряда изменений в законодательство, а со стороны правоохранительных органов – на выявление и расследование преступлений, связанных с оказанием услуг по перевозке пассажиров, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ).

Так, с 2015 г. деятельность Восточно-Сибирского следственного управления на транспорте СК РФ по выявлению преступлений в сфере обеспечения безопасности эксплуатации воздушного транспорта вышла за рамки традиционного процессуального реагирования на уже свершившиеся факты авиационных происшествий.

Акцент сделан на пресечение деятельности по оказанию населению услуг по перевозке воздушным транспортом, не отвечающих требованиям безопасности. И проведенную в данном направлении работу можно признать достаточно успешной. В соответствии с задачами, поставленными руководством Следственного комитета Российской Федерации на заседании коллегии по итогам работы за 2015 г., выявление и пресечение небезопасной деятельности – первостепенная задача специализированных следственных органов.

---

[1] Отчеты о состоянии безопасности полетов [Электронный ресурс] / Межгосударственный авиационный комитет : офиц. сайт. URL: http://mak-iac.org/rassledovaniya/bezopasnost-poletov/ (дата обращения 15.08.2017).

Приказом Восточно-Сибирского следственного управления № 56 «Об организации работы по принятию мер, направленных на обеспечение безопасности на транспорте» данное направление деятельности признано приоритетным, разработан комплексный план мероприятий, предусматривающий ряд организационных и управленческих мер, определены механизмы взаимодействия следствия с органами власти, МВД, МЧС, ФСБ, контролирующими и надзорными ведомствами. Сформированы электронные базы данных о происшествиях по всем видам транспорта и на всей территории юрисдикции управления.

Следственным управлением были заключены соглашения об информационном взаимодействии с представителями Ространснадзора по Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам, МЧС России по субъектам Российской Федерации. Активизировалось взаимодействие в сфере оперативного реагирования на события, связанные с обеспечением транспортной безопасности, с руководителями линейных управлений МВД России на транспорте в соответствии с территориями обслуживания. Отделом криминалистики обеспечен ежедневный контроль за оперативной обстановкой на территории юрисдикции следственного управления путем обмена информацией ответственного дежурного по следственному управлению с дежурными службами МВД России на транспорте, МЧС России, Ространснадзора, а также путем мониторинга СМИ и информационных ресурсов сети Интернет. Все эти меры способствовали обеспечению своевременного реагирования на события, которые оказывают или могут оказать влияние на безопасность на транспорте.

Как известно, выявление и расследование указанных преступлений на первоначальном этапе представляет сложность, в первую очередь ввиду отсутствия следственной и судебной практики, большого объема нормативных и ведомственных документов и, конечно, их собственной специфики. Практика выявления преступлений, связанных с оказанием услуг по перевозке пассажиров воздушным транспортом, не отвечающих требованиям безопасности, показывает, что, как правило, отсутствует какая-либо определенная «схема» совершения преступлений данного вида.

В поле зрения следствия в течении двух лет оказались как крупные авиакомпании, имеющие право на осуществление коммерческих

перевозок и выполняющие регулярные рейсы, так и эксплуатанты легких воздушных судов, а также другие субъекты оказания услуг.

Например, при анализе административной практики контролирующих органов и мониторинга СМИ выявлена национальная туристическая компания «Якутия», руководство которой организовало платные полеты на тепловом аэростате в нарушение правил эксплуатации. В ходе расследования установлено, что жизнь и здоровья пассажиров были поставлены под угрозу в силу того, что воздушное судно – тепловой аэростат АТ-104 к полетам подготовлено не было, лицензия на осуществление коммерческой деятельности в области гражданской авиации и действующий сертификат летной годности отсутствовали. Услуги развлекательного характера оказывались при запрещенных условиях - низкой температуре, в темное время суток и в непосредственной близости от линии электропередач. Генеральному директору компании предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, дело направлено в суд.

При изучении отделом криминалистики сводок УГАН, выявлено событие с самолетом ТВС-2 Амурской авиабазы. При этом в сводке было указано, что после взлета на месте стоянки самолета обнаружены фрагменты лопастей двигателя. Дальнейшая процессуальная проверка показала, что по вине авиатехника, не убравшего заглушку и КВС не выполнившего необходимые осмотры, перелет воздушного судна с пассажирами проходил на неисправном двигателе, разрушающемся во время полета. Проведенным расследованием установлено, что жизнь и здоровье пассажиров воздушного судна действиями авиационного техника были поставлены под угрозу.

Решения о возбуждении уголовных дел по ст. 238 УК РФ принимались вследствие детального анализа причин авиационного происшествия с учетом наличия их системности.

Так, возбуждению дела по факту события с самолетом Л-410 авиакомпании «Полярные авиалинии», предшествовало тщательное изучение и сопоставление отчетов Росавиации по инцидентам с самолетами определенного типа. Установлено, что на одном и том же воздушном судне двигатели отказывали дважды в течение месяца, а время предполетного осмотра не соответствовало техническому регламенту.

Системные недостатки в части предполетного осмотра и соблюдения эксплуатационных ограничений были установлены и в ходе расследования крушения вертолета Ми-8 авиакомпании «АЛРОСА», произошедшего из-за действий нетрезвого командира воздушного судна. Из находившихся на борту воздушного судна 12 пассажиров трое получили телесные повреждения различной степени тяжести. Экипаж и остальные 8 пассажиров не пострадали. Повреждением корпуса и винта воздушного судна авиакомпании и собственнику причинен ущерб в размере свыше 26 млн р.

С целью установления всех обстоятельств и причин данного авиационного происшествия по делу допрошены десятки свидетелей, изъято и исследовано более 300 документов, касающихся деятельности авиакомпании и её сотрудников, проверена организация системы управления безопасностью полетов и медицинского контроля в авиакомпании, проведено 6 различных экспертиз, включая летно-техническую и экспертизу системы безопасности полетов. Потерпевшими по уголовному делу признаны 12 чел. и 2 юридических лица. В результате, собраны доказательства допущенных командиром воздушного судна и экипажем нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта. Сев за штурвал вертолета, командир воздушного судна не прошел предполетного медицинского осмотра и не был допущен к выполнению полетного задания в связи с подозрением на нахождение в состоянии алкогольного опьянения. Помимо этого, он не проверил надежность крепления груза к швартовочным узлам, нарушил эксплуатационные ограничения, связанные с превышением взлетной массы вертолета. Кроме этого, им были нарушены правила захода на посадку, что стало одной из основных причин авиационного происшествия и причинения вреда здоровью пассажиров. В свою очередь, второй пилот и бортмеханик не обеспечили безопасное размещение багажа и ручной клади в салоне вертолета, не проконтролировали соблюдение на борту правил безопасности и надежность крепления груза к швартовочным узлам, а также нарушили эксплуатационные ограничения, связанные с превышением взлетной массы вертолета. С учетом полученных следствием доказательств командир воздушного судна, второй пилот и бортинженер привлечены к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 263 УК РФ и уволены из авиакомпании.

Поскольку авиационному событию предшествовал ряд нарушений, следствием тщательной проверке была подвергнута система управления безопасности полетов авиакомпании. Проведенная экспертиза подтвердила вывод о неудовлетворительной работе отдельных ее элементов. Доказано, что один из руководителей летного подразделения авиакомпании – командир авиационного звена, являясь представителем перевозчика, ответственным за обеспечение авиационной безопасности, пренебрег положениями, регулирующими безопасность перевозок пассажиров авиационным транспортом, не принял мер к отстранению командира вертолета, не допущенного к выполнению полетного задания, от управления воздушным судном, и не направил его на медицинское освидетельствование, допустив выполнение полета воздушного судна с пассажирами под его управлением. Тем самым жизнь и здоровье перевозимых на борту пассажиров были поставлены под угрозу.

По результатам расследования уголовного дела командиру авиационного звена предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ и ч. 1 ст. 263 УК РФ.

Тесное взаимодействие следствия с органами, осуществляющими оперативно розыскную деятельность, повлекло выявление фактов незаконных пассажирских перевозок авиатранспортом и пресечение деятельности нелегальных авиаперевозчиков.

Так, 27 октября 2015 г. в ходе совместных мероприятий, проведенных сотрудниками следственного управления, регионального управления ФСБ России и транспортной полиции, выявлен факт перевозки индивидуальным предпринимателем за плату 15 пассажиров, в том числе 4 детей, на арендованном воздушном судне ТВС-2МС-24 по маршруту село Казачье Усть-Янского района – Табалахский наслег Верхоянского района – село Хомустах Намского района Республики Саха (Якутия).

Выполнение обвиняемым коммерческой перевозки пассажиров представляло реальную опасность для жизни и здоровья пассажиров, поскольку осуществлялось в нарушение требований авиационной безопасности полетов, без разрешающих коммерческую перевозку пассажиров документов, на воздушном судне ТВС-2МС-24 не предназначенном для коммерческой перевозки пассажиров, с нарушениями норм пассажировместимости, без оборудования посадочных мест пассажиров ремнями безопасности, с непригодным к эксплуатации

колесом шасси самолета в виду износа протектора, без уведомления органов обслуживания воздушного движения о планируемом полете и использовании воздушного пространства Российской Федерации, что создавало условия для возникновения нештатных ситуаций во время пилотирования воздушного судна, развитие которых могло привести к авиационному происшествию с воздушным судном, гибели и причинению телесных повреждений пассажирам, членам экипажа и иным лицам.

В 2016 г. следственными органами Восточно-Сибирского следственного управления на транспорте завершено расследование уголовного дела в отношении директора общества с ограниченной ответственностью Авиакомпания «Алаас-Авиа», обвиняемого в совершении 7 эпизодов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, который с мая по июнь 2015 г. в нарушение требований Воздушного кодекса Российской Федерации, законов «О защите прав потребителей», «О лицензировании отдельных видов деятельности», а также Федеральных авиационных правил организовал незаконную перевозку пассажиров в населенных пунктах Намского и Кобяйского района Республики Саха (Якутия) на имевшихся в распоряжении авиакомпании самолетах типа Ан-2 и ТВС-2МС.

Следствие установило, что у общества с ограниченной ответственностью Авиакомпания «Алаас-Авиа», осуществлявшего незаконные коммерческие авиаперевозки пассажиров отсутствовала соответствующая лицензия. Техническое состояние самолетов не проверялось на соответствие установленным требованиям. Члены экипажей не проходили предварительной подготовки к полётам, включая тренажерную. Один из пилотов не имел действующего летного свидетельства пилота коммерческой авиации и медицинского заключения о годности к лётной работе. Используемое в воздушных судах топливо не отвечало предъявляемым требованиям и содержало примеси воды. Тем самым жизнь и здоровье пассажиров при оказании им услуг авиационных перевозок были поставлены под угрозу.

Маршруты нелегальных полетов были выбраны с учетом удаленности поселков от республиканского центра и отсутствия иного транспортного сообщения между ними. Информация о планируемых рейсах размещалась с использованием сотовой связи и интернет-ресурсов.

Всего, таким образом, авиакомпания выполнила 6 незаконных пассажирских авиарейсов, в ходе которых было перевезено 73 пассажира, в том числе 49 детей, за плату в размере 7 тыс. р. с одного взрослого пассажир и 3,5 тыс. р. с ребенка. Седьмой незаконный рейс на самолете Ан-2 с 19 пассажирами на борту был пресечен сотрудниками регионального управления ФСБ России.

В ходе предварительного следствия с привлечением специалистов территориального управления Росавиации проведены осмотры взлетно-посадочных площадок и самолетов. В рамках обысковых мероприятий в авиакомпании изъята документация, назначены и проведены летно-техническая судебная экспертиза, химическая экспертиза, выявившая примеси воды в используемом топливе, судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Допрошены более 80 свидетелей, в том числе пассажиры рейсов и специалисты в области авиации, проверены сведения о квалификации пилотов и технических работников. Вина директора ООО «Алаас-Авиа» была доказана, дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Выявление и расследование указанного вида преступлений представляет особую сложность ввиду отсутствия в настоящее время научно-методических рекомендаций, практических пособий.

Каждое уголовное дело пока уникально, требует не только специальных познаний, но и творческого подхода следователей и криминалистов. Квалифицированному закреплению доказательств способствовали сложные экспертные исследования, проведен ряд нетрадиционных экспертиз, таких как комплексная летно-техническая экспертиза системы управления безопасностью полетов, экспертиза реконструкции транспортного события.

Как показывает практика, следователи нередко прибегают к мерам профилактического характера, что позволяет предотвратить совершение преступлений на транспорте.

Достаточно активно следователи использовали полномочия, предусмотренные ст. 158 УПК РФ.

Так, по представлению следствия органами Росавиации действие сертификата эксплуатанта, выданного ранее авиакомпании «Алаас-Авиа», приостановлено. Внесенное представление о неудовлетворительной работе отдельных элементов системы управления безопасностью полетов авиакомпании «Алроса», в частности, недостатки организации деятельности медицинских работников при осви-

детельствовании экипажей, организационных документов, регламентирующих порядок проведения медосмотров и системы оповещения об авиационных событиях, повлекло модернизацию системы управления безопасностью полетами: пересмотрены гражданско-правовые отношения по оказанию услуг по освидетельствованию экипажей, доработаны инструкция по проведению предполетных осмотров экипажей и инструкция по порядку действий, обязанностям и ответственности должностных лиц авиакомпании. Данные документы приведены в соответствие с действующими нормами и правилами в области авиации.

По результатам рассмотрения представления по факту авиационного события с самолетом ТВС-2 Амурской авиабазы руководством данного авиапредприятия переработано и приведено в соответствие с установленными требованиями Руководство по летной эксплуатации.

По всем делам эксплуатантами проведены мероприятия, направленные на исключение нарушений безопасности полетов.

Помимо этого, налажено непрерывное взаимодействие с министерством транспорта Иркутской области. На постоянной основе сотрудники управления принимают участие в заседаниях Совета управления по безопасности полетов.

В целях повышения эффективности и качества работы, а также подготовки и принятия мер по профилактике и предотвращению происшествий на воздушном транспорте в следственном управлении создана рабочая группа. К ее компетенции относится сбор и анализ информации, определение тенденций в динамике и структуре правонарушений, в том числе экономической и коррупционной направленности; изучение поступивших материалов (информаций) о правонарушениях и преступлениях; обсуждение имеющихся в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, материалов и выработка рекомендаций по их реализации; подготовка предложений по проведению доследственных проверок, расследованию уголовных дел и принятию мер профилактической направленности.

Вопросы организации работы по расследованию уголовных дел и рассмотрению сообщений о преступлениях в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта неоднократно становились предметом обсуждения на заседания коллегии следственного управления, межведомственных совещаниях. В их решениях определены

основные направления работы следствия во взаимодействии с контрольно-надзорными ведомствами и органами, осуществляющими оперативно розыскную деятельность по принятию эффективных и действенных мер, направленных на предотвращение авиационных происшествий.

Список использованной литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. – М., 1997. – Т. 1 : Общая теория криминалистики.

2. Иванов И.И. Криминалистическая профилактика преступлений: методологические основы и отличие от иных подсистем предупреждения преступной деятельности / И. И. Иванов // Вестник криминалистики. – 2014. – № 4 (52). – С. 44–57.

3. Махтаев М.Ш. Основы теории криминалистического предупреждения преступлений : монография / М.Ш. Махтаев ; науч. ред. А.С. Подшибякин. – М., 2001.

4. Махтаев М.Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений : дис. … д-ра юрид. наук / М.Ш. Махтаев. – М., 2001.

5. Иванов И.И. Криминалистическая превенция (комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.И. Иванов. – Санкт-Петербург, 2004.

Информация об авторах

Степаненко Диана Аркадьевна – доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовно-процессуального права и криминалистики, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23 а, e-mail: diana-stepanenko@mail.ru.

Липунова Елена Александровна – руководитель Восточно-Сибирского следственного управления на транспорте, Следственный комитет Российской Федерации, генерал-майор юстиции, аспирант, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: 2435323el@mail.ru.

Information about authors

Stepanenko, Diana A. – Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Procedural Law and Criminalistics, East-Siberian branch, Russian State University of Justice, 23a Ivan Franko Str., 664074, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: diana-stepanenko@mail.ru.

Lipunova, Elena A. – Head of the East Siberian Investigation Department on Transport, Investigative Committee of the Russian Federation, Major General of Justice, Postgraduate Student, Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: 2435323el@mail.ru.

УДК 343.98

О.А. Петрухина, Н.Г. Шурухнов

ДАННЫЕ О СВОЙСТВАХ ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, МОТИВАХ, КОРРЕЛЯЦИЯХ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена анализу свойств личности субъектов, совершающих экологические преступления, который дается с учетом криминалистической классификации противоправных посягательств на окружающую природную среду и базируется на обширном изучении практики расследования рассматриваемых преступлений. В статье подробно рассмотрены мотивы совершения экологических преступлений и их корреляционные связи.

Ключевые слова: экологические преступления, личность преступника, природоохранные правила.

O.A. Petrukhina, N.G. Shurukhnov

DATA ON THE PROPERTIES OF THE PERSONALITY OF SUBJECTS OF OPPOSITE ACTIVITY, MOTIVES, CORRELATIONS FOR THE SETTING OF THE CIRCUMSTANCES OF PERFORMING ECOLOGICAL CRIMES

The article is devoted to the analysis of the personality properties of the subjects who commit environmental crimes, which is given in view of the criminalistic classification of unlawful encroachments on the environment and is based on extensive study of the practice of investigating the crimes in question. In the article, the motives for the commission of environmental crimes and their correlation links are examined in detail.

Keywords: environmental crimes, criminal identity, environmental regulations.

Данные о свойствах личности преступника [1], их корреляции имеют важнейшее значение для выбора направления расследования. Они закладывают основы выдвижения и проверки версий, поиска следов и средств совершения экологических преступлений, выбора

тактических приемов при производстве следственных действий, установления характера противоправной деятельности, роли каждого из соучастников.

Через посредство корреляционных связей предоставляется возможность сориентироваться в механизме преступления, предмете преступного посягательства, поведении подозреваемых (обвиняемых) на следствии, материальном ущербе, роли коррупционных составляющих. Данные о профессиональных навыках, увлечениях, хобби конкретного человека корреляционно выводят на возможность использования им определенного способа совершения экологического преступления. Позволяют предполагать, что преступник владеет приемами использования определенных орудий, средств совершения преступления, способен, выбрав обстановку и предмет противоправного деяния, осуществить комплекс действий за незначительный промежуток времени.

Располагая сведениями о свойствах личности преступника, их корреляциях, дознаватель, следователь могут выдвинуть целенаправленные версии о роли в противоправной деятельности конкретных лиц, о характере приемов сокрытия преступления, взаимоотношениях с соучастниками, интенсивности противодействия расследованию.

Как показывает обобщение следственной практики[1], преступления экологической направленности совершают две основные категории граждан: 1) не имеющие отношения к обеспечению природоохранных норм, производственно-хозяйственной, лесоохранной, природопользовательской, сельскохозяйственной деятельности (общий субъект) и 2) обязанные соблюдать природоохранные правила в силу занимаемой должности или выполняемой работы (специальный субъект).

По ряду различных причин самой многочисленной (98 %)[2] и разнообразной является первая категория субъектов экологических преступлений. Рядовыми гражданами совершаются противоправные деяния, связанные с нарушением правил охраны окружающей среды и с незаконной добычей, уничтожением, повреждением ее объектов.

---

[1] Было изучено 360 уголовных дел, предварительное расследование которых осуществлялось в период с 2010 по 2015 г. в Центральном, Приволжском, Дальневосточном и Южном федеральных округах РФ.

[2] Статистические данные получены с официального сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Они сознательно идут на нарушение природоохранных правил, осуществляют противоправную деятельность вследствие небрежного, легкомысленного, корыстного отношения к природе. Нередко такая их противоправная деятельность является источником доходов, поддержания своего материального положения, а в отдельных случаях средством для существования (18 % браконьеров и «черных» лесорубов не имели постоянной работы).

Субъекты данной группы обладают навыками стрельбы из охотничьего оружия, управления различными транспортными средствами (в том числе для перемещения по воде, воздуху, пересеченной местности). Они умеют производить выборку, валку, распиловку древесины, эксплуатировать различные технические средства и приспособления (бензопилы, средства освещения, перемещения и подъема тяжелых грузов и негабаритных предметов). Лица, составляющие рассматриваемую группу, как правило, умеют профессионально пользоваться рыболовными снастями, капканами, осуществлять разделку туш животных, птицы, рыб, их специальную переработку, упаковку и хранение.

Анализируемую группу составляют мужчины в возрасте до 40 лет (наиболее активный возраст лиц, занимающихся незаконной рубкой лесных насаждений, составляет 30–49 лет). Это объясняется тем, что для совершения таких преступлений требуются физическая сила, сноровка, хорошее здоровье, выносливость для нахождения значительный период времени в экстремальных условиях, при различных погодных условиях.

Среди рассматриваемых граждан значительное количество привлеченных к административной и уголовной ответственности: в 2013 г. – 25,9 %, в 2014 г. – 30,5 %, в 2015 г. – 22 %.

25,9 % лиц, занимающихся незаконной добычей, уничтожением, повреждением объектов окружающей среды, имели высшее образование, 42,2 % – среднее полное, 21,7 % – среднее специальное, 10,2 % – неполное среднее. Для них не характерно (0,6 %) совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, они не состояли на учете в наркологических и психоневрологических диспансерах.

Замечено, что немаловажную роль в формировании мотива совершения экологического преступления играет социальная обусловленность преступного поведения. С одной стороны, она определяется спадом промышленного и сельскохозяйственного производства, ве-

дущего к безработице. С другой – масштабностью территории, наличием благоприятных условий для обитания диких животных, различных особей рыбы и, как следствие, легкодоступностью природных богатств нашей страны. С третьей – расширением рынка сбыта, постоянным спросом, ростом цен на животную, рыбную продукцию браконьерства, деловую древесину. Все это, в определенной мере, обусловливает совершение соответствующих преступлений.

Среди рассматриваемых субъектов есть и маргиналы, которые осуществляют противоправные действия из хулиганских побуждений, в отдельных случаях с проявлением вандализма. Речь идет об уничтожении лесных массивов путем поджога (лесные пожары нередко возникают из-за необдуманного разведения костров в пожароопасных местах лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, либо в результате сознательного пренебрежения правилами пожарной безопасности в лесных массивах), загрязнения водоемов и воздуха, о бессмысленном отстреле охраняемых животных. Следует отметить, что в структуре экологических преступлений ежегодно 12 % приходится на уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ).

По причинению материального ущерба экологические преступления, совершаемые маргиналами, не уступают осуществленным из корыстных побуждений. Корысть, т. е. желание извлечь материальную выгоду, проявляется в организации преступной деятельности в виде промысла. Как показало наше исследование, корыстный мотив имеет место в 83 % случаев. Данный мотив в большей мере присущ лицам, совершающим преступления, связанные с незаконной добычей, уничтожением, повреждением объектов окружающей среды (ст. 256, 258, 260 УК РФ).

Характерными свойствами личности данной категории субъектов преступлений являются агрессивность, жестокость, неуравновешенность, эгоцентризм. Личные желания рассматриваются ими как подлежащие безусловному удовлетворению [2, с. 485]. Анализируя корреляции: свойства личности – поведение во время следствия, можно сделать вывод, что маргиналы противодействуют расследованию, как правило, на предварительном и первоначальном этапах. Это проявляется в отказе от дачи показаний, даче ложных сведений, перекладывании вины на неопределенных лиц, которые не фигурируют в обстоятельствах совершенного преступления. Для данной категории

субъектов не характерно покровительство влиятельных лиц, использование коррупционной составляющей. На последующем этапе расследования их поведение можно охарактеризовать как сосредоточенность на своем индивидуальном без интереса к судьбе соучастников, если таковые имелись.

Обобщения практики показывают, что 16,4 % экологических преступлений носят групповой характер: из них 1,9 % были совершены группой лиц, 13,4 % – группой лиц по предварительному сговору, 1,1 % – организованными группами, которые делают это в виде промысла, извлекая крупный доход. При этом группой лиц, как правило, совершаются незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) и незаконная охота (ст. 258 УК РФ).

На вооружении преступных групп имеются разнообразная современная техника, различный транспорт (автомобили, тракторы, квадроциклы, снегоходы, плавающие средства, дельтапланы), системы связи (рации, спутниковые навигаторы).

Следует сказать, что доля женщин в таких преступных группах незначительна. Иногда они принимают участие в совершении преступлений, связанных с незаконной добычей, уничтожением, повреждением объектов окружающей среды. 6 % женщин были привлечены за участие в незаконных рубках лесных насаждений, а 0,8 % – за совершение браконьерских действий.

Преступные нарушения правил добычи водных биоресурсов в 3,7 % случаев совершаются лицами, не достигшими совершеннолетия, в 17,6 % случаев – лицами в возрасте 18–30 лет, в 54,5 % случаев – 30–40 лет, в 13,9 % случаев – 41–50 лет, в 10,3 % случаев – более 50 лет.

Категорию лиц, совершающих экологические преступления вопреки возложенным на них служебным природоохранным обязанностям, можно условно поделить на три подгруппы:

1. Должностные лица предприятий, организаций, служб, обязанные соблюдать либо контролировать выполнение общих и специальных природоохранительных правил.

Эту группу составляют служащие аппарата управления разных уровней в министерствах, службах, агентствах. Сотрудники предприятий, учреждений, непосредственно осуществляющие природопользование или деятельность, касающуюся воздействия на окружающую среду, к примеру, занимающиеся вывозом природных ресурсов, орга-

низующие утилизацию, хранение, вывоз радиоактивных и высокотоксичных веществ; лица, наделенные контрольно-надзорными функциями за выбросами загрязняющих веществ в атмосферу либо за эксплуатацией стационарных и передвижных установок.

2. Руководители и работники предприятий, занимающиеся предпринимательской деятельностью на объектах энергетики, транспорта, производства (переработки), сельскохозяйственных и добывающих отраслей; специализирующиеся на вывозе ценных природных ресурсов за границу, на ввозе токсичных отходов в пределах территории России.

К признакам, характеризующим эту группу лиц, относятся: наличие четкой цели, связи полномочий, компетенции лица с его действиями, эпизодичность, длительность нарушений правил экологической безопасности. Как правило, этими лицами совершаются преступные деяния, остающиеся латентными в течение длительного времени, связанные с прямым неисполнением, игнорированием природоохранных правил, либо с совершением ошибок в проектировании, строительстве, разработке какого-либо объекта, приведшие к уголовно-наказуемым последствиям.

Основными признаками организованной преступности с участием обозначенных лиц в сфере природопользования являются: умышленный характер, планирование преступной деятельности, устойчивый характер преступных групп, отлаженная система криминальных и коррумпированных связей, распределение ролей, связанное с использованием определенных знаний или навыков, иерархичность, дисциплинированность и конспиративность, целенаправленная разработка мер защиты от разоблачения и противодействия правоохранительным органам.

3. Рядовые работники предприятий, организаций и учреждений, выполняющие технические, технологические и другие обязанности. Рядовые работники совершают экологические преступления как в силу собственных личностных свойств (не соблюдая установленные правила безопасности при обращении с микробиологическими токсинами), так и по указанию руководства (например, отключить на время очистные сооружения).

Как показал анализ уголовных дел, возбужденных по статьям гл. 26 УК РФ, именно эта подгруппа лиц чаще всего привлекается к уголовной ответственности, так как они не задумываются об опасно-

сти совершаемых ими преступлений. Более того, у них присутствует убежденность, что своей деятельностью они выражают интересы всех людей, поэтому отсутствует страх общественного осуждения, есть уверенность, что руководители смогут объяснить их поведение как правомерное (производственную необходимость). Работники, отвечающие за эксплуатацию очистных, водозаборных сооружений, перекачивающих механизмов, транспортировку и утилизацию экологически опасных отходов, являются лишь рядовыми исполнителями.

Обобщение практики показывает, что лица, в служебные обязанности которых входит выполнение природоохранных правил, совершают деяния, обусловленные:

1) неисполнением технологических правил, пренебрежением природоохранительными средствами предприятия;

2) игнорированием природоохранных правил в конкретной ситуации;

3) ошибками в проектировании, монтаже (строительстве) объекта, использованием непригодных средств, приведшим к негативным последствиям.

Следует отметить, что лицами, выполняющими служебные, природоохранные функции, могут быть совершены экологические преступления, входящие в любую из трех выделенных нами классификационных групп. Но чаще всего это преступления первой и второй групп.

Что касается половозрастных признаков, то следует отметить, что большинство (97 %) экологических преступлений совершаются мужчинами. Однако данный показатель меняет свое значение в зависимости от конкретного вида экологического преступления. Так, преступления, связанные с загрязнением, отравлением объектов окружающей среды, в 100 % случаев совершаются мужчинами.

Преступления, связанные с загрязнением, отравлением объектов окружающей среды (вторая классификационная группа), в 17 % случаев совершаются лицами в возрасте 30–40 лет, в 78 % – 40–50 лет, в 5 % – 50–60 лет. 54 % субъектов преступлений состояло в зарегистрированном браке, 24 % – в гражданском браке, 22 % были холосты. 66 % имели высшее образование, 34 % – среднее.

Свойства личности имеют корреляционные связи с мотивом преступления. Они четко указывают на выбор предмета, соучастников, способа преступного посягательства на окружающую среду.

Как уже отмечалось, наиболее распространенными мотивами умышленных экологических преступлений являются корыстные и хулиганские. Некоторыми авторами в качестве мотива совершения экологических преступлений называется беспечность. Вряд ли это обоснованно. Мотив – это осознанное внутреннее побуждение, которым лицо руководствуется при совершении преступления. Беспечность представляет собой легкомысленное, небрежное, безразличное отношение к содеянному, причиняемому окружающей среде ущербу. Она состоит также и в отсутствии потребности совершения поступков, соответствующих установленным природоохранительным нормам. Другими словами, беспечность не может являться побуждающим началом. Тогда как, нежелание руководителей предприятий обременять себя заботами о вкладывании средств для обеспечения экологической безопасности своего производства и проведение ремонтных, профилактических работ, экологический нигилизм, отсутствие профессионализма в целях оценки сложившейся на производстве критической обстановки по обеспечению соблюдения природоохранных норм являются достаточно распространенными мотивами. Однако отдельные экологические преступления также могут совершаться с корыстным мотивом, который проявляется в экономии средств на приобретение и модернизацию производственного оборудования, установление и совершенствование специальных средств и механизмов природоохранного характера.

Особенностью свойств личности субъектов, совершающих экологические преступления, являются отсутствие элементарного «экологического воспитания», присутствие потребительского отношения, недооценка общественной опасности экологических преступлений, степени вреда, причиняемого окружающей среде.

Данные, составляющие типичный портрет преступника и представленные в криминалистической характеристике [3, с. 33] рассматриваемых преступлений, являются информационной базой для выдвижения следственных версий, определения тактических приемов производства следственных действий, определения соучастников и их роли в совершении преступления.

Список использованной литературы

1. Жбанков В.А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике : дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Жбанков. – М., 1995.

2. Шурухнов Н.Г. Методика расследования экологических преступлений // Криминалистика : учебник / под общ. ред. В.А. Жбанкова. – М., 2012.

3. Мерецкий Н.Е. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений / Н.Е. Мерецкий // Криминалистические чтения на Байкале – 2012 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2012. – С. 33–39.

Информация об авторах

Петрухина Ольга Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и процесса, Тульский государственный университет, 300012, Российская Федерация, г. Тула, пр. Ленина, 92, e-mail: petruhina7979@mail.ru.

Шурухнов Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовно-правовых и специальных дисциплин, Московский гуманитарный университет, 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, д.5, e-mail: matros49@mail.ru.

Information about authors

Petrukhina, Olga A. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of the Criminal Law and Process, Tula State University, 92, Lenin Avenue, 300012, Tula, Russian Federation, e-mail: petruhina7979@mail.ru.

Shurukhnov, Nikolay G. – Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law and Special Subjects, Moscow University for the Humanities, 5, Yunosti St., 111395, Moscow, Russian Federation, e-mail: matros49@mail.ru.

УДК 343.132

И.М. Егерев, О.А. Егерева

ПОВЫШЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА МЕЖЛИЧНОСТНОГО ПОЗНАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье рассматриваются особенности процесса познания следователем личностной сущности человека, выступающего участником уголовного судопроизводства. Выделяются наиболее значимые содержательные составляющие межличностного познания. На основе анализа информации о психологических особенностях лица, полученных в результате межличностного познания, выделяются формируемые способности следователя, обеспечивающие повышение эффективности следственной деятельности.

Ключевые слова: следственная деятельность, взаимодействие, межличностное познание, способности следователя.

I.M. Egerev, O.A. Egereva

IMPROVEMENT OF OBJECTIVITY OF THE PROCESS OF INTER-CURRENT KNOWLEDGE IN THE ACTIVITY OF THE FOLLOWER

In the article features of the process of cognition by the investigator of the personal essence of a person acting as a participant in criminal proceedings are examined. The most significant content components of interpersonal cognition are singled out. Based on the analysis of information about the psychological characteristics of the person, obtained as a result of interpersonal cognition, the investigator's abilities being formed that ensure an increase in the effectiveness of investigative activities are singled out.

Keywords: investigative activity, interaction, interpersonal cognition, investigator abilities.

В процессе расследования любого преступления следователь неизбежно сталкивается с процессом межличностного общения. Противоположной стороной для следователя выступает неограниченный

круг лиц. И если с одними участниками уголовного судопроизводства подобный процесс изначально не представляет каких-либо проблем (специалисты, эксперты, сотрудники органов дознания), то с другими – характеризируется возникновением определенных трудностей (подозреваемый, обвиняемый, свидетели). При этом далеко не последняя роль принадлежит особенностям процесса межличностного познания.

Познание одним лицом другого составляет одну из содержательных сторон процесса общения. «Знание профессиональных особенностей познания людьми друг друга наряду с другими позволит оптимизировать процесс общения, официальные и неофициальные контакты между людьми, сформировать у них навыки общаться с окружающими психологически более грамотно, улучшить профессиональную подготовку будущих молодых специалистов» [1, с. 174].

С позиции профессиональной деятельности следователя наиболее значимыми содержательными составляющими межличностного познания будут следующие:

– объективное восприятие лица, с которым осуществляется взаимодействие;

– понимание качеств личности;

– соотнесение вербального и невербального поведения.

Таким образом, в процессе передачи межличностного взаимодействия в следственной деятельности необходимо учитывать определенные психологические механизмы. Только знание таких закономерностей позволяет осуществить эффективное производство по уголовному делу. В процессе межличностного познания первичным процессом является восприятие. Этот процесс иначе именуется перцепцией, или перцептивным процессом. Оно является психическим процессом, который представляет собой осмысленный (принятие решения) и означенный (связанный с речью) синтез разнообразных ощущений, получаемых от целостных предметов или сложных, воспринимаемых как целое, явлений. Результатом синтеза является формирование образа объекта, предмета или явления, который складывается в ходе их активного отражения [2, с. 182].

Современные исследования в области психологии показывают, что восприятие является активным процессом. Бесспорно, что перцептивный образ выступает как субъективное отражение предметов и явлений объективной действительности в сознании. Вместе с тем не-

верно рассматривать его как зеркальное отпечатывание объектов, воздействующих на органы чувств, как их простое подобие фотографии. В процессе восприятия происходит разделение информации, поступающей на сенсорный вход, ее более или менее сложные преобразования, сравнение с эталонами, хранящимися в памяти. «В развернутой форме перцептивный процесс включает оценку сенсорной информации, коррекцию сенсорных сигналов, выдвижение и проверку гипотез, принятие решения» [3, с. 102]. Таким образом, он выступает как процесс регулируемый.

Анализ научных источников, посвященных восприятию такого специфичного объекта, как человек, позволяет сделать вывод, что его можно рассматривать с точки зрения трех аспектов. Первый – это общие психологические закономерности. Второй – влияние особенностей субъекта восприятия, оказывающих влияние на общие закономерности. Третий аспект рассматривает влияние, являющееся следствием воздействия общества на человека.

Второй аспект восприятия выражается во влиянии особенностей субъекта восприятия. В данной группе находятся закономерности, находящиеся в зависимости от пола и возраста воспринимающего субъекта. Эту группу закономерностей можно обозначить как личностно обусловленные.

Третий аспект рассматривает влияние на восприятие человека общества в целом. К нему можно отнести специфику восприятия под воздействием установок и профессиональных особенностей. Закономерности, являющиеся следствием указанных обстоятельств, можно обозначить как социально обусловленные.

Такой фактор, как воздействие на восприятие психологической установки лица подлежит обязательному учету. Признанный специалист в области исследования установки Д.Н. Узнадзе определил психологическую установку как готовность, предрасположенность к восприятию будущих событий и к действиям в определенном направлении, обеспечивающую целенаправленный характер соответствующей деятельности, избирательную активность человека [4, с. 70].

Силу психологической установки можно продемонстрировать экспериментами А.А. Бодалева. Суть последних заключалась в том, что различным группам испытуемых предъявлялась одна и та же фотография и давалось задание описать изображенного на ней человека. Только одним изображенный человек был преподнесен как «преступ-

ник», другим – как «герой». В результате подобная установка отразилась на восприятии, а следовательно, и на описании. При установке «преступник» преобладали формулировки негативного характера, при установке «герой» – положительного.

Необходимо учитывать, что следователь может быть подвержен ряду психологических установок. Среди них, прежде всего, можно отметить установку о виновности лица. При этом забывается и принцип презумпции невиновности, и положения ст. 6 ч. 2 УПК РФ, в соответствии с которой уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Нередко подобная установка провоцирует форматирование обвинительного уклона следователя в своей деятельности. Также среди распространенных негативных установок можно выделить установку на негативный результат следственного действия, когда следователь сам не ожидает положительного результат определенного следственного действия.

При осуществлении взаимодействия с участниками процесса расследования необходимо создание таких условий, в которых соответствующие лица будут нацелены на продуктивнее сотрудничество, в результате которого будет сообщать полные и достоверные сведения. Для достижения указанных целей используется установление так называемого психологического контакта.

Определяя психологический контакт, считаем, что следует согласиться с А.Н. Порубовым, который понимает под ним особого рода взаимоотношения следователя с участниками уголовного процесса, характеризующиеся стремлением следователя поддерживать общение, чтобы получить правдивые, полные и достоверные показания, имеющие отношение к делу [5, с. 106]. Подобного рода взаимоотношения обеспечивают комфортную обстановку взаимного понимания, влияния и переживания. Установление психологического контакта возможно при условии осознания его участниками необходимости осуществления совместной деятельности.

Психологический контакт в следственной деятельности обладает некоторыми особенностями. Одна из них заключается в том, что он носит односторонний характер. Это выражается в стремлении сле-

дователя получить информацию от лица, с которым осуществляется взаимодействие, при сокрытии от него собственной осведомленности по обстоятельствам дела. Следует обратить внимание на принудительность общения для указанного лица. В установлении психологического контакта и его дальнейшему поддержанию главная роль отведена следователю. От него зависит развитие взаимоотношений. Из этих причин вытекает еще такая, как сложность установления последующего психологического контакта, если его не удалось достичь на первоначальном этапе общения.

Деятельность по установлению психологического контакта имеет тактическую, эвристическую, контролирующую, эмоциональную и морально-этическую функции [6, с. 42]. Основной является тактическая. Ее сущность проявляется в создании обстановки, побуждающей к сообщению достоверной и полной информации. Эвристическая функция заключается в активизации мыслительной деятельности лица и в нужном для расследования направлении. Контролирующая функция состоит в проверке и сопоставлении полученной ранее информации. Эмоциональная функция обеспечивает передачу уверенности следователя лицу, его «заражение» оптимизмом. Морально-этическая проявляется в умении расположить к себе взаимодействующее лицо, войти к нему в доверие.

Психологический контакт должен устанавливаться уже с первой встречи с лицом, являющимся носителем криминалистически значимой информации. Как правило, это происходит на допросе. В дальнейшем он должен быть поддержан. Это обусловлено возможностью, а в некоторых случаях и необходимостью, дальнейшего взаимодействия с лицом. Это может выразиться в проведении иных следственных действий. При проведении предъявления для опознания такое дальнейшее общение очевидно.

На первоначальном этапе установлению психологического контакта способствует изучение личности лица, с которым осуществляется взаимодействие. При изучении выявляются обстоятельства, характеризующие лицо, необходимые для правильного применения норм права, выбора наиболее оптимальной линии поведения. Изучение личности возможно с помощью процессуальных и непроцессуальных источников. Первая предполагает получение информации посредством проведения следственных и иных процессуальных действий. К ним можно отнести допрос, осмотр, экспертизу, различные

запросы, истребование характеристик. К непроцессуальным относятся иные источники получения информации, прежде всего взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

При изучении личности в целях установления эффективного психологического контакта выясняются установки лица. Значимым фактором является отношение лица к расследуемому событию и личности обвиняемого. Необходимо постараться определить и отношение к правосудию в целом.

Для установления психологического контакта применяются приемы эмоционального воздействия. Прежде всего, это создание благоприятной обстановки общения. Вовлечение в беседу можно осуществить с помощью темы, представляющей интерес для обеих сторон. Необходимо «обращение к положительным качествам личности собеседника, к его заслугам, знакам общественного признания и уважения и т. д.» [7, с. 46]. Для этого целесообразно первоначально провести неформальную беседу, на которой выясняются биографические данные лица.

Далее необходимо сформировать у лица интерес к общению. Наличие объективного представления о цели общения позволяет активизировать психические процессы. Если очевидец будет знать, что его показания позволят установить истину по делу, он будет стараться сообщить более полные и правдивые данные. Порой формирование соответствующей позиции у лица может сопровождаться внутренней борьбой положительных и отрицательных мотивов. В такой ситуации следователь должен выявить их и помочь человеку преодолеть установку на отказ от сотрудничества. При формировании психологического контакта, следователю необходимо убедить очевидца в своей объективности по отношению к обстоятельствам дела. В доступной форме следует разъяснить лицу его права и обязанности, а в необходимых случаях и ответственность.

Установление психологического контакта напрямую зависит от личных качеств самого следователя. К ним можно отнести личный опыт, уровень профессиональных знаний, психологические особенности. Эффективность установления психологического контакта определяется общей линией поведения следователя по отношению к лицу, с которым необходимо достижение конструктивного сотрудничества. Поэтому необходимо, чтобы общение следователя осуществ-

лялось спокойным тоном, без высокомерного и пренебрежительного отношения. Любое проявление агрессии вызовет только отрицательную реакцию. В результате возможно получение ложной, искаженной или неполной информации.

После установления психологического контакта, в дальнейшем он должен поддерживаться и развиваться. Поддержка осуществляется избеганием тех обстоятельств, которые способны его разрушить. К ним относятся проявление профессиональной некомпетентности, примитивности, высокомерия, надменности, грубости в общении, психологического давления, угроз, шантажа, использования ложной информации. Развитие психологического контакта предполагает дальнейшее воздействие на положительные проявления личности.

Помимо создания условий, в которых участник следственного действия будет нацелен на продуктивное и конструктивное сотрудничество, следует учитывать немаловажный факт, что от его психологического состояния в момент непосредственного производства следственного действия зависит результат всего следственного действия.

Помимо организационного аспекта, психологические знания о познавательных процессах позволяют определить объективность показаний лица о ранее воспринятых обстоятельствах. Таким образом, эта информация позволяет дать оценку полученных результатов.

Получение достоверных показаний относительно установления тождества между представленным объектом и ранее воспринимавшимся становится возможным при условии знания и применения определенных психологических приемов. В ходе производства предъявления для опознания между следователем и опознающим происходит обмен информацией, в которой можно выделить два аспекта: словесный обмен информацией и получение информации о состоянии допрашиваемого и даже о направлении его мыслей – путем наблюдения за его поведением. Все средства коммуникации разделяются на речевые (вербальные) и неречевые (невербальные). Речь является универсальным и более распространенным средством общения потому, что обладает более простым механизмом кодирования передаваемой информации. Невербальные средства выполняют вспомогательную функцию, которая состоит в том, чтобы поддержать информационное значение вербального сообщения. Невербаль-

ные средства могут также и самостоятельно передавать содержательную информацию.

На основе анализа информации о психологических особенностях лица, полученных в результате межличностного познания, формируются следующие способности следователя:

– обоснованно прогнозировать подведение лица;

– формировать стратегию и тактику взаимодействия с лицом;

– осуществлять криминалистический анализ показаний лица.

По нашему убеждению, только при умелом использовании указанных способностей будет возможно повышение эффективности следственной деятельности.

Список использованной литературы

1. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / под ред. А.А. Бодалева, Н.В. Васиной. – СПб., 2005.

2. Немов Р.С. Общие основы психологии: Психология : учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений : в 3 кн. / Р.С. Немов. – 4-е изд. – Кн. 1. – М., 2002.

3. Ломов Б.Ф. Проблемы и стратегия психологического исследования / Б.Ф. Ломов. – М., 1999.

4. Батаршев А.В. Психология личности и общения / А.В. Батаршев. – М., 2003.

5. Порубов А.Н. Ложь и борьба с ней на предварительном следствии / А.Н. Порубов ; под ред. И.И. Басецкого. – Минск, 2002.

6. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии : учеб. пособие / Н.И. Порубов. – М., 1998.

7. Питерцев С.К. Тактика допроса / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. – СПб., 2001.

Информация об авторах

Егерев Иван Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, 664011, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: egerevim@mail.ru.

Егерева Олеся Александровна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: olirk@mail.ru.

Information about authors

Egerev, Ivan M. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State of Justice, 4, Nekrasova Str., 664011, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: egerevim@mail.ru.

Egereva, Olesya A. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminalistic, forensic and legal psychology, Law Institute, Baikal State University, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: olirk@mail.ru.

УДК 343.54

С.А. Куемжиева

О ЦЕЛЕОПРЕДЕЛЕНИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье автор кратко рассматривает основные вопросы целеопределения в расследовании; дает определение предмета расследования. Осуществляет анализ основных обстоятельств предмета расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, излагает процесс целеопределения в расследовании.

Ключевые слова: предмет расследования, целеопределение, промежуточные факты, преступления против семьи и несовершеннолетних.

S.A. Kuemzhieva

ABOUT DEFINITION IN INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST FAMILY AND MINORS

In the article the author describes the main issues of goal-setting in the investigation; gives a definition of the subject of investigation. Analyzes the main circumstances of the subject of investigation of crimes against the family and minors, sets out the process of determination in the investigation.

Keywords: the subject of the investigation, targeting, intermediate facts, crimes against family and minors.

Целеопределение – организационно-аналитический процесс, заключающийся в анализе следователем доказательственной и иной информации, определении и конкретизации обстоятельств, подлежащих установлению по делу. Цели определяются путем последовательного отслеживания каждого обстоятельства, входящего в предмет доказывания и интеллектуального поиска фактов, которыми можно обосновать данные обстоятельства в конкретном случае. Целеопределение, таким образом, представляет собой процесс определения обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Основные обстоятельства преступления, имеющие юридическое значение составляют предмет доказывания. Для следователя данные обстоятельства имеют абстрактное значение. В отдельном расследовании он конкретизирует элементы предмета доказывания на основе исходной информации. В качестве таковой выступают материалы предварительной проверки или результаты первоначальных неотложных следственных действий. В зависимости от ситуации расследования отдельные обстоятельства предмета доказывания не могут быть конкретизированы. Они, как правило, обуславливаются другими обстоятельствами, которые носят название промежуточных фактов [1, с. 19]. Круг промежуточных фактов определяется характером преступления и большая их часть на начальном этапе расследования следователю неизвестна. Аналитическая работа по выявлению промежуточных фактов неизбежно приводит к построению следственных версий. Версии строятся по каждому из обстоятельств, достоверность которых вызывает сомнения. Из каждой версии выводятся логические следствия, т. е. факты, которые должны существовать при условии, что данная версия верна. Методикой расследования выявляются промежуточные факты, которые могут существовать при расследовании видов преступлений. Их знание облегчает работу по конкретизации логических следствий из версий.

Таким образом, в расследовании для установления обстоятельств преступлений существует, прежде всего, предмет доказывания. Для установления обстоятельств предмета доказывания при отсутствии или ограничении количества доказательств используются промежуточные факты. Совокупность всех устанавливаемых обстоятельств по уголовному делу и есть предмет расследования. В него входят также ошибочно устанавливаемые обстоятельства (ошибочная версия, т. е. не подтвердившаяся, но проверенная в расследовании до ее опровержения).

И.М. Лузгин все установленные по делу обстоятельства подразделял на предмет доказывания и предмет познания [2, с. 13]. В.Д. Зеленский одним из первых ввел термин «предмет расследования», подразумевая под ним совокупность установленных в процессе расследования обстоятельств. В эту совокупность входят обстоятельства предмета доказывания и обосновывающие их промежуточные факты [3, с. 12].

Предмет расследования формируется посредством умственного поиска возможных источников доказательств; получение их от участников расследования, а также посредством построения следственных версий и выведения из каждой из них логических следствий. Это задача методики расследования. Применительно к теме настоящей работы это задача групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Отметим важное обстоятельство: круг промежуточных фактов определяется характером события. Криминалистическая характеристика преступления, ее раздел о типичных следах и иных фактических данных, образующихся при совершении преступления против семьи и несовершеннолетних, содержит сведения о типичных промежуточных фактах. Содержание деятельности, в сфере которой совершено преступление, и способ преступления, использованный преступником в определенной обстановке, объективно порождает определенные факты. Процесс их возникновения трудно вычислить заранее и это удается далеко не всегда. Но в любом случае можно знать характер действий, как составной элемент не преступной деятельности, и типичные преступные отклонения от нее. Таким путем можно предполагать о возникновении определенных фактов и их существование в случае расследования конкретного уголовного дела.

С учетом изложенного, представляется возможным и необходимым выделить определенные виды деятельности, обстановку, действия. Исследуя их содержание, необходимо предполагать о существовании определенных фактов, которые могут существовать в событии конкретного преступления.

В расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних определяющую роль играет обстановка их совершения. В ней можно выделить учреждения, с которыми связано или в среде которых преступление совершено: детские воспитательные учреждения, учебные заведения, учреждения здравоохранения, организации, осуществляющие контроль за воспитанием детей, их устройством в случае утраты родительского попечения. В ходе расследования необходимо знать существующую функциональную структуру организации: сочетание действий сотрудников учреждения внутри и вне этого учреждения в их взаимосвязи. Составной частью функциональной структуры являются действия, отклоняющиеся от предусмотренных нормативными актами требований. Отдельная группа в среде таких

действий – преступные. Для расследования преступлений, в том числе и против семьи и несовершеннолетних, надо знать содержание функциональной структуры организации.

Применительно к рассматриваемой группе преступлений необходимо изучение различных должностных инструкций, положений и иных нормативных актов, регламентирующих различные действия и процедуры (передача детей в детский дом, установление опеки, усыновление ребенка и др.).

Следующим важным элементом обстановки рассматриваемых преступлений является семья. Объектом изучения должны стать сложившиеся взаимоотношения в семье. Для ее исследования и оценки важно знание положений Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Изложенное обязательно при исследовании вопроса о ненадлежащем выполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ).

Разновидностью элемента обстановки преступлений против семьи является деятельность должностных лиц образовательных, воспитательных, лечебных и иных учреждений, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Подгруппа преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних расследуется с использованием положений методики расследования всех сексуальных преступлений с учетом обстановки внутрисемейных отношений.

Таким образом в предмет расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних входят следующие группы обстоятельств:

– функциональная структура детских, воспитательных, образовательных и иных учреждений, осуществляющих воспитательные функции в отношении несовершеннолетних;

– функциональная структура государственных учреждений, осуществляющих деятельность по устройству несовершеннолетних, оставшихся без родителей;

– структура и содержание действий в отношении устройства и воспитания несовершеннолетних, осуществляемых сотрудниками указанных организаций;

– нормативные документы (положения, инструкции, приказы и т. д.), регламентирующие действия по устройству, воспитанию детей указанными организациями и лицами;

– документация, отражающая внутреннее функционирование указанных организаций в части работы с несовершеннолетними (материалы проверок, ревизий, докладные проверки, записки и др.);

– нормативные акты, регламентирующие обязанности родителей по воспитанию детей;

– действия по ненадлежащему воспитанию детей родителями, по вовлечению несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность;

– содержание преступных действий по похищению, торговле и другим преступным сделкам с детьми;

– промежуточные факты при доказывании изнасилования несовершеннолетних и совершении в отношении них иных преступлений, предусмотренных гл. 18 УК РФ, в семье и в пределах осуществления функций семьи;

– деяния по истязанию, нанесению побоев детям, причинению вреда здоровью.

Первые шесть групп промежуточных фактов имеют значение для расследования практически всех преступлений против семьи и несовершеннолетних. Шесть последующих – для различных видов указанных преступлений. В методике расследования указанной группы преступлений осуществляется ранее отмеченное сочетание групповой методики с частной методикой расследования отдельного вида преступлений, например, торговли детьми или незаконного усыновления и т. д.

Мыслительная деятельность по конкретизации обстоятельств предмета доказывания и выявления промежуточных фактов связана с построением следственных версий. Версия, как средство познания, одновременно выполняет организационно-аналитическую роль, так как участвует в целеопределении. Можно отметить, что само целеопределение связано с построением версий [4, с. 75].

Основные обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, определяются методикой и практикой расследования. Исчерпывающий перечень их дать невозможно. В связи с этим, знание группы промежуточных фактов в расследовании различных групп преступлений позволяет изыскивать из последней необходимые для расследования отдельного преступления.

Знание механизма целеопределения, безусловно, способствует определению предмета расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Список использованной литературы

1. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания / И.М. Лузгин. – М., 1969.
2. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования / И.М. Лузгин. – М., 1973.
3. Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений / В.Д. Зеленский. – Ростов н/Д, 1989.
4. Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений / В.Д. Зеленский. – Краснодар, 2011.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе ; отв. ред. Н.В. Жогин, изд. 2-е испр. и доп. – М., 1973.

Информация об авторе

Куемжиева Светлана Александровна – кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, декан юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, e-mail: kgau-uf@mail.ru.

Information about the author

Kuemzhieva, Svetlana A. – PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Kuban, Dean of the Faculty of Law, Kuban state agrarian University named after I.T. Trubilin, 13, Kalinina St., 350044, Krasnodar, Russian Federation e-mail: kgau-uf@mail.ru.

УДК 343.98

Е.И. Фойгель

О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Статья посвящена проблемам криминалистического исследования человека и человеческой деятельности. Констатируется, что исследованию человека и его различных отображений в криминалистике посвящены различные разделы науки, которые рассматривают и соматическую, и психическую, и социальную, и культурную, и кадавристическую подструктуры человека и человеческой деятельности. Однако методологически целесообразно было бы использовать комплексный подход к специализированным самостоятельным исследованиям. Теоретической основой комплексных исследований и экспертиз призвано стать криминалистическое учение о человеке и человеческой деятельности как частная криминалистическая теория.

Ключевые слова: комплексный подход, криминалистическое исследование человека, криминалистическая гомология, комплексная судебная экспертиза, человеческая деятельность, деятельностный подход, криминалистическое учение о человеке и человеческой деятельности, частные криминалистические теории.

E.I. Foygel

ABOUT INTEGRATED APPROACH TO RESEARCH OF HUMAN BEING AND HUMAN ACTIVITY IN CRIMINALISTICS

The article is devoted to the problems of criminalistics research of human being and human activity. It is stated that various sections of science are devoted to the investigation of human and his various mappings in criminalistics, which consider both the somatic, psychic, social, cultural, and cadavristic substructure of human being and human activity. However, it would be methodologically advisable to use an integrated approach to specialized independent research. The theoretical basis of complex research and expertise is to become the criminalistic theory of human being and human activity as a particular criminalistic theory.

Keywords: integrated approach, criminalistic research of the person, criminalistic homology, integrated judicial examination, human activity, the activity approach, criminalistic doctrine about human being and human activity, particular criminalistic theories.

Криминалистическая наука, являясь относительно молодой наукой, тем не менее имеет мощную методологическую базу. Будучи юридической наукой интегративного характера, криминалистика призвана обеспечивать практическое следоведение научно обоснованными методами, приемами и средствами эффективной борьбы с преступностью. Не последнюю роль в криминалистическом исследовании играет исследование человека и человеческой деятельности. Рассматривая предмет криминалистики как совокупность закономерностей человеческой деятельности (преступной и криминалистической), необходимо разработать научные механизмы криминалистического изучения человеческой деятельности.

Человек издавна является объектом криминалистического интереса. В рамках всех четырех основных разделов криминалистики можно выделить пласт знаний, посвященных изучению человека: в рамках общей теории и методологии криминалистики отображения человека и человеческой деятельности изучаются теорией криминалистической идентификации и теорией криминалистической диагностики; в структуре криминалистической техники изучению человека посвящены такие подразделы, как трасология (в части антропоскопии), криминалистическая габитоскопия, криминалистическая одорология, криминалистическая фоноскопия (в части исследования голоса человека), криминалистическое исследование документов (в части почерковедения и автороведения), отдельные положения криминалистической фотографии и видеозаписи; в рамках криминалистической тактики – при планировании расследования, выдвижения криминалистических версий, подготовке и осуществлении следственных действий и тактических комбинаций; в рамках криминалистической методики – при выработке приемов и рекомендаций по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению отдельных видов и групп преступлений.

Однако представляется методологически неверно и практически нецелесообразно рассматривать различные отображения человека и человеческой деятельности в разных разделах криминалистической

науки. Законодатель, закрепив в уголовно-процессуальном законодательстве возможность комплексного использования специальных знаний (ст. 201 УПК РФ), согласился с необходимостью комплексного исследования криминалистически информативных неделимых объектов. Нередко в качестве таких объектов выступают человек и результаты человеческой деятельности.

О комплексном подходе к изучению проблемы в ходе криминалистического исследования человека и человеческой деятельности можно говорить с позиции двух уровней – теоретического (научного) и практического.

С позиции теоретического уровня, комплексность в криминалистической науке означает исследование объекта с помощью методов различных отраслей наук либо разных уровней методологии. Так, если рассматривать трехчленную систему методов криминалистики, включающую в себя общефилософский диалектический метод, общенаучные и частнонаучные методы, то комплексность обозначает исследование с использованием нескольких методов научного исследования. К примеру, при изучении признаков внешности человека можно использовать как собственно криминалистические методы криминалистической идентификации и криминалистической диагностики, так и физические и химические методы исследования. Думается, что теоретический (научный) уровень комплексного исследования человека и человеческой деятельности должен найти отражение в создании отдельной частной криминалистической теории, имеющей свой предмет, методологию, цели и задачи, структуру. Разрозненные положения, изучающие человека как источник криминалистически значимой информации, содержатся во многих разделах и подразделах криминалистической науки, между тем как современное состояние научной разработки этой проблемы не позволяет говорить о наличии концептуальных основ комплексного криминалистического учения о человеке.

В.А. Образцовым было высказано предложение о выделение в структуре поисково-познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве как объекте криминалистического обеспечения отдельного подраздела – криминалистической гомологии, изучающей людей в качестве структурных элементов системы реализации и отражения познаваемых в уголовном судопроизводстве событий» [1, с. 124]. При этом автор отмечает, что «криминалистическая гомология, вы-

ступая в качестве определяющего, базового звена общей системы криминалистического человековедения и следоведения, органично соединяя в себе оба эти магистральные направлении научного и практического познания, она является одной из самых активно формирующихся и весьма перспективных областей криминалистики» [1, с. 127]. В данном определении фигурируют понятия «человековедение», «люди», «человек» (homo – человек).

Человеческая деятельность – это не просто поведенческая активность, это идеальное и материальное воплощение внутреннего мира человека, средство определения сущности человека. Анализируя человеческую деятельность, возможно определить сущностные характеристики человека как субъекта социальных отношений. Рассматривать человека в отрыве от человеческой деятельности и наоборот представляется неправильным. Таким образом, думается, что на современно этапе криминалистической науки назрела необходимость в формировании криминалистического учения о человеке и человеческой деятельности – частной криминалистической теория, изучающей человека как субъекта осуществления преступной и криминалистической деятельности, с целью выявления закономерностей данных видов деятельности и разработки основанных на познании этих закономерностей средств и способов собирания, исследования и использования криминалистически значимой информации в процессе выявления, расследования, раскрытия и предупреждения преступлений.

Создание данной теории позволить решить ряд задач, к числу которых можно отнести – разработка методов собирания уголовно-релевантной информации о человеке в процессе исследования человеческой деятельности и ее результатов;

– выявление и объяснение закономерностей и взаимосвязей между внешними проявлениями преступной и криминалистической деятельности человека и сущностью человека;

– систематизация выявленных криминалистически значимых данных о человеке и человеческой деятельности;

– оценка выявленной совокупности признаков о человеке и человеческой деятельности, их исследование, диагностика и профилирование субъектов преступной и криминалистической деятельности;

– разработка методов и форм использования полученной информации о человеке и человеческой деятельности в процессе осуществления криминалистической деятельности.

Второе направление комплексного подхода к исследованию человека и человеческой деятельности носит чисто практический характер и выражается в назначении и производстве комплексных экспертиз и исследований, объектом которых является та или иная подструктура (уровень) человека или человеческой деятельности.

Изучение человека и человеческой деятельности в сфере уголовного судопроизводства возможно в следующих подструктурах:

1. Соматическая – совокупность анатомических (общефизических), морфологических и биологических свойств человека.

2. Психическая – совокупность психических явлений, то есть психических процессов, свойств и состояний личности.

3. Социальная – установление и анализ корреляционных связей между человеком и социальной группой.

4. Культурная – результаты трудовой деятельности человека, а также выработанные человеком привычки и навыки.

5. Кадавристическая – криминалистическое исследование трупа человека.

Все пять структур, безусловно, исследуются в криминалистике. Однако эти исследования носят узко специализированный характер. К примеру, исследование трупа осуществляется преимущественно судебно-медицинскими методами. Однако судебный медик (врач) не отвечает и не должен отвечать на вопросы криминалистического характера о наличии и анализе информации, позволяющие судить о несовпадении места совершения преступления и места обнаружения трупа, о состоянии сопутствующих признаках внешности трупа, о психотипе человека, о других признаках трупа, которые являются источником криминалистически значимой информации. Данная информация ни в коей мере не умаляет важности судебно-медицинских исследований, наоборот, именно комплексное исследование трупа позволит собрать значительную информационную базу.

Кроме этого, в настоящее время эффективные результаты имеют комплексные психологические исследования – комплексная психодерматоглифическая экспертиза [2, с. 255], комплексная графолого-почерковедческая экспертиза, психофизиологическая экспертиза (которая является комплексной по своей сути), комплексная психолого-портретная экспертиза, нейролингвистические исследования и др.

Следует отметить, что теоретический и практический уровень комплексного подхода находятся в постоянной взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности.

Список использованной литературы

1. Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. – М., 1997.

2. Кудряшов В.А. Комплексный подход при исследовании следов человека / В.А. Кудряшов // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2016. – С. 254–258.

Информация об авторе

Фойгель Елена Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, 664011, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: foiguelelena@gmail.com.

Information about author

Foygel, Elena I. – PhD in Law, Associate Professor, the Head of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State of Justice, 4, Nekrasova Str., 664011, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: foiguelelena@gmail.com.

УДК 343.98

Е.В. Шишкина

ПОТРЕБНОСТИ ПРАКТИКИ И МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ И ГРУПП ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассмотрены некоторые проблемы, связанные с недостаточной востребованностью рекомендаций по методикам расследования отдельных видов и групп преступлений практикой. Сделана попытка выявить причины, по которым это происходит и сформулирован ряд предложений по усилению связи теории с практикой, в числе которых необходимость разработки методик по наиболее актуальным видам преступлений, в том числе для соответствующего региона.

Ключевые слова: методика расследования, востребованность научных рекомендаций, связь науки и практики, региональные особенности.

E.V. Shishkina

THE NEEDS OF THE PRACTICE AND METHODS OF INVESTIGATION OF SEPARATE KINDS AND GROUPS OF CRIMES

The article considers some problems connected with insufficient relevance of recommendations for the methodologies of investigation of separate kinds and groups of crimes practice. An attempt is made to identify the reasons why this is happening and formulated a number of proposals to strengthen the connection between theory and practice, including the need to develop techniques for the most relevant types of crime, including of the region.

Keywords: methods of investigation, the relevance of scientific advice, the science and practice of regional characteristics.

Криминалистическая методика является, пожалуй, наиболее активно развивающимся разделом криминалистики. Одним из подтверждений тому являются показатели диссертационной активности – большинство диссертаций по криминалистике из года в год защища-

ется именно по вопросам методики расследования отдельных видов и групп преступлений [1, с. 127].

Вместе с тем очевидно, что неоднократно подчеркивается и многими авторами, степень востребованности научных рекомендаций конечным потребителем – практическими работниками правоохранительной системы, оставляет желать лучшего. В.Н. Карагодин обозначил ряд причин низкого интереса следователей к научной литературе, касающейся методик расследования [2, с. 63–65]. Соглашаясь в целом с его выводами, позволим себе сформулировать и свое видение этой проблемы и возможных путей ее решения.

Одним из безусловных принципов формирования любой частной методики являются потребности практики в ее разработке. В понимании многих начинающих ученых, которые берутся за подобные исследования, потребности практики представляются в виде общих представлений о необходимости борьбы с преступностью вообще. В обоснование актуальности темы диссертации зачастую положены статистические данные о распространенности преступлений и их динамике. С этим аргументом всегда сложно спорить, поскольку даже незначительные в общей массе преступлений проявления преступной активности в том или ином виде требуют реакции со стороны всех заинтересованных сторон, включая и криминалистические средства. При этом за основу берутся, как правило, данные статистики в целом по стране, а обобщением практики расследования автор диссертации зачастую занимается в каком-то конкретном регионе. Выбор региона зависит от разных обстоятельств и чаще всегда ограничен сугубо прагматическими соображениями – местом постоянного проживания, или там, где удалось получить согласие на допуск к практическому материалу.

На самом деле, обращение к статистике является вторичным и используется лишь для обоснования актуальности, а в действительности на этапе выбора темы исследований, касающихся частных методик расследования, автор чаще исходит из своего собственного представления об объекте исследования. Выбор темы, по нашему ощущению, неоднократно проверенному в беседах с новоиспеченными учеными на этапах обсуждения диссертаций, осуществляется хаотично, без внятной позиции самого автора и интереса к ней. Если это не так, то откуда берутся молодые ученые-криминалисты, не имеющие никакого опыта в расследовании уголовных дел, и соответствен-

но слабо представляющие себе процесс расследования, или практики, которые никогда не занимались в профессии теми проблемами, о которых собрались писать.

В борьбе за новизну исследования авторы выискивают в уголовном законе составы, методики расследования которых еще не написаны. При этом многих отпугивает наличие уже защищенной диссертации по схожей тематике. Кроме того, окончательная формулировка темы непременно наталкивается на вопросы криминалистической классификации преступлений, которые являются, пожалуй, наиболее острыми и дискуссионными в числе теоретических проблем криминалистической методики. В результате мы имеем в настоящее время множество вариантов группирования методик, объединенных по абсолютно разным основаниям. Некоторые из них могут вызывать откровенное недоумение, неприятие или сомнения в целесообразности.

Одним из способов разрешения складывающейся ситуации, на наш взгляд, должна послужить опора на реальные запросы практики в исследованиях определенной тематики. Причем этот запрос может быть обозначен различным образом:

1. Отсутствие современных разработанных методик расследования отдельных видов преступлений, потребность в которых очевидна.

2. Реальные показатели негативной динамики преступлений отдельных видов и групп в конкретном регионе.

3. Объективные потребности правоохранительной системы в рекомендациях по расследованию преступлений, обусловленных региональными особенностями.

На очевидный характер потребности в актуальных методических разработках могут указывать различные факторы, вызванные изменениями в законодательстве и появлением новых составов преступлений, объективными данными реального роста преступлений определенной направленности, криминалистическими показателями сложности их выявления и расследования и др. Такими очевидными проблемами, требующими криминалистических средств их преодоления, в настоящее время характеризуются преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних, и прежде всего, малолетних лиц, преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, отдельные виды преступлений экономической направленности и др.

Статистические показатели уровня преступности в стране из года в год указывают на наиболее неблагополучные регионы, к числу которых относятся республика Тыва, Сахалинская область, Камчатский край, Курганская область, Северо-кавказские регионы. Есть данные о неблагополучии по отдельным разновидностям преступлений, которые не могут не тревожить руководство региона, и его правоохранительную систему. Есть «лидеры» по числу совершаемых и нераскрытых преступлений против личности, преступлений, совершаемых несовершеннолетними и др.[1]. На наш взгляд, эти «сигналы» должны служить ориентиром для криминалистов в выборе направлений своих исследований.

В контексте исследуемых проблем под региональными особенностями мы понимаем прежде всего те, которые обусловлены свойствами географической среды того или иного региона, и которые, безусловно, влияют на структуру преступности в нем. Эти особенности в основном присущи тем краям, областям и республикам, которые в силу своего географического положения могут быть названы приграничными, курортными, приморскими, лесными и т. д. Близость морей, рек, водоемов, заповедных зон, наличие огромных лесных массивов являются благоприятной средой для распространения, например, отдельных разновидностей экологических преступлений - таких, как незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, незаконная рубка лесных насаждений, загрязнение вод, загрязнение морской среды, незаконная охота и др. Многие регионы, славящиеся своими лесными ресурсами, из года в год несут колоссальные потери от лесных пожаров, природа которых может быть, в том числе, и преступной. Криминалистический характер могут носить не только рекомендации по расследованию этих преступлений, но и средства профилактики.

Природная зона озера Байкал не исключение, поэтому совершенно очевидна потребность выработки адекватных средств его защиты. Тематика «Криминалистических чтений на Байкале», связанная с актуальными вопросами расследования экологических преступлений, является как раз примером внимания регионального кримина-

[1] Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: www.genproc.gov.ru (дата обращения 14.08.2017).

листического сообщества к проблемам защиты уникального национального достояния.

В таких особых регионах должны не только формироваться научные школы по соответствующим их специфике научным направлениям исследований, но и вестись целенаправленная специализированная подготовка студентов, большинство которых останутся работать в своих регионах следователями, прокурорами, судьями. Современные образовательные стандарты дают вузам большую свободу в выборе специализаций, формировании учебных программ и учебных планов, программ отдельных дисциплин. Вместе с тем, анализ этих документов, которые сейчас находятся в режиме доступа на сайтах образовательных учреждений, говорит о том, что программы подготовки студентов в подавляющем большинстве не отражают специфики региона. В рабочих программах криминалистики крупнейших вузов, расположенных в регионах с очевидными проблемами экологического характера, отсутствуют методики расследования экологических преступлений. Свобода формирования учебных программ привела к тому, что в каждом вузе мы наблюдаем самые разные варианты набора частных криминалистических методик, которые преподаются в курсах криминалистики. Общую проблему недостаточного объема учебных часов, выделяемых на изучение криминалистики, вузы вынуждены решать путем выбора из общего объема имеющихся разработок. Правильнее было бы осуществлять этот выбор, исходя из объективных показателей, к которым в первую очередь должен быть отнесен социальный заказ – запрос практики.

Еще одним направлением, по которому может выстраиваться взаимовыгодное взаимодействие образовательного учреждения и правоохранительной системы, заинтересованной в получении специалистов определенного профиля – это магистерские программы. Здесь степень свободы вуза в выборе, а точнее в формировании программ подготовки магистров, еще более высока, и, соответственно, больше возможностей для составления криминалистических программ по методикам расследования или комплексных программ по отдельным видам (группам) преступлений, включающих вопросы уголовного права, уголовного процесса, криминологии и криминалистики.

Согласимся, что зачастую научные разработки могут вызывать отторжение у практикующего юриста перегруженностью теоретическими проблемами и большим объемом, поэтому они должны быть

представлены для практиков в виде более сжатых форм и содержать в основном обоснованные рекомендации, с примерами, с данными обобщения практики, с вариантами применения в различных типичных ситуациях. О новых формах методических рекомендаций, в частности, писал Ю.П. Гармаев [3, с. 211–212].

К сожалению, еще одним слабым местом современных методик, изложенных в диссертациях, является отсутствие сколько-нибудь значимых и пригодных для практики, для разрешения проблемных ситуаций, рекомендаций по тактике производства следственных действий. На наш взгляд, именно здесь должна в большей степени проявляться новизна подходов, с учетом специфики формирующих ситуации факторов – свойств субъекта, объема и качества информации, тактических возможностей проводимого следственного действия и пр. Каждый, кто открывает диссертацию по методике расследования – от неопытного следователя, до убеленного сединой профессора, должен найти там что-то для себя новое и полезное. Первый – в плане практического применения и профессионального взросления, другой – для обогащения своих познаний в этой области.

На наш взгляд, этого не происходит, по ряду причин. Но прежде всего, это недостаточность эмпирической базы многих исследований. Сделать сколько-нибудь значимые выводы на незначительном объеме обобщенных данных невозможно. Поэтому и звучат некоторые рекомендации наивно, неубедительно. Нередко полученные в ходе обобщения данные слабо представлены в работе, не используются в качестве аргументов, и выполняют лишь функцию исполнения необходимого требования к работе, не более того.

Практическую значимость и востребованность частной методике расследования придает ее современность, то есть актуальность представленных в ней обобщенных данных об отдельных признаках вида или группы преступлений. Преступность, как социальное явление, подвержена влиянию множества факторов – социальных, экономических, демографических и иных. Изменения, которые происходят в ее структуре, могут быть неочевидны по внешним признакам, и выявляться только на больших объемах обобщенного материала.

Все указанные выше варианты развития востребованных, понастоящему нужных практике методик расследования могут быть реализованы только в случае, если обе заинтересованные стороны – ученые и вузы, с одной стороны, и правоохранительные органы в ли-

це региональных подразделений Следственного комитета РФ и органов внутренних дел, с другой стороны, начнут движение навстречу друг другу. Мы убеждены, что положительные примеры такого сотрудничества, безусловно, есть и они дают свои результаты.

Список использованной литературы

1. Кардашевская М.В. Источники развития криминалистической методики как раздела криминалистики; связь с другими отраслями научного знания / М.В. Кардашевская // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 2. – С. 127–129.

2. Карагодин В.Н. Проблемы разработки и внедрения в следственную практику частных методик расследования преступлений / В.Н. Карагодин // Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2015. – С. 33–39.

3. Гармаев Ю.П. Проблемы внедрения криминалистических методик расследования в практику / Ю.П. Гармаев // Экономика, политика, право: вчера, сегодня, завтра. Роль профсоюзов : сб. науч. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. образования ФНПР и 110-летию профсоюзного движения, г. Улан-Удэ, 27 мая 2016 г. – М., 2016. – С. 208–213.

Информация об авторе

Шишкина Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра криминалистики, Уральский государственный юридический университет, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, e-mail: evsh18@mail.ru.

Information about the author

Shishkina, Elena V. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of criminology, Ural State Law University, 21, Komsomolskaya St., 620066, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: evsh18@mail.ru.

УДК 341.1 (035.3)

В.И. Балко

ПРИЕМЫ ТЕХНИКИ ТРАДИЦИОННОГО ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЯ ПОДОШВ НОГ ПРИ ЕЕ ОКРАШИВАНИИ

В статье изучена одна из пяти групп приемов - приемы переноса краски на папиллярную поверхность подошвы босой ноги. Рассмотрен сравнительный анализ приемов техники традиционного подхода получения отпечатка папиллярной поверхности человека в подзаконных актах стран СНГ (России, Белоруссии и Казахстана), которые отличается только нюансами, с указанием ссылок на приемы техники дактилоскопирования пальцев рук, а ладони по аналогии. Приемы техника дактилоскопирования подошвы босых ног не регламентированы, поэтому ориентир приемов техники дактилоскопирования подошвы ног по аналогии дактилоскопирования пальцев и ладоней рук. Рассмотрены три разновидности приемов техники традиционного подхода дактилоскопирования папиллярной поверхности подошвы босой ноги человека при ее окрашивании. Это дает возможность практическим работникам оптимизировать меры по улучшению качества дактилоскопической карты, что скажется на качестве кодирования изображения папиллярных узоров в БД АДИС, а в образовательном процессе оптимизировать меры по надлежащему изучению дактилоскопирования папиллярной поверхности подошвы босой ноги человека при ее окрашивании.

Ключевые слова: традиционный подход дактилоскопирования, классификация приемов техники дактилоскопирования, качества отпечатков, приемы техники дактилоскопирования, окрашивание подошвы ног.

V.I. Balko

TECHNIQUES OF TRADITIONAL FINGERPRINTING SOLES OF THE FEET WITH PAINTING

In the article, explored one of the five groups of methods - methods of paint transfer on the papillary surface of the soles of bare feet. Consid-

ered a comparative analysis of techniques for the traditional approach of receiving the imprint of the papillary surface of the person in the subordinate legislation of the CIS countries (Russia, Belarus and Kazakhstan), which differs only in nuances, with references to techniques for fingerprinting the fingers and the palm of your hand similar. Techniques the technique of fingerprinting, the soles of bare feet is not regulated, so the benchmark of techniques for fingerprinting the soles of the feet on the analogy of fingerprinting the fingers and palms of the hands. We considered three types of techniques of the traditional approach of fingerprinting papillary surface of the soles of bare feet with painting. This gives the opportunity to practitioners to optimize measures to improve the quality of the fingerprint card, which will affect the encoding quality of the fingerprint patterns in a database of ADIS and in the educational process to optimize action learning fingerprinting papillary surface of the soles of bare feet with painting.

Keywords: traditional approach of fingerprinting, classification of techniques for fingerprinting, the quality of the prints, the techniques of fingerprinting, staining the soles of the feet.

Просматривая показатели качества отображения подошв босых ног, приходим к выводу о необходимости совершенствования и разнообразия применения приемов техники традиционного дактилоскопирования подошвенной папиллярной поверхности ступней ног.

Были изучены более 500 дактилоскопических карт, которые были изготовлены в г. Семей за период 2004–2017 гг.

С учетом анализа дактилоскопических карт с индивидуальным почерком каждого дактилоскопирующего, общения, опроса и личной практики попробуем систематизировать группы разновидностей приемов техники традиционного дактилоскопирования босых ног.

Поэтому, с теоретической и практической точки зрения, все разновидности приемов техники традиционного дактилоскопирования босых ног попробуем сгруппировать.

Все разновидности приемов техники традиционного дактилоскопирования подошвенной папиллярной поверхности ступней ног условно разделим на пять групп:

– подготовительно-организационные приемы;

– приемы техники фиксации ступней ног для окрашивания папиллярных поверхностей подошв ног;

– приемы техники при переносе краски на папиллярные поверхности подошв ног;

– приемы техники фиксации ступни ног для получения отображения на бланке дактилоскопической карты;

– приемы при переносе краски с окрашенной папиллярной подошвенной поверхности ног на бланк дактилоскопической карты для отображения (оттиска) подошв ног.

Рассмотрим одну из групп приемов – прием переноса краски на папиллярную поверхность босой ноги.

Приемы техники традиционного дактилоскопирования подошвенной папиллярной поверхности ступни ног по приемам переноса краски на папиллярную поверхность босой ноги имеют определенную схожесть с традиционным дактилоскопированием ладонной папиллярной поверхности руки человека.

Рассматривая технику получения отпечатка (оттиска) папиллярной поверхности человека в подзаконных актах стран СНГ (России, Белоруссии и Казахстана), видим, что она отличается только нюансами, например, в подзаконном акте России согласно Приказа МВД РФ № 688 в Приложение № 3 п. 8 «Основных правил дактилоскопирования и заполнения дактилоскопических карт»[1], в котором указано, что после «...получения контрольных отпечатков пальцев обеих рук краска на пластине вновь раскатывается для получения отпечатков ладоней рук. Их получают путем прикладывания ладоней сначала левой, затем правой руки к окрашенной пластине, а потом к предназначенным для них местам оборотной стороны бланка дактилоскопической карты…». Аналогичная ситуация в Белоруссии и в Казахстане.

Таким образом, в Белоруссии и в Казахстане в подзаконных актах приемы обычной техники традиционного дактилоскопирования папиллярной поверхности человека указываются ссылкой на приемы техники дактилоскопирования пальцев рук, которые более расписаны, зато в России техника дактилоскопирования ладони более детализирована, но техника дактилоскопирования подошвы ног не регламентирована и ориентир по аналогии дактилоскопирования пальцев и ладоней рук.

[1] Об утверждении положения о порядке формирования и ведения информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации [Электронный ресурс] : приказ МВД РФ № 688 от 27.09.2010 г. URL: http://www.zakonprost.ru/content/base/part/711009 (дата обращения: 21.08.2017).

Поэтому с теоретической и практической точки зрения рассмотрим следующие три разновидности приема техники традиционного дактилоскопирования подошвы босой ноги человека при ее окрашивании.

Помещение для дактилоскопирования должно быть оснащено раковиной с подводкой горячей и холодной воды (при отсутствии централизованного водоснабжения устанавливают наливные умывальники) и запасным комплектом для дактилоскопирования, тюбиками с красками и флаконами с жидкостью для краски.

Первый прием переноса краски на папиллярную поверхность подошв босой ноги с «подошвенной» стеклянной пластины.

Это третий сгруппированный вариант разновидности приема техники традиционного дактилоскопирования босой ноги при ее окрашивании, как правило, применяется при большом количестве дактилоскопируемых. На первую пластину размером 10 х15 см, наносится в небольшом количестве – 1–2 «капли» типографской краски, которая раскатывается дактилоскопическим валиком ровным сверхтолстым слоем с удельной интенсивностью слоя краски от 1,0 мг/см^2 до 2,0 мг/см^2 так, чтобы можно было проверить пластинку на просвет днем, при этом получится темное окрашивание пластинки. На второй пластине или на стекле размером 10 х 15 см этим же дактилоскопическим валиком раскатывается равномерно выше среднего слоя краска площадью 10 х 15 см с удельной интенсивностью выше среднего слоя краски от 0,84 мг/см^2 до 1,0 мг/см^2, так, чтобы можно было проверить прозрачную пластинку на просвет днем, при этом получаются различные оттенки темного окрашивания пластинки). Затем краска с удельной интенсивностью среднего слоя краски от 0,34 мг/см^2 до 0,84 мг/см^2, так, чтобы можно было проверить прозрачную пластинку на просвет днем, при этом получаются различные оттенки темно-серого окрашивания пластинки, дактилоскопическим валиком переносится со второй пластины на специальную «подошвенную» стеклянную пластину размером 15 х 35 см.

При этом если, дактилоскопируемая нога слегка приподнята, то к проекции подошвы приставляется специальная «подошвенная» стеклянная пластина размером 15 х 35 см, которая находится на полу в проекции опускания ноги. Если дактилоскопируемая левая нога вытянута, и ступня этой ноги лежит (фиксирована) на втором стуле, то она непосредственно прокатывается на специальную «подошвенную» стеклянную пластину размером 15 х 40 см.

Если нам нужно окрасить только область плюсны, то дактилоскопическим валиком краска переносится со второй пластины на специальную «плюсневую» стеклянную пластину размером 10 х 15 см. Сначала окрашивается папиллярная поверхность левой ноги, затем правой ноги.

Ступня ноги дактилоскопируемого должна быть свободной и ненапряженной. В случае отсутствия части левой или правой ноги или её есть деформация, она отмечается на специальном бланке дактилоскопической карты.

Второй прием переноса краски на папиллярную поверхность подошву босой ноги дактилоскопическим валиком.

Это прием, как правило, применяется при небольшом количестве дактилоскопируемых или по рекомендации сведущего лица. На первую пластину размером 10 х 15 см, наносится в небольшом количестве – 1–2 «капли» типографской краски, которая раскатывается дактилоскопическим валиком ровным сверхтолстым слоем с удельной интенсивностью слоя краски от 1,0 мг/см^2 до 2,0 мг/см^2 так, чтобы можно было проверить пластинку на просвет днем, при этом получится темное окрашивание пластинки.

На второй пластине или на стекле размером 10 х 15 см этим же дактилоскопическим валиком раскатывается равномерно выше среднего слоя краска площадью 5 х 10 см с удельной интенсивностью выше среднего слоя краски от 0,34 мг/см^2 до 0,84 мг/см^2, так, чтобы можно было проверить прозрачную пластинку на просвет днем, при этом получаются различные оттенки темно-серого окрашивания пластинки.

Краска (с удельной интенсивностью выше среднего слоя краски от 0,34 мг/см^2 до 0,84 мг/см^2, а при пороскопии не свыше 0,34 мг/см^2) переносится со второй стеклянной пластины непосредственно дактилоскопическим валиком непосредственным прокатыванием его левой, затем и правой подошв босых ног. Интенсивность окрашивания всей ладонной прокрашенной папиллярной поверхности должна быть одинаковой и оптимальной (по рекомендации сведущего лица). Ладонь руки дактилоскопируемого должна быть свободной и ненапряженной.

Непосредственно перед перенесением краски валиком на левую подошву ноги, аккуратно протереть края валика, так, чтобы они не пачкали руки и не оставляли полос при дактилоскопировании. Дактилоскопическим валиком нанести средний слой краски с первого раза на левую подошву ноги, желательно не прокатывать по несколько раз

по одному участку подошвы, а лишь в случае, когда плохо видно папиллярную линию. Дактилоскопическим валиком сначала прокатать пальцы с плюсной, а затем свод с пяткой, при этом, желательно, против папиллярных линий, так, как при этом меньше вероятность, что они закрасятся. Прокатывание осуществляется при легком нажатии дактилоскопическим валиком на ладонь правой рукой дактилоскопирующего с давлением от 0,2 до 0,5 кг, равномерно и без смещений.

Третий прием переноса на папиллярную поверхность ладони с помощью подушки дактилоскопической подошвенной. Это третий прием, как правило, применяется при большом количестве дактилоскопируемых или добровольном виде дактилоскопирования. Подушка размерами 15 х 35 см пропитана специальной дактилоскопической краской (видимыми чернилами или не видимыми), которая находится в литом пластиковом корпусе с откидной крышкой. Прием техники переноса краски имеет схожесть с первым приемом, но с меньшим давлением до 1,5 кг и визуальным совмещением центра подошвы и подушки при окраске (прокатке). Подушка обеспечивает получение 1000 отпечатков. Конструкция пластикового корпуса допускает замену подушки дактилоскопической подошвенной.

Таким образом, после изучения подзаконных актов в странах СНГ имеется возможность подойти более творчески и практически по выбору разновидности приема техники традиционного дактилоскопирования подошв ног при переносе краски на папиллярную поверхность подошв ног в зависимости от конкретных обстоятельств.

Информация об авторе

Балко Владимир Иванович – преподаватель предметно-цикловой комиссии правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, колледж «Кайнар», 071400, Казахстан, г. Семей, ул. Интернациональная, 51, e-mail: krim90dakto97@mail.ru.

Information about the author

Balko, Vladimir I. – Lecturer, Subject-Cycling Committee of law and socio-humanitarian disciplines, the College «Kaynar», 51, Internatsionalnaya St., 071400, Semey, Kazakhstan, e-mail: krim90dakto97@mail.ru.

УДК 343.1

О.С. Сергеева

СТАНОВЛЕНИЕ ФИГУРЫ СПЕЦИАЛИСТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье приводится краткий исторический обзор становления и развития процессуальной фигуры специалиста как самостоятельного участника российского уголовного судопроизводства. Освещено последовательное развитие уголовно-процессуальных норм, которыми регламентируется участие специалиста в ходе расследования, раскрытия и рассмотрения уголовных дел. Приведены основные признаки, которые позволяют определить процессуальный статус специалиста. Акцентируется внимание на важности четкого представления о различии в целях привлечения эксперта и специалиста в уголовное судопроизводство, а также на недопущении смешения функций данных участников процесса. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства как с точки зрения дифференциации полномочий специалиста и полномочий эксперта, так и с точки зрения новых форм привлечения специалиста в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное право, специалист, сведущие лица.

O.S. Sergeeva

THE FORMATION OF THE FIGURE OF SPECIALIST IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article provides a brief historical overview of the formation and development of the procedural figure of the expert as an independent participant in Russian criminal proceedings. Lit consistent development of criminal procedural norms that regulate the participation of a specialist in the investigation, disclosure and handling of criminal cases. The main features that allow you to define the procedural status of a specialist. The arti-

cle focuses on the importance of a clear understanding about the difference in order to attract the expert and the expert in criminal proceedings, as well as preventing the mixing of functions involved in the process. The conclusion about the necessity of further improvement of criminal procedure legislation both from the point of view of differentiation of powers of the expert and authority expert, and from the point of view of new forms of involvement of the expert in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, criminal procedural law, the expert, knowledgeable person.

Использование специальных познаний в российском уголовном судопроизводстве имеет достаточно давнюю историю. Об этом свидетельствуют дошедшие до настоящего времени материалы судебных дел и иные правовые источники. Так, первый зафиксированный случай появления специалиста в уголовном судопроизводстве произошел в 1535 г., когда в связи с подозрением удельного князя Андрея Ставицкого в притворной болезни для его освидетельствования по этому поводу было привлечено лицо, сведущее в медицине [1, с. 4]. При этом отличительным признаком, которым ко времени своего появления обладали «специалисты», являлось именно их наименование – «сведущие лица», «опытные или знающие люди». Тем не менее, использование знаний таких «опытных», особо «сведущих и знающих» лиц в ходе производства по уголовным делам осуществлялось в российском уголовном судопроизводстве далеко не всегда.

В исторических источниках XVI в. имеются упоминания о привлечении в уголовный процесс лиц, обладающих специальными знаниями, в частности, в целях исследования почерка или установления подлинности документов, для осмотров которых привлекались дьяки. В XVII в. стали проводиться освидетельствования телесных повреждений с целью установления их характера. В этот период осуществлялось привлечение лекарей не только к освидетельствованиям, но в целях установления причин смерти – к наружным осмотрам трупов. Например, выводы о причине смерти на основании результатов вскрытия трупов впервые были сделаны в 1739 г. Первые случаи освидетельствования, проводимого монахами психического состояния обвиняемых, относятся ко второй половине XVII в.

К одной из начальных форм использования специальных знаний в уголовном процессе, относятся проводимые в этот период след-

ственные осмотры с участием сведущих лиц. В этой связи В.Н. Махов отмечает, что именно тогда произошло зарождение трех связанных между собой форм использования специальных знаний, образующих основу современного института сведущих лиц (специалистов и экспертов): 1) участие в следственных действиях; 2) проведение судебных экспертиз; 3) получение показаний от сведущих лиц [2, с. 63].

Благодаря судебной реформе 1864 г. процессуальное положение специалистов было упрочено – наряду с экспертами, специалисты стали называться сведущими лицами (или сведущими людьми).

В Уставе уголовного судопроизводства (далее – УУС) 1864 г. участие сведущих людей на предварительном следствии было детально регламентировано. Так, согласно ст. 315 УУС, сведущие лица привлекались для производства осмотров и освидетельствований, а также для дачи показаний. Они приглашались и в случаях, если для точного «уразумления» встречающихся в деле обстоятельств были необходимы специальные сведения либо опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или ином занятии (ст. 325 УУС). По предложению судебного следователя врачами осуществлялось проведение осмотров и освидетельствований. В ряде норм УУС содержалось указание на требования, предъявляемые к сведущему лицу. В частности, в ст. 326 УУС содержался перечень профессий лиц, могущих быть приглашенными в уголовный процесс в качестве сведущих людей – это врачи, учителя, фармацевты, профессура, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, которые в силу продолжительности занятием по какой-либо части или службе приобрели особенную опытность. При этом сведущие люди не могли избираться из лиц, которые участвуют в деле либо состоят по этому делу свидетелями, судьями или присяжными заседателями (ст. 693 УУС).

Таким образом, проводимые в этот период с помощью сведущих лиц осмотры и освидетельствования содержали в себе отдельные признаки той формы использования специальных знаний сведущих лиц, которая в настоящее время именуется «участием специалиста в следственных действиях».

Сведущие лица, кроме участия в проведении осмотров и освидетельствований, привлекались для разъяснения возникающих в процессе расследования уголовных дел вопросов, требующих наличия специальных знаний из различного рода областей деятельности. Таких участников уголовного судопроизводства Л.Е. Владимиров назы-

вал «справочными свидетелями» [3, с. 140], поскольку составляемые специалистами документы могли содержать не только выводы (заключения) по результатам проведенных ими исследований, но и могли представлять собой отдельные документы справочного характера.

В советский период становления и развития уголовно-процессуального права законодательная регламентация участия специалиста как процессуальной фигуры отсутствовала. В уголовно-процессуальных законах советской республики 1922 г., а затем и 1923 г. не упоминалось понятий «специалист» или «сведущее лицо», но был закреплен использовавшийся в юридической литературе термин «эксперт». В частности, ст. 58 УПК РСФСР 1923 г. закрепляла заключение эксперта в качестве доказательства, при этом примечанием к ст. 63 Кодекса устанавливались случаи, когда вызов эксперта являлся обязательным. В этот период термин «эксперт» относился ко всем сведущим лицам, поскольку не было четкого представления об институте сведущих лиц.

В то же время в нормах УПК РСФСР 1923 г. присутствовала преемственность с дореволюционным уголовно-процессуальным законодательством, оказавшим определенное влияние на конструкцию норм, посвященных использованию специальных познаний при проведении осмотров и освидетельствований. Так, в соответствии со ст. 193 УПК РСФСР судебно-медицинские эксперты приглашались для освидетельствования потерпевшего, обвиняемого, для осмотра и вскрытия трупов, а также в иных требующих медицинской экспертизы случаях. Согласно ст. 169–174 УПК РСФСР, в необходимых случаях эксперты приглашались для участия в осмотрах и освидетельствованиях, проводимых следователем.

Следует отметить, что законодателем в этот период времени не разграничивались полномочия эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве, поскольку последний законом предусмотрен не был. Вследствие этого реальное привлечение эксперта в уголовный процесс выходило за рамки его процессуальных полномочий, поскольку, кроме проведения экспертных исследований, он привлекался к освидетельствованиям и осмотрам.

Несмотря на отсутствие законодательной регламентации участия специалиста как процессуальной фигуры, в юридической науке вопрос о необходимости признания специалиста в качестве самостоятельного процессуального участника уголовного судопроизводства

исследовался в работах многих советских процессуалистов и криминалистов, которые обосновывали и отстаивали точку зрения о том, что процессуальные функции специалистов имеют существенные отличия от функций экспертов [4, с. 31].

Тем не менее, требования практики и отмеченной научной позиции не были учтены в УПК РСФСР 1960 г., в котором не только не был регламентирован процессуальный статус специалиста и порядок его привлечения для участия в следственных действиях, но и не содержалось самого его понятия. Однако специальные познания в уголовном судопроизводстве использовались, что подтверждается следующими положениями УПК РСФСР:

– участие педагога, как специалиста в области детской подростковой психологии, при допросе несовершеннолетнего свидетеля, обвиняемого (ст. 159, 397);

– участие врача-специалиста в области судебной медицины при осмотре трупа, а при невозможности его участия – иного врача (ст. 180).

В то же время в УПК РСФСР отсутствовала детальная регламентация прав и обязанностей указанных лиц, порядка их процессуальной деятельности.

Впервые процессуальная фигура специалиста, наделенного самостоятельным процессуальным статусом, была введена в УПК РСФСР 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. Именно на основании этого акта уголовно-процессуальный кодекс был дополнен статьями 66.1 «Отвод специалиста» и 133.1 «Участие специалиста».

В принятом в 2001 г. УПК РФ специалисту уже была отведена отдельная статья в гл. 8 «Иные участники уголовного судопроизводства», в которой нашли закрепление само понятие специалиста и его процессуальный статус. Так, согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Согласно законодательной дефиниции, основной задачей специалиста в ходе уголовного судопроизводства является содействие в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления при производстве следственных действий, применение в этих целях специальной техники, дача консультаций и заключений по специальным вопросам, относящимся к его компетенции.

В качестве основных признаков, позволяющих определить процессуальный статус специалиста можно выделить следующие:

1) наличие специальных знаний в определенной области науки, культуры, искусства, техники, ремесла, которые носят неправовой характер и необходимы для установления обстоятельств, имеющих значение для дела;

2) наличие навыков применения специальных знаний в силу профессионального или жизненного опыта;

3) привлечение лицом, осуществляющим уголовное судопроизводство, для участия в расследовании преступления и судебном разбирательстве;

4) независимость и не заинтересованность в исходе дела;

5) организационная, функциональная и юридическая обособленность от других участников судопроизводства (не может быть в одном лице и по одному делу обвиняемым, потерпевшим, следователем, дознавателем, судьей, прокурором).

Федеральным законом от 04 июля 2003 г. № 92-ФЗ в уголовно-процессуальный закон были внесены изменения, позволяющие использовать в доказывании показания и заключение специалиста. Ч. 2 ст. 74 УПК РФ, содержащая исчерпывающий перечень источников доказательств, была дополнена п. 3.1, впервые закрепившим заключение специалиста в качестве самостоятельного вида доказательств.

Изменения внесены и в ст. 80 УПК РФ, в содержание которой были включены ч. 3 и ч. 4 (заключение и показания специалиста), что не только повысило роль специалиста, но и способствовало расширению формы и возможностей использования данных разного рода наук в уголовном судопроизводстве. Благодаря этому, система доказательств, по мнению ученых, была дополнена достаточно эффективным средством собирания необходимых сведений, используемых в процессе доказывании по уголовному делу в ходе предварительного расследования и судебного следствия [5, с. 81].

Одной из целей дополнения УПК РФ данным видом доказательства, практически не вызвавшей дискуссии в научном сообществе, является необходимость расширения возможностей стороны защиты в состязательном процессе, в частности, предоставление ей права на собирание доказательств посредством привлечения специалистов [6, с. 354]. В этом отношении заслуживает поддержки позиция В.А. Лазаревой, считающей, что представленное стороной защиты заключение специалиста позволяет увидеть неполноту произведенных экспертом исследований, ненаучность применяемых им методик, необоснованность либо противоречивость экспертных выводов, а, значит, его существование обоснованно [7, с. 16].

В то же время в юридической литературе отсутствует единство точек зрения по поводу того, являются ли выводы специалиста, изложенные в его заключении, результатом исследования представленных ему объектов или только результатом их осмотра. По мнению одних авторов, специалист вправе провести исследование представленных ему объектов, при этом, по мнению Л.Г. Шапиро, такое исследование по глубине, полноте и всесторонности не уступает исследованию эксперта [8, с. 15]. Некоторые ученые, высказываясь за наделение специалиста правом проводить исследования, считают такую возможность реальным шансом для участников процесса, имеющих в деле самостоятельный правовой интерес, самостоятельно получить заключение от сведущего лица [9, с. 33].

Другие авторы придерживаются противоположной позиции, отрицая возможность проведения специалистом каких-либо исследований [10, с. 18], что представляется обоснованным, поскольку наделение специалиста правом проводить исследование противоречит положениям УПК РФ. Если в ходе производства по делу допустить возможность производства исследований специалистами, то следователи и судьи, думается, перестанут назначать экспертизы, а при возникновении потребности в использовании специальных знаний, будут обращаться к специалисту. В свою очередь, назначение экспертизы будет ими производиться лишь в случаях, прямо предусмотренных законом (ст. 196 УПК РФ), поскольку процедура назначения экспертизы предусматривает выполнение целого комплекса процессуальных действий, что, отнюдь, не требуется при привлечении специалиста.

Специалист привлекается к участию в уголовном судопроизводстве не с целью проведения исследований, поскольку именно для это-

го предусмотрено назначение разного рода экспертиз, а с целью дачи компетентных суждений об известных ему в связи с профессиональной деятельностью объектах. Из этого следует, что специалист составляет выводы о предмете на основании уже имеющихся у него специальных знаний об этом предмете, но не получает новые данные в результате проведения каких-либо исследований с ним.

С учетом того, что и специалист, и эксперт обладают специальными знаниями, важно четко представлять различие в целях их привлечения в уголовное судопроизводство и не допускать смешения их функций. В этой связи, на наш взгляд, необходимо совершенствование норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих участие специалиста, как с точки зрения дифференциации его полномочий с полномочиями эксперта, так и с точки зрения новых форм привлечения специалиста в уголовное судопроизводство.

Список использованной литературы

1. Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе / И.Ф. Крылов. – Л., 1963.
2. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлении / В.Н. Махов. – М., 2000.
3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула, 2000.
4. Винберг А. Специалист в процессе предварительного расследования / А. Винберг // Социалистическая законность. – 1961. – № 9. – С. 30–34.
5. Степанов В. Показания специалиста в уголовном судопроизводстве / В. Степанов, Л. Шапиро // Уголовное право. – 2005. – № 4. – С. 81–84.
6. Участники современного российского уголовного судопроизводства / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. – М., 2017.
7. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие / В.А. Лазарева. – М., 2009.
8. Шапиро Л.Г. Ситуационный подход к использованию специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности / Л.Г. Шапиро // Эксперт-Криминалист. – 2013. – № 3. – С. 15–17.

9. Зайцева Е.А. Применение специальных знаний сквозь призму Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ / Е.А. Зайцева // Законодательство и экономика. – 2013. – № 6. – С. 30–34.

10.Семенов Е.А. Заключение специалиста как источник доказательств / Е.А. Семенов // Адвокатская практика. – 2010. – № 2. – С. 15–17.

Информация об авторе

Сергеева Олеся Сергеевна – старший преподаватель, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Sergeevaos1805@yandex.ru.

Information about the author

Sergeeva, Olesya S. – Senior Lecturer, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law Institute, Baikal State University, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Sergeevaos1805@yandex.ru.

УДК 343.13

В.И. Козырев

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗУМНОСТЬ СРОКА ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье анализируются предоставленные правоприменителю законодателем инструменты определения разумного срока уголовного судопроизводства, именуемые обстоятельствами. Автором рассматриваются сложности использования указанных средств для обеспечения выполнения требований ст. 6^1 УПК РФ органами расследования, проводится обстоятельный анализ перечисленных в ней обстоятельств, влияющих на разумный срок уголовного судопроизводства, производится их разграничение на факторы и критерии определения с целью облегчения применения указанной нормы.

Ключевые слова: критерии; факторы; обстоятельства; разумный срок уголовного судопроизводства.

V.I. Kozyrev

CRITERIA AND FACTORS FOR A REASONABLE TERM OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the instruments provided by the legislator for determining the reasonable term of criminal proceedings, called circumstances. The author examines the difficulties in using these funds to ensure compliance with the requirements of Art. 6^1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by the investigative authorities, a thorough analysis of the circumstances listed therein that affect the reasonable period of criminal proceedings is made, and their distinction is made into the factors and criteria for determining in order to facilitate the application of this rule.

Keywords: criteria, factors, conditions, reasonable term of criminal proceedings.

Ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека (далее – ЕКПЧ) закрепляет право каждого гражданина на разбирательство его дела в разумный срок, что является одним из ключевых элементов в

международном праве. Ратификация Российской Федерацией требований ЕКПЧ привела к потребности добавить в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) новую статью, которая своим содержанием показала бы приверженность России общепризнанным международным принципам, что было воплощено законодателем в ст. 6^1 УПК РФ[1].

Целью формирования принципа разумного срока является, в том числе – устранение неопределенности правового положения участников уголовного процесса, а также – повышение эффективности судопроизводства, как формы осуществления правосудия [1, с. 51]. Указанное требование касается не только судебной части уголовного процесса, но и досудебной, а также является одним из основополагающих, поскольку для успешной борьбы с преступностью должен быть максимально сокращен период времени между совершением преступления и наказанием лица, его совершившего [2, с. 25].

Однако, практика применения ст. 6^1 УПК РФ показывает ее непригодность для субъектов уголовного процесса в том виде, в котором она представлена в Кодексе сейчас. Причин этого несколько, каждая из них, с нашей точки зрения, сводится к «формализму» подхода законодателя. Сложность данного направления деятельности понятна: российское законодательство не знает предельных сроков производства предварительного следствия [3, с. 303]. Примером может служить уголовное дело, возбужденное 18 сентября 2011 г. следователем Следственного комитета Российской Федерации по г. Екатеринбургу по факту убийства, сопряженного с изнасилованием, 14-ти летней девочки, подозреваемый по которому был установлен лишь 10 мая 2017 г.

На сегодня, законодатель ставит правоприменителя в положение, когда разные по своей сложности и необходимому (и достаточному) объему действий уголовные дела и материалы предварительных проверок по заявлениям, сообщениям о преступлениях необоснованно уравниваются. В совокупности, именно это, с нашей точки зрения, необоснованное уравнивание и вынуждает использовать в

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс] : федер. закон РФ от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ранге принципа оценочную категорию «разумный срок», которая должна соотноситься с конкретными установленными обстоятельствами произошедшего криминального события [3, с. 303].

Одна из главных причин неэффективной работы анализируемой статьи заключается в том, что законодатель, добавив в Кодекс ст. 6^1, не предоставил правоприменителю отлаженный инструмент, благодаря которому последний мог бы определить – укладывается ли срок расследования уголовного дела (или проведения предварительной проверки по заявлению, сообщению о преступлении) в понятие «разумности» или нет? Вместо размежевания и ранжирования критериев определения разумного срока и факторов, влияющих на продолжительность сроков, в ч. 3, 3.1, 3.3 ст. 6^1 УПК РФ и те, и другие приводятся последовательно, именуются «обстоятельствами», что исключает возможность субъектам правоприменения «приложить» указанную норму к конкретному уголовному делу (или материалу предварительной проверки) и ответить на поставленный вопрос, тем самым индивидуализировать срок конкретного уголовного производства.

Для исправления данной ситуации необходимо уйти от термина «обстоятельства», используя понятия «критерии» и «факторы», определить и нормативно их закрепить, прописав в ст. 6^1 УПК РФ, обязательно при этом размежевав.

В первую очередь, необходимо определиться, что есть критерий, а что – фактор.

Фактор – это момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении [4, с. 837]. Под фактором необходимо понимать исключительно условия, параметры, показатели, которые влияют на результат работы. С нашей точки зрения, к факторам относятся: 1) достаточность и эффективность действий должностных лиц, производимых в указанных в ст. 6^1 УПК РФ; 2) своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом причинен вред, с заявлением о преступлении; 3) поведение потерпевшего, лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред и иных участников уголовного судопроизводства и досудебного производства по уголовному делу. Дополнительно сюда можно отнести опыт работы должностного лица, погодные условия при осуществлении первоначальных следственных действий, особенности места совершения преступления и т. д. Перечень факторов в законе должен быть открытым, чтобы максимально учитывать все

обстоятельства, которые, так или иначе, влияют на сроки расследования или предварительной проверки.

Критерий – это мерило, оценки, суждения [4, с. 301]. В теории познания критерий определяется как признак или средство проверки действительности некоторого положения, а также как правило или основание принятия решения по оценке чего-либо на соответствие предъявленным требованиям. Именно критерии должны служить теми инструментами, с помощью которых должностное лицо будет выявлять нарушения разумного срока уголовного судопроизводства.

Из приведенных законодателем в ч. 3, 3.1, 3.3 ст. 6^1 УПК РФ обстоятельств выделим следующие критерии: 1) правовая и фактическая сложность материалов проверки по заявлению, сообщению о преступлении или материалов уголовного дела; 2) общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу; 3) общая продолжительность уголовного судопроизводства. Вместе с тем, в качестве дополнительных критериев разумного срока досудебного уголовного производства, по нашему мнению, надлежит учитывать количество участников в уголовном деле (например, свидетелей, потерпевших, подозреваемых или обвиняемых) или в проводимой предварительной проверке, а также полноту и объективность осуществленной на этих двух стадиях работы, ибо «быстрота следствия ни в коем случае не должна достигаться в ущерб его качеству» [5, с. 65].

Важно указать, что упоминание о количестве участников в расследовании уголовного дела или проведении предварительной проверки требует отдельного закрепления в ст. 6^1 УПК РФ и не может включаться в понятие правовой и фактической их сложности, поскольку под последним следует подразумевать такие факторы, как своевременность обращения лица, которому деянием был причинен вред, объем и сложность процессуальных действий, их число, наличие либо отсутствие совокупности преступлений, осуществление уголовно-наказуемой деятельности организованной преступной группой, а также потребность обращаться к смежным правовым нормам, потребность во взаимодействии с иностранными правоохранительными органами. Неправильно относить к факторам, влияющим на данный критерий такие обстоятельства, как неожиданное и непредвиденное увеличение материалов уголовного дела, присутствие общественного (публичного) интереса, количество обвиняемых, свидетелей и потерпевших, наличие серьезных оснований подозревать арестованного в совершении правонару-

шения и т. д., как это предлагается в работе К.Б. Калиновского и М.М. Ахмедова [6, с. 48], ибо ни один из них напрямую не влияет на повышение сложности уголовного дела (или проводимой предварительной проверки). Кроме того, не следует относить к ним и противодействие обвиняемых (стороны защиты) в ходе следствия, как предлагается М.Н. Зацепиной [7, с. 114], поскольку это полностью охватывается фактором «поведение потерпевшего, лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред и иных участников уголовного судопроизводства и досудебного производства по уголовному делу» (имеет смысл чисто логически изменить только формулировку данного фактора, прямо перечислив в нем подозреваемого, обвиняемого, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства и досудебного производства, помимо потерпевшего).

Под полнотой и объемом осуществленной работы по материалу предварительной проверки заявления, сообщения о преступлении или уголовному делу предполагается понимать все произведенные следователем или дознавателем процессуальные действия на момент оценки соблюдения им разумности срока уголовного судопроизводства, как то: допросы, очные ставки, проверки показаний на месте, избрание меры пресечения, привлечение в качестве обвиняемого и т. д. Потребность в отдельном закреплении данного критерия обусловливается тем, что субъекты ведомственного процессуального контроля, а также прокурорского надзора и судьи в своих решениях о признании срока расследования или предварительной проверки выходящим за требования ст. 6^1 УПК РФ, как нам известно, практически всегда принимают во внимание проведенную следователем или дознавателем работу.

Значительная часть нарушений разумного срока происходит не только при расследовании уголовного дела, но и в стадии его возбуждения (далее – ВУД). Подтверждением данного тезиса служит следующая статистика: за 2015 г. органами предварительного расследования было вынесено 8 569 516 постановлений об отказе в ВУД, из которых 575 204 решения принимались 2 раза, а 465 140 – 3 и более раз. Кроме того, низкое качество данной работы становится еще очевиднее, если учесть, что из указанных 8 569 516 постановлений об отказе в ВУД 2 346 476 решения были вновь отменены, в том числе те, которые уже отменялись 3 и более раз (их число составило 366 669) [7, с. 99–100].

Таким образом, проблема выполнения требований ст. 6^1 УПК РФ актуальна до сих пор. Исходя из этого, 03.07.2016 г. Федеральным

законом № 331-ФЗ «О внесении изменений в ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1] законодателем была введена ч. 3.3, которая закрепляла требования разумного срока в стадии ВУД, при этом в ее изложении впервые было использовано понятие «материала проверки сообщения о преступлении». Вместе с тем, при детальном изучении ч. 3.3 и ее сравнении с ч. 3.1 указанной статьи можно выявить значительное число лишь дополнительно продуцированных проблем. В их числе следующие:

1. Определению разумного срока досудебного производства в ч. 3.1 и ч. 3.3 даны различные толкования: в ч. 3.1 он охватывается периодом со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, тогда как в ч. 3.3 обозначен периодом со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения об отказе в ВУД либо о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ;

2. Ч. 3.1 закрепляет в качестве одного из обстоятельств, учитываемых при определении разумного срока правовую и фактическую сложность уголовного дела, тогда как ч. 3.3 данное обстоятельство описывает как правовую и фактическую сложность материалов проверки сообщения о преступлении или материалов уголовного дела, хотя логичнее было бы объединить все это в одну согласованную формулировку;

3. Ч. 3.1 не называет в качестве обстоятельства, учитываемого при определении разумного срока досудебного уголовного производства своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, с заявлением о преступлении, в отличие от ч. 3.3, несмотря на то, что оба рассматриваемых положения ст. 6^1 УПК РФ говорят о разумном сроке одного и того же временного промежутка;

4. Ч. 3.3, которая при определении разумного срока включает стадию ВУД, тем не менее, не рассматривает в качестве влияющего на него такого обстоятельства, как общая продолжительность досу-

[1] О внесении изменений в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон РФ от 3 апр. 2016 г. № 331-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

дебного производства по материалу проверки заявления, сообщения о преступлении, ограничиваясь лишь уголовным делом, полностью копируя, тем самым, аналогичное положение ч. 3.1 ст. 6^1 УПК РФ и повторяя ее проблему.

В итоге, можно заключить: очередное дополнение в ст. 6^1 УПК РФ не только не внесло исправления в ситуацию, но лишь еще значительнее усложнило применение и без того не работающей нормы. Статистическая отчетность Генеральной прокуратуры РФ за 2014–2016 гг. становится очередным показателем подтверждения вышеизложенным фактам. В частности, констатируется: 1) возрастающее число нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях (2014 г. – 3 605 162; 2015 г. – 3 732 360; 2016 г. – 3 778 553); 2) возрастающее число лиц, привлеченных в этой связи к дисциплинарной ответственности (2014 г. – 140 306; 2015 г. – 145 269; 2016 г. – 165 640); 3) число отмененных прокурорами постановлений об отказе в ВУД за 2016 г. составило 2 494 172[1].

В совокупности все это должно подвести законодателя к изменению ст. 6^1 УПК РФ не посредством дополнения к ее содержанию очередной части или пункта, а полноценным формированием ее новой редакции. Только такой подход позволит навести порядок с пониманием и применением принципа разумного срока уголовного судопроизводства и согласовать его элементы, что превратит чисто формальную норму в полноценный правовой инструмент.

В заключение отметим, что обязанность соблюдения правоохранительными органами положений ст. 6^1 УПК РФ напрямую затрагивает вопросы защиты потерпевших от преступления через восстановление их нарушенных прав. Это – одна из ключевых задач уголовного процесса России, выполнение которой обеспечивается, в том числе, разрешением уголовно-правового конфликта в разумные сроки. Однако, отсутствие сегодня сбалансированных, однозначных, юридически выверенных формулировок, обеспечивающих реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства, резко снижает эффективность применения упомянутой статьи уже на протяжении почти 7 лет, что, в свою очередь, не только дает возможность органам предварительного

[1] Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры за 2014–2016 гг. [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://genproc.gov.ru/stat/data/ (дата обращения: 23.03.2017).

расследования Российской Федерации фактически игнорировать в своей работе ст. 6^1 УПК РФ либо трактовать ее так, как «будет удобно» в зависимости от ситуации, но и лишает жертв преступной деятельности права на серьезную государственную защиту и поддержку.

Список использованной литературы

1. Уголовный процесс : учебник для академического бакалавриата / под ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. – 6-е изд., перераб. и. доп. – М., 2016.
2. Якимович Ю.К. Предварительное следствие по УПК РФ / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. – Томск, 2002.
3. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. – М., 2016.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1970. Т. 2.
6. Калиновский К.Б. Международные стандарты срочности уголовного процесса в практике Европейского суда по правам человека / К.Б. Калиновский, М.М. Ахмедов // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. М.К. Свиридова. – Томск, 2006. – Ч. 3. – С. 47–50.
7. Зацепина М.Н. Разумный срок судопроизводства в уголовном процессе России: понятие, содержание, правовые средства реализации : дис. … канд. юрид. наук / М. Н. Зацепина. – М., 2016.

Информация об авторе

Козырев Владимир Игоревич – аспирант, кафедра уголовного процесса, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», 664065, Российская Федерация, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, 100/1, e-mail: nelisvel@mail.ru.

Information about the author

Kozyrev, Vladimir I. – the postgraduate student, Chair of Criminal Process, Dostoevsky Omsk State University, 100/1, 50 let Profsouzov St., 664065, Omsk, Russian Federation, e-mail: nelisvel@mail.ru.

УДК 343.98

А.А. Митрофанова

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ»

В статье автором рассматриваются и анализируются точки зрения ученых-криминалистов на определение понятия «криминалистическое обеспечение», начиная с 70-х гг. прошлого столетия, когда данный термин был внедрен в научный криминалистический оборот, и по настоящее время. Приводятся позиции различных ученых относительно сущности, содержания и системы криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. Исходя из общеупотребительного значения термина «обеспечение», предложенных в криминалистической литературе определений изучаемого понятия и собственных рассуждений, предлагается авторское определение криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, криминалистика, расследование преступлений.

A.A. Mitrofanova

TO THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT «FORENSIC SUPPORT»

In the article the author examines and analyzes the views of forensic scientists on the definition of the concept of «forensic support», since the 1970s of the last century, when the term was introduced into scientific forensic circulation, and to the present. The positions of various scientists on the essence, content and system of forensic support of the activity of law enforcement bodies in the disclosure and investigation of crimes are presented. Proceeding from the commonly used meaning of the term «support», proposed in the forensic literature of the definitions of the concept being studied and their own reasoning, an author's definition of forensic support for the disclosure and investigation of crimes is proposed.

Keywords: forensic support, forensic science, investigation of crimes.

Криминалистика возникла и по сей день развивается как практико-ориентированная наука, обеспечивающая своими положениями и рекомендациями деятельность правоохранительных органов по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. «Общеизвестна прописная истина, – замечает А.Ф. Волынский, – наука только тогда имеет право на существование, когда она востребована обществом, когда она служит ему, способствуя его развитию, обеспечению его благополучия и безопасности. Не исключение в этом отношении и криминалистика» [1, с. 64].

В последнее время в криминалистической научной литературе достаточно активно употребляется термин «криминалистическое обеспечение расследования». Его используют как в контексте всего курса криминалистики, выделяя научное, технико-криминалистическое, тактико-криминалистическое и методико-криминалистическое обеспечение, так и применительно к расследованию отдельных видов преступлений. Однако взгляды ученых-криминалистов на определение указанного понятия весьма разнообразны. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть историю развития научной идеи криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, начиная с момента ее зарождения.

Еще в конце 70-х гг. прошлого столетия В.Г. Коломацким было разработано и введено в научный оборот понятие криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел, под которым в дальнейшем он предложил понимать систему внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умение работников использовать научные, методические и тактические криминалистические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений [2, с. 62].

Р.С. Белкин, в основном разделяя идею В.Г. Коломацкого, определил криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел в целом, и криминальной милиции в особенности, как систему «криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений их сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления,

раскрытия и расследования преступлений» [3, с. 64]. При этом система криминалистического обеспечения, по мнению Р.С. Белкина, состоит из трех подсистем: криминалистических знаний, криминалистического образования и криминалистической техники [3, с. 64–69].

Впоследствии точки зрения названных ученых нашли широкое признание и развитие в научной литературе [4, с. 9; 5, с. 200; 6, с. 69; 7, с. 264]. Так, например, Е.И. Попова считает, что «криминалистическое обеспечение следует представить как систему современных научных криминалистических знаний и сформулированную на их основе систему знаний, навыков и умений сотрудников правоохранительных органов по использованию научных криминалистических рекомендаций, применению криминалистических средств, методов и технологий их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений» [8, с. 82].

Однако существуют и другие подходы к определению понятия криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

Научный интерес представляет позиция А.Ф. Волынского, который криминалистическое обеспечение рассматривает как комплексную по своему содержанию деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений [9, с. 55]. Иными словами, названый ученый различает два уровня криминалистического обеспечения: созидательный, т. е. создание (формирование) указанных условий, и деятельностный – их практическая реализация [1, с. 66]. Под формированием условий готовности, как отмечает А.Ф. Волынский, понимается совершенствование не только криминалистических знаний, криминалистического образования, но и организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений, а также правового регулирования использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в процессе раскрытия и расследования преступлений [9, с. 55–56].

Аналогичного мнения придерживаются и ряд других авторов [10, с. 6; 11, с. 36]. К примеру, В.Ю. Сокол определяет криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как особую организационно-функциональную систему и включает в ее

содержание схожие уровни, именуя их научно-дидактическим уровнем (или макроуровнем) и исполнительским уровнем (микроуровнем). Научно-дидактический уровень представляет собой формирование и поддержание постоянной готовности работников правоохранительных органов к систематическому использованию в практической деятельности криминалистического арсенала средств борьбы с преступностью, а исполнительский уровень — реализацию этой готовности в каждом случае раскрытия и расследования преступления, обусловливаемом конкретной оперативно-розыскной или следственной ситуацией [12, с. 57].

Таким образом, ключевым отличием определений рассматриваемого понятия, сформулированных А.Ф. Волынским и иными сторонниками данного подхода, от определений В.Г. Коломацкого и Р.С. Белкина является выделение в криминалистическом обеспечении такого уровня, как реализация готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, приемов, средств и рекомендаций. Однако, как представляется, данный уровень выходит за рамки содержания криминалистического обеспечения и, как справедливо отмечает Е.С. Романова [13, с. 90], связан с применением его результатов в практической деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений.

Внимания заслуживает позиция З.И. Кирсанова, рассматривающего криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью, во-первых, как решение прикладных задач криминалистики, состоящих в разработке и предоставлении судебно-следственным, оперативно-розыскным и другим правоохранительным органам криминалистических средств и методик получения, оценки и использования информации, необходимой для выявления, предотвращения и раскрытия преступлений, и во-вторых, как выполнение дидактической функции, заключающейся в разработке проблем обучения практических работников криминалистическим методикам, вооружении их криминалистическими знаниями [14, с. 10–11]. На наш взгляд, автор справедливо относит к криминалистическому обеспечению разработку и предоставление правоохранительным органам криминалистических средств и методик. Однако разработка проблем образования, обучения не относится к предмету криминалистики, данные вопросы изучаются и совершенствуются в рамках педагогической науки, и в частности такого ее раздела, как дидактика.

Помимо названных подходов к формулированию определения изучаемого понятия, в последние годы появились и иные точки зрения. Так, Е.С. Романова, представляет криминалистическое обеспечение расследования преступлений как систему «формирования криминалистических знаний и представления их должностным лицам, принимающим участие в расследовании преступлений, в целях эффективного установления ими истины по уголовным делам» [13, с. 92–93]. Близкие по смыслу определения предлагают Р.Г. Аксенов и С.Р. Акимов [15, с. 7–13; 16, с. 7–12], а также А.В. Шмонин [17, с. 3–8].

Обобщая все вышеперечисленные позиции, можно выделить несколько признаков, присущих определению криминалистического обеспечения: 1) подавляющее большинство ученых-криминалистов определяют указанное понятие как систему, т. е. как нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей [18, с. 577] (элементов), что вызывает сомнения, поскольку изменение, исключение или введение нового элемента в состав криминалистического обеспечения не всегда влечет закономерное отражение на остальных; 2) достаточно часто криминалистическое обеспечение связывается с деятельностью, которая направлена на формирование и совершенствование криминалистических знаний, разработку криминалистических методов, средств, приемов, используемых для выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений; 3) целью данной деятельности является создание условий готовности к применению криминалистической научной продукции в процессе расследования преступлений. Стоит отметить, что такая готовность, является скорее психологической категорией, нежели криминалистической, и формируется в процессе получения высшего юридического образования и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Обращаясь к толковым словарям русского языка, мы видим, что обеспечить — значит, снабдить чем-нибудь в нужном количестве, сделать вполне возможным, действительным, несомненным [18, с. 350]. Термин «обеспечение» означает, прежде всего, вооружение кого/что-либо определенным ресурсом, средствами и технологиями, позволяющими эффективно, качественно осуществить действие, операцию, деятельность.

На наш взгляд, криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений можно определить как совокупность

разработанных криминалистикой средств, приемов, рекомендаций, технологий тактического, технического, методического, управленческо-организационного характера, позволяющих эффективно, качественно, оптимально и рационально осуществлять собирание, фиксацию, изъятие, исследование криминалистически значимой информации в зависимости от следственной ситуации и ее использование для решения задач уголовного судопроизводства.

Криминалистическое обеспечение предварительного расследования – это разработанный криминалистической наукой инструментарий, арсенал, вооружившись которым, субъект поисково-познавательной деятельности правильно выстраивает стратегию и тактику расследования.

Криминалистика призвана содействовать своими научными разработками борьбе с преступностью, обеспечивая ими процесс раскрытия и расследования преступлений. С этой целью учеными разрабатываются криминалистические приемы, методы и средства решения задач, стоящих перед практическими работниками. Однако, чтобы такое содействие было реальным, указанные криминалистические рекомендации должны активно внедряться и эффективно использоваться в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений [17, с. 260]. Таким образом, с криминалистическим обеспечением непосредственно связаны криминалистические знания, криминалистическое образование, формирование умений и навыков использования методов, средств и приемов выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, поскольку именно с помощью указанных элементов создаются условия для готовности правоохранительных органов к применению криминалистической научной продукции, и криминалистическое обеспечение внедряется в практическую деятельность их сотрудников, используется в процессе раскрытия и расследования конкретных преступлений.

Список использованной литературы

1. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики / А.Ф. Волынский // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2008. – № 3 (6). – С. 64–69.

2. Криминалистика : учебник : в 3 т. / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого. – М., 1995. – Т. 1 : История, общая и частные теории.

3. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М., 1997.

4. Жбанков В.А. К вопросу о криминалистическом обеспечении органов дознания и таможенных расследований ГТК Российской Федерации / В.А. Жбанков // Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью : инф. бюл. по материалам криминалистических чтений. – М., 2001. – № 13. – С. 8–11.

5. Махтаев М.Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступления : дис. … д-ра юрид. наук / М.Ш. Махтаев. – М., 2001.

6. Нуждин А.М. Частная (родовая) криминалистическая теория расследования криминальных банкротств / А.М. Нуждин. – Красноярск, 2006.

7. Яскевич А.В. Анализ становления и развития взглядов на понятие «криминалистическое обеспечение расследования преступлений» / А.В. Яскевич, А.В. Дешук // Криминалистические чтения на Байкале–2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.А. Степаненко. – Иркутск, 2015. – С. 260–264.

8. Гармаев Ю.П. Использование следователем норм об особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) / Ю.П. Гармаев, Е.И. Попова. – Новосибирск, 2016.

9. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – М., 2008.

10. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений. Спецкурс лекций : учеб. пособие для вузов / под ред. В.П. Лаврова. – М., 2003.

11. Куемжиева Е.Г. Криминалистическое обеспечение расследования фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета : дис. … канд. юрид. наук / Е.Г. Куемжиева. – Краснодар, 2016.

12. Сокол В.Ю. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. (Методологические и орга-

низационные аспекты) : дис. … канд. юрид. наук / В.Ю. Сокол. – М., 1998.

13. Романова Е.С. К вопросу о понятии криминалистического обеспечения расследования преступлений / Е.С. Романова // Российский юридический журнал. – 2010. – № 6. – С. 88–94.

14. Кирсанов З.И. Система общей теории криминалистики : науч.-метод. пособие / З.И. Кирсанов. – М., 1992.

15. Аксенов Р.Г. Криминалистическое обеспечение расследования налоговых преступлений : монография / Р.Г. Аксенов. – Тюмень, 2007.

16. Аксенов Р.Г. Криминалистическое обеспечение расследования криминальных банкротств : учеб. пособие / Р.Г. Аксенов, С.Р. Акимов. – Тюмень, 2006.

17. Шмонин А.В. Понятие и структура криминалистического обеспечения расследования преступлений / А.В. Шмонин // Труды Академии управления МВД России. – 2010. – № 1 (13). – С. 3–8.

18. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Л.И. Скворцова. – М., 2010.

Информация об авторе

Митрофанова Алёна Андреевна – аспирант, кафедра криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: alena_mitrofanova@bk.ru.

Information about the author

Mitrofanova, Alyona A. – the postgraduate student, Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology, Law Institute, Baikal State University, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: alena_mitrofanova@bk.ru.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Уважаемые коллеги!

На кафедрах криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, а также уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета формируется очередной номер периодического научного издания ***«Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения».***

Журнал входит в систему РИНЦ!

Рубрики сборника: *Международные и конституционные основы уголовной юстиции, Уголовный процесс, Криминалистика, Судебно-экспертная деятельность, Оперативно-розыскная деятельность, Трибуна молодого ученого, Особое мнение, Страницы истории, Отзывы. Рецензии, Новинки.*

1. Приглашаем профессорско-преподавательский состав, докторантов, аспирантов к научному сотрудничеству! Научные статьи можно направлять по электронной почте: sib.crim.chtenija@mail.ru.

В целях оперативного опубликования материалов просим оформить статьи в соответствии со следующими требованиями:

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста, выполненного в тестовом редакторе MSWord, 16 шрифтом TimesNewRoman с одинарным интервалом, поля 20 мм со всех сторон. Абзацный отступ – 1,25 см должен быть выставлен автоматически. Форматирование – по ширине. Установка функции переноса обязательна и должна быть выставлена автоматически. Название статьи печатается строчными буквами, жирным шрифтом.

3. Статья должна включать следующие элементы:

– сведения об авторе (ах): ФИО (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском и английском языках; e-mail, почтовый адрес и индекс, контактный телефон;

– название статьи на русском и английском языках;

– аннотацию статьи (**не менее 100 слов**), ключевые слова (5–6 слов) на русском и английском языках;

– код УДК;

– ссылки на использованную литературу приводятся в тексте в квадратных скобках с указанием номера страницы. При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования. Самоцитирование автора допускается не более 20% от количества источников в списке;

– список использованной литературы (**не менее 10 источников**), оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», помещается в конце статьи. Нумерация в списке литературы осуществляется по мере цитирования. Электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты, официальные документы, материалы следственной, судебной, экспертной практики указываются в постраничных сносках и в список использованной литературы не выносятся.

4. Для аспирантов, магистрантов, студентов к статье прилагается в отсканированном варианте рецензия научного руководителя с его подписью и печатью организации.

5. К опубликованию принимается материал, который при проверке по программе «Антиплагиат», показывает на менее 70 % оригинальности.

Образец оформления статьи

УДК 343.1

И.В. Смолькова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье дается сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, регулирующего применение мер пресечения, показывается их сходство и различие, сопоставляются российские меры пресечения с аналогичными китайскими: личное поручительство и передача под поручительство до судебного разбирательства; наблюдение по месту жительства, подписка о невыезде и домашний

арест. Рассматриваются основания и условия применения мер пресечения по УПК РФ И УПК КНР. Анализируются проблемы применения залога в качестве меры пресечения. Дана характеристика заключения под стражу как меры пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, передача под поручительство до судебного разбирательства, личное поручительство, залог, домашний арест, наблюдение по месту жительства, заключение под стражу.

I.V. Smolkova

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA GOVERNING THE USE OF RESTRAINT MEASURES

The article gives a comparative analysis of the criminal-procedural legislation of the Russian Federation and People's Republic of China governing the use of restraint measures, are shown together with their similarities and differences, are mapped to the Russian measures similar Chinese: personal guarantee and the transfer bail before trial; the observation of the place of residence, house arrest and house arrest. Considers the basis and conditions for the application of preventive measures in the UPK RF and UPK PRC. Analyzes the problems of applying bail as a preventive measure. The characteristic of detention as a restraint measure.

Keywords: restraint measure, transfer bail before trial, a bail, cash collateral, house arrest, surveillance by place of residence, detention.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [1]. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [2, с. 49]. Текст статьи[1]. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи[2]. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [3, с. 88].

---

[1] О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 12 февр. 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[2] О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях : постановление Пленума Верх. Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 52 (в ред. от 9 февр. 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2. С. 8–12.

Список использованной литературы

1. Юань И. Сравнительное исследование мер процессуального принуждения по УПК РФ И УПК КНР / И. Юань. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. – 136 с.

2. Муратова Н.Г. Зарубежный опыт принятия судебных решений при осуществлении судебного контроля за законностью расследования уголовных дел / Н.Г. Муратова, М.А. Подольский // Судья. – 2007. – № 5. – С. 48–52.

3. Рослов против России : постановление ЕСПЧ от 17 июня 2010 г. (жалоба № 40616/02) // Бюллетень ЕСПЧ. – 2010. – № 12. – С. 87–89.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kupik@bgu.ru.

Information about the author

Smolkova, Iraida V. – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Proceedings, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal State University, 11 Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kupik@bgu.ru.

Издается при финансовой поддержке гранта РФФИ «Комплекс международных научно-практических мероприятий "Байкальский юридический форум"» (номер проекта 17-03-14186, официальный сайт проекта http://blf.bgu.ru/).
Все материалы этого выпуска журнала были обсуждены на платформах Байкальского юридического форума, который проходил 21–22 сентября 2017 г., и нигде ранее не публиковались.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-67625 от 10 ноября 2016 г.

Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 80825

Журнал содержит научную информацию и знаком информационной продукции не маркируется

Полные тексты статей размещены на платформе Российской универсальной научной электронной библиотеки http://www.elibrary.ru

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Адрес редакции: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

e-mail: sib.crim.chtenija@mail.ru

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 30.11.17. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в ИПО БГУ.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Распространяется бесплатно.